

СКАЗКИ И МИФЫ ВОЛШЕБНОЙ РУСИ

ДЕНИС МОРОЗОВ

**ВУРДАЛАКАМ
НЕТ МЕСТА В РАЮ**

18+

Денис Владимирович Морозов

Вурдалакам нет места в раю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63389241

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман "Вурдалакам нет места в раю" – захватывающее произведение, сочетающее в себе славянское фэнтези, мифологию и остросюжетный детектив. Действие разворачивается в сказочном мире, где обитают русалки, водяные, оборотни и другие персонажи народного фольклора. Вурдалак Горихвост обладает особенным даром – он превращается в волка. Люди боятся и ненавидят его. Герой страдает и мечтает найти свое место среди людей, но, чтобы преодолеть их недоверие, ему придется пройти через множество жестоких и мучительных испытаний. Расследование загадочного убийства старого колдуна вынуждает Горихвоста отправиться в волнующее путешествие по волшебному миру, где ему предстоит столкнуться с демонами и древними божествами, разоблачить заговор коварных злодеев, победить ужасное чудовище, и встретить такую светлую, но такую печальную любовь. Это увлекательное повествование об истинных ценностях, предательстве и самопожертвовании, которое не оставит равнодушными любителей славянского фэнтези и детективов.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Вурдалак	18
Глава 2. Призрак	52
Глава 3. Змеиная гора	95
Глава 4. Черная нить	130
Глава 5. Лесная охотница	171
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Денис Морозов

Вурдалакам нет места в раю

Предисловие

«Вурдалакам нет места в раю» – волнующая история о том, как человек с уникальным даром сражается со своими внутренними демонами и внешними угрозами.

Откройте мир, где туманы Грязной Хмари сливаются с мрачной тайной Гремячего Дола. В этой завораживающей саге разворачивается эпическая картина приключений Горихвоста – оборотня, который борется за доверие и любовь своих односельчан.

Жизнь героя меняется, когда происходит жестокое убийство его последнего родственника – старого колдуна Дедослава. Князь Всеволод поручает расследование своему помощнику, безжалостному палачу Нежате. Но Горихвост не может доверить свою судьбу никому другому и принимает решение провести свое собственное расследование.

Окруженный опасностями, Горихвост сталкивается не только с людьми, но и с магическими силами, обитающими

в зачарованном лесу. Особые испытания готовит ему юная амазонка Ярогнева, которая неотступно преследует его.

Сила, преданность и любовь – вот главные орудия Горихвоста в его непрерывной борьбе. Он откроет для себя тайны жизни и смерти, столкнется с воплощением зла и даже с огненным драконом, чтобы спасти свой родной Гремячий Дол. Вопреки всем преградам, он готов пожертвовать собой, чтобы защитить тех, кого любит.

Отправьтесь в незабываемое путешествие по волшебным землям с Горихвостом и ощутите его силу, его жажду мести и его желание спасти мир. Отдайтесь во власть этой невероятной эпической истории, где ставки высоки, любовь таинственна, а силы зла поджидают на каждом шагу.

«Вурдалакам нет места в раю» – книга, которая потрясет вас до глубины души и разбудит ваше воображение!

13 вересня лета 6248 от сотворения мира

Деревня Грязная Хмарь видела седьмой сон, когда староста Воропай вскарабкался на скамью и потянулся к потолку, где на поперечной балке-матице покачивалось обезображенное тело старого колдуна Дедослава. Руки кудесника были связаны за спиной и неестественно вывернуты из суставов. Огонь опалил густую бороду, отчего в ней появились пепельные проплешины. Стоптаные сапоги валялись в углу, голые пятки почернели от огня, разведенного на полу.

На груди безумно оскалилась отрезанная голова козла, болтающаяся на вытянутых жилах, и на выпавшем языке, будто в издевку, прилипла щербатая серебряная копейка. И всюду кровь, боги родимые, сколько крови! Не поймешь – где звериная, где человечья.

Староста поморщился и заставил себя прикоснуться к вищащему телу. Оно покачнуло обгорелыми пятками, потолочная матица скрипнула, натянутая веревка запела, как тетива. Воропай едва не дал деру от отвращения и страха. «Ей-же ей, вот спрыгну с этой дурацкой скамьи и сбегу к себе в избу, где уютно и прибрано – кто заметит?»

Но нельзя! Быть старостой – не одни льготы. Это еще и обязанность отдуваться за всю деревню, что бы в ней ни случилось. Люди должны чувствовать, кто их вожак. Воропай отвернулся, поджал губы, и, зажмурив глаза, принялся резать веревку.

Тело с глухим стуком обрушилось на пол. Копейка выкатилась из пасти козла и зазвенела на обгоревших половицах. Взметнулась зола в самодельном костре, так не к месту разведенном прямо посреди горницы. В нос ударил запах горелой конопли, хорошо знакомый Воробаю – из конопляного волокна была выткана и его рубаха, и порты, и грубая вотола, наброшенная на плечи и перетянутая тертой пенькой.

«Долг исполнен! – с облегчением подумал староста. – Теперь можно звать воеводу. Пусть он занимается этим злодейством. А я пальцем больше не трону этого темного колдов-

ства. Ясно же, что волхва не просто убили, а казнили ради какого-то бесовского обряда. Может, бес до сих пор прячется где-то в подвале или на чердаке...»

Эта мысль так напугала его, что он соскочил со скамьи и со всех ног припустил на улицу. Утренняя заря едва занималась, деревенские жители только-только просыпались, зевали и протирали глаза, и лишь пастухи да гуляки провожали тревожными взглядами старосту, несущегося сломя голову к Сторожевой башне.

Багровый край солнечного колеса едва успел выкатиться на небосвод, а вся волость Гремячего дола уже трещала от слухов. Весть облетела окрестности со скоростью ветра: убит Дедослав Шиворонец, последний из рода великих волхвов, в незапамятные времена служивших Ушедшим богам. И не просто убит, а злодейски казнен то ли бесом, то ли какой другой нечистой силой, что кишмя кишит в Диком лесу.

Грязная Хмарь превратилась в растревоженный улей. Мужики и бабы пугливо выглядывали из-за заборов и перекликались: «Не видно ли вурдалака? Он ведь мстить явится, нечестивец поганый!»

В избу старого ведуна набилось столько народу, что боярину Видославу Рославичу, присланному в Гремячий дол на воеводство, пришлось самолично выталкивать непрошенных зевак. Обливаясь потом и размахивая длинными руками ферязи, воевода вопил:

– А ну, вон отсюда! Куда прете? Не трогайте место убийства, дайте собрать улики. Нежата, выпроваживай всех, кто не у дела. Кыш отсюда, кому я сказал!

Пожилой воин Нежата, еле продравший спросонья глаза, огрызнулся:

– Ты, боярин, мне не указывай! Не ты мне господин.

Видослав Рославич беспомощно взглянул на князя Всеволода, затертого в угол. Князь стоял, скрестив руки на груди, и хмуро взирал на кипящую вокруг него суету. Алое корзно на его плечах смялось, пушистый мех соболей с нижнего краю перепачкался в пролитой крови, отчего начал сливаться с дорогой тканью-багрянницей. Короткая русая борода и свисающие усы задрались вверх, как будто ему не хотелось видеть грешную землю. Синие глаза потемнели, как небо перед грозой.

– Нежата, не время пререкаться. Делай, что говорят! – велел он.

Пожилой вояка стремглав кинулся исполнять поручение. Под его напором праздный народец принялся вылетать в двери, как пробка из бочки с перебродившим квасом.

– Кому мог встать поперек горла старый колдун? – сумрачно спросил князь.

– Так твоему старшему братцу, Изяславу Ростиславичу, – услужливо подсказал боярин. – Тот кудесников и их слуг разогнал по лесам. А последний великий волхв вишь где спрятался – у черта на куличках. Грязная Хмарь – почитай,

самый край света. Дальше – один Шернский лес, а за лесом – нечистая сила. Люди там не живут. Тут человеческому миру предел.

Князь недовольно нахмурился, услышав про старшего брата, с которым прежде был не в ладах.

– Про Изяслава что теперь вспоминать? Его давно нет в живых, – бросил он раздраженно.

– Его-то нет, да обиды прежние никуда не делись, – возразил еще настойчивей воевода. – Изяслав-князь приказал весь род волхвов извести под корень. У Дедослава всех сыновей убили, а иные пропали без вести. Он один и остался. Не иначе, чудо уберегло.

– И что, никакой родни у него больше нет?

– Никого. Разве что суеверные бабы болтают, будто у сына его, Тихомира, родился ни человек, ни зверь, а сущий оборотень-вурдалак. То в людском виде покажется, то в волчьем. Да только кто верит бабским рассказням?

– Ты, Видоша, зубы князю не заговаривай! – встрял пожилой воин. – Никакие не рассказы это. Всё сущая правда. Вон, хоть у старосты спроси. Он тут с рожденья живет, все знает.

Воропай поспешно стянул с головы облезлую шапку и низко поклонился князю. Всеволод посмотрел свысока на селянина, недовольно мотнул бородой и спросил:

– Выходит, тот вурдалак колдуну внуком приходится?

– Истинно так, господарь, – затараторил селянин. –

Прежде звали его Гориславом, а теперь кличут Горелым Хвостом. В Диком лесу живет, к людскому жилью носа не кажет.

– А что, Хвост этот, сильно злой? – полюбопытствовал князь.

– Злой, батюшка, ужас как злой, – еще ниже склонился староста. – Мужики говорят: обязательно явится мстить. Всех волчьими своими зубами на клочья порвет, как порвал уже прежнего барина годом назад.

– Что за барин? – поднял князь русую бровь.

Староста понял, что сболтнул лишнего, и виновато взглянул на воеводу. Видослав тут же принял князя под локоток, отвел его в сторону и запел:

– Сельцом этим раньше владел сын боярский Злоба Кривая Шапка...

– Что, так и звали его? – переспросил князь.

– Так и звали, – заверил боярин. – Год назад нашли его тело на Девичьем поле, все сильно изодранное, будто волчьим клыком. Только волки из леса к жилью не суются – боятся охоты. А про вурдалака сказывают, будто он ничего не боится.

– Верно-верно, приходит в село, будто странник, – сунулся в господский разговор Воропай. – Людей сторонится – привык к лесной жизни, совсем одичал. Лицо прячет под клобуком. Разговаривает – будто рычит. Из-под губы торчит пара клыков – желтых и слюнявых, как у бешеного пса. Глаз

зеленый, мутный, недобрый. Как взглянет – так оторопь берет. Волосы жесткие, черные, что твоя шкура. На боку – меч Душебор, который покойный колдун достал из могилы на Змеиной горе. И шерсть у него везде – на загривке, лодыжках и даже ушах, только он ее не показывает.

– Если не показывает, то как ты узнал? – с сомнением спросил князь.

– Так он местный, родился тут. Мы его мальцом помним, – заверил староста. – До десяти лет бегал среди ребятишек, ничем особенным не отличался. А после твой братец, Изяслав Ростиславич, прислал слуг известить род Шиворонца. Они на нашего колдуна ополчились и семейку его перерезали. Только дед с внуком и уцелели. Дедослав обернул мальчика волком и отправил жить в лес – мол, там нечисть, туда люди не сунутся. С тех пор так и живет зверем. Кроме деда, никого у него не осталось. А теперь вот и вовсе один-одинешенек. Боюсь, нападет на него кручина. Как начнет лютовать да буянить – не уймешь. Он от людей-то отвык, жалеть никого не станет.

– Да, вурдалак придет мстить, и месть его будет жестокой, – согласился с Воропаем Нежата.

– Будет вам каркать! – прервал их воевода. – Раскудахтались, словно куры. Мы нечисти не страшимся.

– Горихвост, видишь ли, не совсем нечисть, – возразил Воропай. – Это живая тварь с душой и теплой кровью.

– Что нашли-то? – перешел к делу Всеволод.

– По всему видать, бесовский обряд, – доложил Нежата, радуясь, что может показать князю грамотность в сыскном ремесле. – Уголья еще не остыли, да и дым выветриться не успел. Выходит, дело было за два-три часа до восхода, то есть после трех ночи. Покойного оглушили сзади чем-то тяжелым, вроде молота или обуха от топора. После связали руки за спиной вот этим вот пояском и вздернули на матице, как на дыбе. Руки у него, вишь, из суставов повывернулись – ох и хрусту ж, я чаю, тут было, и воплей! На дыбе всегда так, – с видом знатока пояснил он. – Дальше злодей развел под ногами костер и принялся жечь ему пятки. Судя по иссеченной спине, охаживал шалыгой со свинцовыми шариками в языках – один такой выскочил и меж половиц закатился. После взял пучок розог, поджег и огнем тыкал в брюхо. Затем зарезал козла, пустил кровь, вытянул жилы и повесил отрезанную голову бедняге на грудь. Бросил в пасть козлу серебряную копейку – наверное, чтобы откупиться от бесов. А дальше – сам не пойму, что тут было. Конопляное семя рассыпано по полу – видать, злодей жег его и пускал в горницу дым. Стало быть, жертву окуривал.

– Для чего? – удивился князь.

– Не серчай, господине, ума не приложу, – повинился Нежата. – Может, бес ради забавы потребовал?

– Без беса не обошлось! – вынырнула из-за спины старосты его жена Духаня, которой давно уже не терпелось вставить словечко. – Дедослав-волхв, царство ему небесное, хра-

нил у себя черную книгу – большую такую, тяжелую, в деревянном окладе с позолотой и драгоценными камнями. Ему Лесной царь, всякой нечисти повелитель, на сбережение дал. Мы всю избу перерыли – нет больше книги. Забрал ее лиходей. А в книге – колдовские письма. Как вызывать нечистых духов из преисподней. Как напускать на селян лихорадки и мор. Наконец, как разбудить змея, что дремлет под Дышучей горой...

– Бес его и прикончил, – поддакнул жене Воропай. – Небось, волхв сам его и позвал. А нечистые духи – они такие. Не хватит сил совладать с ними – они на тебя первого и набросятся, и тогда уж пощады не жди.

– Нет, тут не бес погулял, – возразил Нежата. – Нечистый бы без молотка обошелся. Тут чья-то рука постаралась.

Тут уже воевода Видоша не выдержал, широко развел ладони в стороны и от души расхохотался.

– Полно, княже, – заговорил он, отсмеявшись. – Ты же вырос на западе, в просвещенных краях. Верят ли там в этакie небылицы?

– Там-то верят, – задумчиво вымолвил князь. – И не такое доводилось слышать.

– Наши вятичи тебе с три короба наплетут. Кстати, предка помершего колдуна так и звали: Плетун. Тот еще был завирала. Вятичи все такие, тебе ли не знать?

Внезапно уличные псы разразились неистовым лаем.

– Видно, что-то почуяли! – поднял палец к потолку Воро-

пай.

Вслед за псами заголосили бабы. Разревелся испуганный ребенок, послышались топот и беготня.

– Вурдалак! – истошно взвыла старостиха Духаня. – Его только что видели! Через околицу перескочил.

Князь прильнул к узкому волоковому оконцу, пытаясь разглядеть, что происходит на дворе. Видоша, забыв о приличиях, навалился ему на плечи и попытался пролезть вперед. Нежата запрыгал у них за спинами – ему тоже не терпелось увидеть все своими глазами.

В этот миг сквозь поредевшую толпу протолкался незнакомец в распахнутом черном кафтане, из-под которого виднелась замызганная косоворотка, перетянутая поясом из дубленой кожи. На поясе болтался увесистый кошель, но внимание привлекал не он, а короткий меч в ножнах, рукоять которого украшал темно-зеленый самоцвет. Лицо незнакомца пряталось под глубоким капюшоном, опущенным так низко, что выглядывала одна короткая черная борода, больше похожая на двухнедельную щетину. Острый конец капюшона колыхался над головами людей, как парус над морскими волнами, да и фигура самого незнакомца походила на тощую жердь, с которой свисают чужие обноски.

Пришелец склонился над телом убитого и бережно сложил безжизненные ладони на залитой кровью груди. Голову козла он отбросил в сторону, при этом щербатая серебряная копейка звякнула и покатилась по половице. Незнакомец

прихлопнул ее ладонью, поднял к темной дыре капюшона и втянул воздух ноздрями. Затем он смел несколько горстей конопли, рассыпанной вокруг кострища, и отправил их в суму, перекинутую через плечо.

– Эй, ты кто такой? Откуда будешь? – недовольно окликнул его Воропай.

Чужак сверкнул из-под капюшона недобрым глазом, распрямился, как тетива после выстрела, и быстро направился к выходу.

– Стой! Ребята, держи его! – завопил Воропай деревенским.

Печник Жихарь и бортник Пятуня, которых не смог вытолкать даже Нежата, схватили пришельца за руки и не позволили перешагнуть через порог. С его головы сдернули капюшон и развернули лицом к окну. На князя угрюмо глянули два зеленых глаза, горящих адским огнем. Незнакомец злобно ощерился, и из-под нижней губы его выпростались два желтых клыка, с которых сорвалась капля липкой слюны.

– Горихвост! Вот принесла нелегкая! – выдохнул староста.

Духаня спряталась за спину мужа и глухо завывала. Пришелец взмахнул крючковатыми лапами, и Жихарь с Пятуней столкнулись, звонко ударившись головами. На миг они потеряли хватку. Этого оказалось достаточно, чтобы оборотень вырвался и полез в узкую дверь.

– Не дайте ему уйти! – первым пришел в себя князь.

Воевода отшатнулся и закрыл лицо ладонями. Нежата

бросился к выходу, дернул противника за кафтан и силой втощил обратно в горницу. Чужак зарычал от ярости, скинул с плеча суму и выудил из нее волчью шкуру. Звякнула копейка, выпавшая на пол из складок. Пушистый мех заиграл переливами в отсветах узких окошек. Оборотень набросил шкуру на плечи, ловко подскочил и прямо в воздухе совершил кувырок через голову. Миг – и изумленный князь увидел перед собой черного волка, что стоит на четырех лапах и помахивает хвостом, угрожающе щерясь и пуская слюну из клыкастой пасти.

– Пустите его, не то худо будет! – заверещал Воропай.

Ошеломленный Нежата не мог поверить глазам. Он так и застыл рядом с дверным проемом, таращась на зверя. А тот, словно издеваясь над изумленными людьми, развернулся, насмешливо помахал хвостом и неторопливо затрусил мимо стража на крыльцо.

Прошло не меньше минуты, прежде чем присутствующие пришли в себя. Воропай отдышался и тяжело произнес:

– Его нельзя трогать, когда он в волчьей шкуре. Человеком-то он еще ничего, а как обернется – зверь зверем становится.

Нежата не находил себе места: он переживал, что дал слабину и упустил беглеца.

– Может, погоню послать, Всеволод Ростиславич? – робко спросил он, едва смея поднять на князя глаза.

– Только не в одиночку, – откликнулся Всеволод. – По-

лоши село. С этим зверем не управиться иначе, как целым миром.

Глава 1. Вурдалак

Волк-оборотень остановился посреди двора, показал зубы и грозно зарычал. Деревенские мужики завопили и бросились удирать. Глупая псина на цепи поджала хвост, забила в конуру и прикрыла нос лапами. Горихвост довольно оглядел свою лоснящуюся шерсть и неторопливо выбежал в распахнутые ворота.

Кажется, вурдалаку в деревне были не рады. Едва завидев его, редкие прохожие сигали в ближайшие ворота и тут же запирали их на засовы. Испуганные бабы хватили на руки детей и истошно вопили.

«И чего они меня так боятся? – подумалось Горихвосту. – Я ведь еще никого не тронул...»

Сзади слышались топот и крики – застигнутые врасплох мужики опомнились и бросились в погоню. Но черный волк считал ниже своего достоинства оборачиваться на это беспомощное мужичье. Тем не менее он все же ускорил шаг и перешел на рысцу. Однако это сыграло с ним злую шутку: едва выбежав на главную площадь села, известную под названием Утоптыш, он поскользнулся на грязной кочке и с лету въехал в вязкую мутную жижу, переходящую в стоячее болотце.

Липкий холод окутал его лоснящуюся шкуру. Горихвост

высунул голову из трясины, затянутой зеленеющей ряской, и принялся отплевываться.

«Вот тебе и на! – сказал он себе самому. – Поганая лужа! Как я мог про нее забыть?»

Горихост помнил эти места, по которым любил бегать с такими же малолетними сорванцами в прежние времена, когда были живы мать и отец. Вон там, через площадь, двор зажиточного кулака Воропая, с сыновьями которого он когда-то дрался до первого синяка. За высоким тыном из отесанных бревен с острыми верхушками слышатся голоса баб и плач младенцев – видать, его детские приятели оженились и нарожали потомства. Справа, к востоку – господская усадьба, где недавно поселился князь, невесть как оказавшийся в этом забытом богами краю. Слева, к западу – Ветхое капище, на котором когда-то волхвы приносили жертвы, пока люди не начали забывать, кому они всем обязаны.

И, конечно же, в самой середке села, недаром прозванного Грязной Хмарью – Поганая лужа, стоячее болотце, не просыхающее даже в разгар летней жары. Судя по гнилостной вони, отбивающей любые запахи, ее используют, как помойку. Остатки скисшей капусты, рваное тряпье и даже утопленные котята – все плавают в зеленовато-коричневой жиже, к которой и прикоснуться противно, не то, что залезть в нее целиком.

Горихост поспешил выбраться на сушу и самозабвенно встряхнулся, сбрасывая с пушистой шкуры ошметки помо-

ев. И тут же получил по хребту нехилый удар жесткой палкой – кажись, даже железной. Он рыкнул от неожиданности и припал брюхом к земле, и сразу же ему на шею скользнула веревочная петля, сплетенная из прочнейшей пеньки.

Едва увернувшись, он вырвался, и еще не разобравшись, что происходит, цапнул зубами подвернувшуюся ногу в стоптанном лапте и онучах. Болезненный вопль и матерный лай подтвердили, что он не растерял волчьей хватки.

– Пятуня, он схватил меня за ногу! Щас до смерти загрызет! – заныл хриплый голос.

Тяжелая туша деревенского печника свалилась в грязь и принялась извиваться, взметая коричневато-зеленые волны. Блестящая лысина в обрамлении черных с проседью прядей сверкнула под солнцем, едва пробившимся сквозь осенние тучи. Железная кочерга выскользнула из толстой ладони и звякнула о камень. Противник поднялся на карачки и прямо на четвереньках принялся уползать, проявляя при этом сноровку, неожиданную для его пухлых телес. Однако Горихвост не собирался отпускать его просто так: он впился клыками в толстую икру, стянутую онучей и лыковыми оборами, и потащил ее к себе.

– Держись, Жихарь! – завопил второй голос, скрипучий и тонкий.

Кто-то схватил вурдалака за хвост и дернул так рьяно, что шерсть встала дыбом.

«А вот это уже оскорбление. Когда бьют – это еще понят-

но. В деревнях всех бьют, такие тут распорядки. Но чтоб за хвост дергать? Этого ни один уважающий себя волчище не стерпит».

Горихвост выпустил прокушенную икру Жихаря и нырнул в сторону бортника Пятуни, привычно орудуя пеньковой веревкой. Цап! – и на длинной хваталке этого чучела остались рваные отметины его клыков. Резкий, пружинистый старт задних лап, ловкий бросок на плечи противнику, веселые обнимашки передними лапами, добрый оскал и слюнявый фонтан ему в рожу – и высокая, длинная фигура Пятуни опрокинута навзничь, как жердь с пугалом в скошенном поле.

– Жихарь, прощай! Мне конец! – запричитал бортник, прижатый к земле мощными лапами волка.

Однако печник даже не отозвался. Он удирал со всех ног, забыв о размотанной онуче и рваной ране на икре.

Горихвост распростер Пятуню в грязи, для острастки порычал ему в лицо, втихаря посмеялся над тем, как тот морщится и пытается отвернуться, и обдал его вонючей слюной. «Что, не нравится? А волков за хвост дергать – это в каком уставе прописано?»

– Кончай меня поскорее! Не мучай, нечистая сила! – тоненьким голоском выл Пятуня. – Тело ты можешь задрать, но души моей не возьмешь. Она улетит к богам прямо в рай. Потому что каждый, кого кончит нечистая сила, попадает туда прямиком, и ему искупаются любые грехи!

– Не надейся! – прорычал Горихвост. – Твою душу поймают злой бес, и утащит ее прямо в пекло. Потому что таким дурням как ты в раю делать нечего. Боги прокляли этот мир. Прокляли и уплыли. Надеяться не на что!

Пятуня зажмурил глаза и вжался затылком в грязь.

– Говори, кто убил деда? – рыкнул Горихвост.

– Откуда мне знать? – извиваясь ужом, взвизгнул бортник. – Это случилось посередине ночи. Никто ничего не видал.

– И что, никто ничего не слышал? Не было криков, мольбы, зовов помощи?

– Псы заливались от лая и все заглушали. Но я думал – это их растревожил призрак.

– Что за призрак?

– Дух прежнего барина, Кривой Шапки Злобы, который бродит неуспокоенным по своим бывшим владениям и ищет ту тварь, что его растерзала, – злорадно излил из себя Пятуня.

Он отважился раскрыть глаза и с вызовом пялился на Горихвоста:

– Помяни мое слово – он придет за тобой! Что ощерился? Думаешь, дух простит, что ты его затерзал?

– Что ты порешь, кого я терзал? – изумился Горихвост и отпрянул назад, давая Пятуне возможность чуть-чуть приподняться. – Я деревенских не трогаю, таков уговор.

– Вот ты ему, Кривошапу, и Расскажи, – с еще большим злорадством захохотал бортник. – Все знают, что о прошлом

году ты порвал его на ошметки. Разбросал куски мяса и кости по Девичьему полю – их нашли со следами клыков. А сельцо наше прикупил этот блохастый Видоша, с тех пор все беды и начались.

– Вот так новость... – удивленный Горихвост до того ослабил хватку, что Пятуня поднялся на ноги, но не сбежал, как можно было ожидать, а принялся обличать и совестить волка:

– И отпираться не думай, вранью твоему никто не поверит! – истово вещал он, размахивая длинными руками, на которых болтались слишком широкие для них рукава. – Настоящие волки из Дикого леса к нам не бегают – боятся ловцов. Волчица скорее щенка своего отдаст, чем к охотнику выйдет, а рядом с деревней и следов их никто не видал. Вот и выходит, что кроме тебя, никто боле не мог сотворить такой лютости. А теперь дух боярина возвернулся по твою душу, и пока с собой тебя не заберет – не отстанет.

– А что этот дух, прежде уже объявлялся? – озадаченно спросил Горихвост.

– Нет, этой ночью явился по первому разу, – успокаиваясь, ответил Пятуня.

– И с чего ты решил, что это прежний хозяин?

– Его ни с кем не попутаешь. Свитка на нем черная, с черепом и двумя шестоперами. Шита из полкового знамени, которое он отбил у врага. А шапка длинная, белая, со свисающим колпаком, болтается за спиной, что твой хвост.

– И в котором часу ты его видел?

– Часу в третьем. Да и видел-то я не так много. Выбралась из конопляника чья-то тень и принялась нарезать круги меж селом и избой Дедослава.

– Как он себя вел? Может, летал, завывал, или что там еще привидения вытворяют?

– Ничего он не вытворял. Все бродил и кого-то искал. Вот псы и лаяли целую ночь. Гвалт стоял – сквозь такой ничего не расслышишь.

– Вот, значит, почему деду моему на помощь никто не пришел, – с досадой шепнул Горихвост. – А я-то думаю: как же вышло, что его полночи пытали и жгли, а в деревне все будто оглохли.

– Так ведь изба Дедослава на самом отшибе. За конопляником ее не видать. Да и привыкли мы к его колдовству. Старый волхв, бывает, такого начудит, что ни в одном сне не приснится.

– А сам-то ты почему так поздно не спал? – пришло в голову вурдалаку.

– Да мы, видишь ли, в кабаке засиделись, – смущенно признался Пятуня. – Я, Жихарь, староста, кметь Нежата и княжеский конюх Коняй.

– Что за кметь?

– Старый, опытный воин, что все время при князе. Он в столичной дружине много лет прослужил, а теперь вот приехал с хозяином на нашу окраину. И, разумеется, сразу в кру-

жало. Сначала все напились, а потом резались в шахматы. Что ни игра – то серебряная копейка. Так и ходили эти копейки по кругу, пока не пришел полоумный Лутоха. Все думали – он дурачок, вот и позвали его поиграть смеху ради. А он всех и обставил. Ну, мы, конечно, отыгрываться. Уже дело к полуночи, а вернуть своего все не можем. Так и играли до тех пор, пока ни одной денежки на руках не осталось.

– А не было ли среди них такой битой, со щербиной?

– Да, вроде была. Все Лутохе досталось. Надул нас юродивый, даром что дурень.

– И что после?

– Залили печаль доброй чаркой и пошли по домам.

– Выходит, разошлись все за час-полтора до того, как убийца вломился к волхву. Это мог быть любой, кто играл в кабаке.

– Никакой не любой, – обиделся бортник. – Говорю же: когда я выходил, то призрак уж рыскал неподалеку.

– Еще кто-нибудь его видел?

– Вряд ли. Мы столько кружек опустошили, что в небе три месяца засияло. Один только Лутоха к вину не притронулся. А когда уходил – прикупил целый мех и с собой унес. Вот и пойми его после этого.

Горихвост сел на задние лапы и задумчиво принялся расчесывать свою гриву. Пятуня помялся перед ним и смущенно сказал:

– Ты вот что, Горюня... Ты бы скинул с себя волчью

шкуру. В человеческом виде с тобой разговаривать куда как сподручнее...

Горихвост встал на лапы, и тут же услышал позади хриплый возглас:

– Хвала небесам, мой дружок еще жив! Ребята, опутывай волка сетью. Пятуня, ради всего святого, отступи от него подалее. Святополк Всеволодич, не лезь вперед, мы без тебя управимся!

Рыбачья сеть с широкими ячейками взметнулась над его головой. Горихвост едва успел отскочить в сторону, как она накрыла сухой пяточок, на котором он только что стоял. Пятуня отполз к краю лужи, растерянно бормоча:

– Постойте! Давайте просто поговорим...

Но его никто не слушал. На Горихвоста уже мчался розовощекий юнец с дорогим мечом в руке. Одет парень был побогаче: отличные сапоги из темно-красного сафьяна с вышивкой, пояс из бычьей кожи с позолоченной пряжкой, белоснежная льняная рубаха, и за плечами, как багряное знамя – княжеское корзно с золотистым соколом, несущим в когтях дубовую ветвь. Сапфировые глаза парня сверкали, а овальное лицо выражало одновременно страх и ярость, как будто он нападал на целый полк лютых бесов.

– Святополк Всеволодич, куды? Стой! Батюшка в бой не велел соваться! – завопил Нежата, пытаясь ухватить юнца за края развевающегося корзна.

Куда там! Старый кметь не мог угнаться за юношей, кото-

рому было на вид лет семнадцать.

– Княжич, стой! Княжича не пущать! – на разные голоса загомонили староста Воропай и долговязый конюх Коняй.

«Княжич? – смекнул Горихвост. – Если я его трону, князь не простит, забот только прибавится...»

Юный вояка занес меч – кажется, он на полном серьезе собирался им рубануть. Это уже не печник Жихарь с гнутой кочергой – вон он, маячит за спиной барчука, делает вид, будто душа его не ушла в пятки, а поджилки не трясутся, как тетива лука после стрельбы.

Горихвост спрятал гордость подальше и полез в пахучее болотце.

– Что, испугался? – победоносно возликовал розовощекий юнец, выплясывая на берегу.

Прислуга начала умиляться и хвалить барчука за то, как лихо он нагнал страху на такого дикого зверя. «Да ладно, леший с ней, с мелкой челядью. Они всего лишь людишки. В конце концов, кто они и кто я? Но вот матерый Нежата с рыбачьей сетью, похоже, знает, что делает. Эх, принесла же его нелегкая на мой хвост!»

Пожилой воин, и в самом деле, уверенно лез к нему вброд, нимало не смущаясь чавкающей жижи, доходящей ему уже до груди. Черная борода его хищно топорщилась, взгляд синих глаз не сулил ничего доброго, а огромные, как лопаты, ладони тянулись, готовя сеть для броска.

– А может, оставить его? Ну чего он нам сделал? – робко

подал Пятуня свой тоненький голосок.

– Заткнись, жердь! Он прежнего барина изодрал! – рявкнул на него толстый Жихарь и замахнулся кочергой.

«Лихо-марево! А в болоте-то, похоже, и утонуть, что хвостом крутануть!» Горихвост понял это только тогда, когда попал в самую топь. Трясина начала засасывать его с задних лап, потом, чавкая, облизала брюхо и жадно вознамерилась проглотить всего без остатка. Вскоре над зеленой ряской торчал только влажный нос да разинутая пасть, судорожно хватаящая воздух.

– Смотрите, волка топит, как слепого котенка! – радуясь, верещал Жихарь.

Ему было хорошо на сухом берегу. Горихвост боролся изо всех сил, но чем больше он барахтался, тем больше погружался в вязкую липучку. «Неужели все кончено? – с горечью подумалось ему. – Сгинуть вот так, на сельской площади, под дурной смех и гогот неотесанной деревенщины? А будет ли кто-то из них искать убийцу моего деда? Найдет ли виновного? Отомстит ли? Нет, без меня враг останется целым, да еще насмеяться будет над тем, как ловко обделал он это дельце: истребил весь род Плетуновых под корень, прикончил старика-волхва, а последнего в роду отправил на дно грязной лужи...»

Ему стало так невыносимо при этой мысли, что он решил: «Нет, я еще поборюсь! Раз не выходит спастись силой, попробуем умом. Как выбраться из болота? Кто бы мне подска-

зал? Кто вообще это знает? Разве только болотник. Ну конечно, болотник Колоброд! Сто лет его не встречал. Где он теперь? Небось, плавает за рекой в тихих стоячих водицах. Он бы помог – стоит только позвать. Вот только как вызвать этого чешуйчатого ящера?»

Горихвост отчаянно глотнул воздуха и из последних сил прорычал:

Под водой гора, под горой – дворец.

Во дворце сидит водяной игрец.

Гусли тронет он – тут же в пляс пусться.

Царь болот и рек, мне тотчас явись!

Холодная жижа захлестнула морду и залилась в распахнутую пасть. Горихвост попытался выплюнуть тину, но захлебнулся еще больше. Дыхание перехватило, он попробовал упереться в дно, но только взмутил вокруг себя грязь. И тут же почувствовал, как его подхватывают холодные руки с перепонками на пальцах. К его пасти приложились чьи-то толстые губы и вдохнули воздух.

«Набери воздуха и не дыши!» – услышал он сквозь плеск взбаламученной воды. И тут же холодные руки с силой вырвали его из трясины и подняли вверх, над водой, обдав зеленую ряску дождем ярких брызг. Горихвост жадно глотнул свежего воздуха и задержал дыхание.

Зеленое, гибкое, похожее на большую ящерицу тело при-

жало его к груди, заботливо прикрыло глаза, и ухнуло куда-то вниз, в холодную темноту. Они понеслись по подводным протокам, известным лишь водяным да болотникам. Вода в них была свежей – не то что в помойном болоте. Горихвост не мог ее видеть, но чувствовал холодок чистых струй.

Болотник уносил его все глубже и глубже. Воздух в легких кончался, нестерпимо хотелось разинуть пасть и вдохнуть, а там будь что будет. Горихвост уже готов был пустить пузыри, когда зеленый ящер поднял его над речной рябью, под тусклые лучи осеннего солнца.

Как сладок может быть обыкновенный воздух! Он врывается в легкие упругой волной, бьет в нос, кружит голову! Горихвост не мог надышаться. Болотник медленно тащил его за загривок вдоль заболоченных берегов, выискивая подходящую отмель. Вурдалак поудобней устроился на чешуйчатой спинке ящера и растопырил лапы, купаясь в нагретой неярким солнцем воде.

Вот где раскинулось настоящее болотное царство. Разлившаяся река покрывала пологие берега, затопляя леса и подлески. Густые кусты и деревья торчали из воды, создавая подводные джунгли. Островки, заросшие соснами и осинами, возвышались над заболоченными низинами. Стоячие воды кишели мальками, а с глубины поднимались пузырьки, и даже думать не хотелось, что за заблудшие души могли их пускать. По ночам тут мигали загадочные огоньки, замани-

вая случайную жертву в трясину.

Солнце уже клонилось к закату. Его лучи пробивались сквозь серебристые тучи и золотили верхушки деревьев в Диком лесу, за которым высилась темно-зеленая громада Змеиной горы. За Девичьим полем царапали небо шатры над теремами господской усадьбы, а еще дальше выглядывала утонувшая в зелени Сторожевая башня.

С севера доносилось веселое журчание мелкой речки Змейки, которая впадала в Шерну, образуя разлив с глубокими омутами. У тихой запруды скрипело колесо водяной мельницы, его лопасти взметали ввысь тучу брызг, которые сверкали в осенних лучах, как самоцветы. Ветер сметал в воду жухлые листья, отправляющиеся в плавание вниз по течению, как кораблики под крошечными парусами.

Колоброд выволок вурдалака на восточный берег и с облегчением сбросил со спины на речную гальку. Горихвост из последних сил прыгнул, перекувыркнулся через голову и на лету скинул звериную шкуру. На твердую почву он приземлился уже двумя ногами, обутыми в стоптанные сапоги. Волчья длака – шкура, что служит оборотню для превращений – осталась в его ладонях, и он принялся вытряхивать из нее воду, разбрызгивая вокруг пахнущие гнилой тиной капли.

Болотник разлегся на мокром песке, сложил на брюшке перепончатые лапы и принялся тарашиться выпученными глазами.

– Уж и не знаю, как благодарить тебя, Колоброд, – с чув-

ством проговорил вурдалак. – Выручил ты меня, век не забуду.

– Чего тебя понесло к этим жалким людишкам? – булькнул болотник. – Сам же знаешь, у нас уговор: мы не суется к ним, они – к нам.

– В деревне убили моего деда, – ответил Горивост. – Последний мой родственник был, больше родни не осталось.

– Волхва Дедослава? – всплеснул болотник ладонями. – Что за злодейство! Он был нашим другом. А кто и за что?

– В том-то и дело, что не разберешь. Никто ничего не видал. Убийство какое-то злое, будто бес вырвался на волю. Сначала деда мучали, вздернули на дыбе, секли розгами, жгли пятки огнем. После зарезали перед ним козла, весь пол в горнице залили кровью.

– Похоже на бесовский обряд, – заключил Колоброд. – Может, он баловался с черной книгой, да и выпустил беса?

– Ах, да, черная книга! – хлопнул себя по лбу Горихвост. – Как же я про нее не вспомнил? Лесной царь эту книгу ему на хранение отдал, думал, что у него она будет в целости. А вышло вон как...

– А сама книга на месте была?

– Похоже, что нет. Всю избу перерыли вверх дном – явно что-то искали. Раз деда пытали, значит, требовали, чтобы он выдал ценности. Если тать не дурак, то он знал, что волховская книга ценнее государевой казны.

– Лесной царь будет кручиниться, коли узнает, что книга

пропала.

– Я за Лесного царя всех на ключья порву, – с чувством сказал Горихвост. – Лучше мне в пекле сгореть, чем его огорчить. Ты вот что, Колоброд... Удружи мне еще разок! Передай царю от меня низкий поклон. А про книгу пока ничего не говори. Я ее поищу – может, она где затерялась? Чего зря лесную братву будоражить?

Колоброд недовольно булькнул и хлопнул перепончатыми ладонями.

– Прямо сейчас и пойду! – решительно заявил Горихвост и принялся к ветру, который нес со стороны села запахи коровьего навоза и свежего сена.

– С тебя только что чуть было шкуру не сняли, – возразил Колоброд.

– Верно, – почесал голову Горихвост. – Что ж, дождусь ночи. В темноте деревенщина носа из-за заборов не кажет, от каждой тени шарахается.

– Поплыли-ка отсюда поскорее, – беспокожно оглядываясь, предложил Колоброд. – Места тут нехорошие. В тутошнем омуте завелась водяница – какая-то странная, будто не наша. Откуда взялась – ума не приложу. Еще год назад ее не было, а теперь тут живет. С нашим братом не знается, держится сама по себе. Не станем ее баламутить, а то кто знает, что у нее на уме?

Внезапно над омутом у слияния двух речек показалось туманное марево. Солнечные лучи осветили золотистый нос

ладьи, на котором высилась резная фигура деревянной русалки. В руках статуя держала масляную лампу, отсвечивающую призрачным огоньком. На широкой скамье, застланной узорным ковром, сидела молодая женщина в длинном белом платье без пояса. Блеклые, выцветшие волосы густой волной падали ей на груди и прикрывали лицо.

– Водяница! – забеспокоился Колоброд. – Убираемся по-добру-поздорову!

Горихвост с удивлением взгляделся в приятеля. Тот никогда никого не боялся: стоило явиться опасности, и он уходил на дно, выудить с которого его не сумел бы и самый заядлый рыбак. Однако сейчас болотник заметно тревожился и суетился.

Ладья выплыла из туманного марева. Последние лучи солнца выглянули из-за верхушек елей и пронзили насквозь и лодку с ковром, и ее хозяйку. Горихвост увидел за спиной водяницы речную рябь и золотую дорожку, упавшую на воду.

– Взгляни, она прозрачная, – успокоил он приятеля. – Это видение. Водяница не настоящая!

– Еще какая настоящая, – булькнул болотник. – Уж я-то знаю, можешь поверить.

Видение начало тускнеть и растаяло в воздухе. Порывы ветра развеяли последние клубы марева. И тут же спину Горихвоста ожег тяжелый, холодный удар. Перед носом его просвистел конец железной цепи, какими сельские жители обычно приковывают лодки к причалу. Еще взмах – и желез-

ная цепь обрушилась ему на плечи.

Горихвост зашипел от боли и отпрыгнул в сторону. Злобно оскалившись, из-за спины к нему подбирался немолодой толстый мельник с обрывком цепи в волосатых руках. Русая борода его изогнулась, будто крючком. Добротный мятель за плечами развевался от ветра. Плащ был пошит не из грубого конопляного волокна, обычного для деревни, а из дорогой парчи, в какой ходили одни богатеи. Пронзительные голубые глаза мельника сверкали, а прямой мясистый нос раздувался, как у коня. Миг – и грудь Горихвоста снова ужалил тяжелый конец лодочной цепи.

– Ты что творишь, олух? – вскричал вурдалак. – Совсем страх потерял? Вот я тебе щас кишки выпущу!

И он ощерился, показывая клыки. Обычно этого хватало, чтобы застрашать темную деревенщину, но толстый мельник и не думал пугаться. Его приземистая фигурка подобралась и рванулась вперед. Цепь закрутилась над головой и запела, рассекая тучу речной мошкары, роящейся над головами.

Горихвост отскочил на песчаную косу, вдающуюся в речную гладь. Под сапогами захрустела мокрая галька. А мельник уже набрасывался на Колоброду и охаживал цепью его рыбий хвост с острым шипом на плавнике.

– Горюня! Оборачивайся волком! Куси его, негодяя! – завопил болотник, топорща длинные, как у сома, усищи.

– Ох, не ко времени это! – ответил ему Горихвост. – Нельзя мне в волчьем обличье драть деревенских. Запрет!

А мельник, не обращая внимания на их перепалку, уже обматывал Колоброда цепью и волочил его за собой. Горихвост сбросил с плеча переметную суму и достал из нее волчью шкуру.

– Ну погоди, сейчас ты у меня запоешь! – мстительно ощерился он.

Журчащая Змейка вертела колесо водяной мельницы за невысоким холмом. Горихвост не успел опомниться, а опутанный сетью Колоброд уже бултыхался у ветхих стенок деревянной запруды, вода из которой вращала лопасти колеса. Мельник деловито прицепил сеть к железному штырю, торчащему меж лопастей. Колесо натянуло сеть, подняло ее верх, прошло полный круг и обрушило Колоброда обратно в воду.

– Ты чего меня бултыхаешь? – завопил болотник. – Отпусти! Слышишь?

Однако мельник и не думал прислушиваться к его крикам. Он орудовал ловко, со знанием дела. Вращающееся колесо окунуло болотника в речку, на несколько мгновений скрыло его в воде, а после выволокло на воздух и опять понесло ввысь.

– Я тебя знаю. Ты – мельник Курдюм, – задыхаясь от брызг, проговорил Колоброд. – Ну поймал ты меня, что поделать. Чего тебе надоть?

– Зачем подпустил ко мне водяницу? – злобно осклабив-

шись, задал вопрос Курдюм.

– Больно мне надо. Не подпускал я к тебе никого, – шевеля рыбьими усами, проурчал Колоброд.

– Как же не подпускал? – деловито продолжил допрос мельник Курдюм. – Она у меня в заводи плещется. На колесе играет. От ее забав то жернов с оси слетит, то лопатки потрескаются.

– Не знаюсь я с ней. Не наша она, не лесная, – судорожно забил хвостом Колоброд, которого мельничное колесо в очередной раз шлепнуло о воду.

– Значит, будем запираяться? – осведомился Курдюм. – И я не я, и лошадь не моя?

Он схватил лодочное весло и принялся охаживать Колоброда по бокам. Зеленые чешуйки со шкуры болотника так и посыпались в воду.

– Признавайся, нечистая тварь! – орал хриплым голосом мельник. – Как извести водяницу?

– Не знаю я! – сипло вопил Колоброд. – Клянусь Миростволом, не знаю!

– Ты водяной, и не знаешь? – хищно наседали мельник.

– Не водяной я. Болотник! – пытался возразить Колоброд.

Но Курдюм, видимо, не чувствовал тонкой разницы между болотниками и водяными. Его весло продолжало сверкать в лучах низкого солнца, с глухими шлепками опускаясь на хвост и всклокоченную гриву Колоброда.

– Горюня, теперь твой черед меня выручать! – заголосил

болотник. – Этот недоумок с меня чешую спустит!

Такого стерпеть Горихвост уже не мог. «Как же так? Колоброд меня выручил, а я его брошу? – подумал он. – Что про меня лесная братва скажет? Но как же запрет? Ведь нельзя мне задрать человека в волчьем обличье, иначе я в людской вид не вернусь. Эх, была не была, пугну только этого мельника, а царапать не стану!»

Он прыгнул вверх и на лету натянул волчью шкуру. На землю он встал уже четырьмя лапами.

Увидев здоровенного черного волка, мельник на миг обомлел, пробормотал под нос: «батюшки святы, вот это чудище!», однако тут же взял себя в руки, отшвырнул прочь весло и схватился за цеп для обмолота зерна. Резкий взмах длинной рукоятью – и деревянное било на болтающемся ремне задело торчащее волчье ухо.

Вурдалак свирепо ощерился, рыкнул и бросился на противника. Мельник взвизгнул и рванул наутек. В этот миг колесо в очередной раз окунуло болотника в воду, и тот заголосил:

– Да сколько же можно? Горюня, отцепи меня наконец!

Горихвост задержался и бросился к Колоброду. Курдюм тем временем забрался на крышу мельницы, спустился к колесу по наклонному скату и изо всех сил огрел вурдалака по спине тяжелым билом. У Горихвоста в глазах померк свет. Перед помутившимся взором поплыли темные пятна, заиграли оранжевые сполохи и лиловые искры.

– Ну, чего ты? Отвязывай! – возмущенно занял Колоброд.

– погоди! Он мне чуть хребет не сломал... – переводя дух, рывкнул вурдалак.

– Прокуси ему шею. Чего нюни разводишь? – распорядился болотник.

Бах! – и било цепа обрушилось на колесо рядом с черепом Горихвоста. Деревянная лопасть разлетелась на щепы, обдав морду грязными брызгами, смешанными с молотой древесиной.

– Он и меня так заденет. Куси его! – завизжал Колоброд.

Горихвост бросил болотника бултыхаться, вцепился зубами в край крыши и с трудом втянул свое тело на выщербленную черепицу. Мельник отмахнулся от него цепом и полез к коньку, виднеющемуся на самой верхушке. Они оказались вдвоем на гребне крыши, лицом к лицу: ощерившийся черный волк с разъезжающимися в стороны лапами и маленький толстенький человечек с пухлыми ладонями, сжавшими длинный цеп. Удар – и осколки дробленой черепицы брызнули Горихвосту в нос. Сжавшийся ком черных мускулов, прыжок – будто щелкнула выстрелившая пружина – и лапы волка опрокинули человека. Курдюм покатился по склону крыши, не удержался на краю, и рухнул вниз, как мешок сырой муки. Хлопок, облачко взметнувшейся пыли, глухие стоны и жалкие причитания – мягкая посадка, приземление прошло успешно.

Цепляясь когтями за черепицу, Горихвост съехал к краю,

перескочил на ровную крышу сеней, юркнул к крыльцу, и по ступенькам, со всеми удобствами, спустился на двор. Курдюм валялся перед распахнутой дверцей курятника и горестно охал. Мимо него носились переполошенные куры. Возмущенный петух с огненным черно-красным опереньем гонялся за ними, пытаясь навести порядок.

Вурдалак опрокинул навзничь попытавшегося подняться толстяка, придавил лапами к драной рогоже, расстеленной перед курятником, и показал ему клыки.

– Ой, не рви меня! Я сдаюсь! – истошно взвопил мельник. – Ради богов всего света, не убивай!

– Боги тебе не помогут! – оскаливаясь еще больше, рыкнул Горихвост.

– Я сделаю все, что захочешь! Стану твоим верным другом. Буду служить тебе не за страх, а за совесть. Только не убивай!

– Видали мы таких друзей, – осклабился Горихвост.

– Моя мельница – в твоей полной власти, – завыл Курдюм, жмурясь. – Живи, сколько хочешь. Я знаю: тебе нужно прятаться от людей, иначе с тебя шкуру спустят. У меня будешь, как в кладовой у Ярилы – сюда посторонние не суются. Тебя никто тут не побеспокоит. Свожу тебя в баньку, попарю как следует, а после накормлю и напою от души. Угощу белыми калачами – таких даже в городе не сыскать, у меня одного хлеб из белой муки.

– Хлеб из белой муки? – осел назад Горихвост. – Это мне в

самый раз. Это именно то, что мне нужно. Ладно, если услышишь – помилую. Для начала отцепи болотника от колеса. А то слышишь, как он голосит? До сих пор бултыхается. За что ты его так?

Сеть из тонкой пеньки слетела с железного крюка. Колоброд ударил о речную рябь хвостом, высунул из воды мокрую гриву и с жаром выкрикнул:

– Я тебе это припомню!

– Проваливай! – напутствовал его мельник.

Болотник нетерпеливо ухнул и скрылся в воде. Горихвост проводил глазами его гибкую зеленую фигуру, которая извивалась на фоне неглубокого речного дна. Несколько ловких маневров – и Колоброд выплыл в устье маленькой Змейки, впадающей в полноводную Шерну.

– Он не станет мне мстить? – с беспокойством спросил Курдюм.

– Только если сунешься в его владения. Они за Шерной, в заболоченной низине, – ответил Горихвост, уже успевший сбросить с себя волчью шкуру.

– Туда только самоубийца полезет, – с дрожью в голосе пролепетал толстяк.

– А нападать на вурдалака кому взбредет в голову? Ты что, бессмертный? Или в герои решил записаться?

– Это я со страху, – признался мельник. – В ближнем омуте завелась водяница. Вредит мне каждый день. То катается на колесе, то сети рвет, то моченую коноплю раскидает. Жи-

тья от нее не стало. Уж и не знаю, как от нее избавиться. Я как увидел болотника с волком – ну, думаю, нечисть гуляет! И все на мою бедную голову. Если я их не порешу, то совсем меня со свету сживут. Вот и кинулся, сломя голову, а у самого душа в пятках.

«Как давно я не ел свежего хлеба! В Диком лесу хлеб не пекут. А оборотню-вурдалаку без него не обойтись: хлеб – еда исключительно человеческая. Без него можно вконец одичать, и тогда к людям возврата уже не будет».

Горихвост с удовольствием вдохнул запах теплой поджаристой корочки из целой корзины, что мельник, не скупясь, выставил на широкий стол в горнице. Курдюм хозяйничал основательно, не торопясь.

– А хозяйка-то у тебя есть? – осведомился Горихвост.

– Была, – вздохнул тяжело Курдюм. – Да в прошлом году померла.

– Соболезную. А что с ней случилось?

– Утопла. Не зря говорят: водяной с каждой мельницы дань возьмет.

– Так нет в этих краях водяного, кроме болотника.

– Зато водяница имеется!

Мельник склонился над его ухом и с жаром зашептал:

– Уж ты, Горислав Тихомирович, уважь меня, помоги, ради всего святого!

– Ого! Ты, я вижу, еще не забыл, как меня по-человечьи

звать.

– В деревне и батюшку твоего помнят, и деда, царствие им обоим небесное. На тебя одного вся надежда. Только ты и в лесу живешь, с нечистью знаешься, и на селе бываешь. Помоги мне вывести водяницу из омута, иначе она и меня приберет. Чует сердце: не успокоится водная девка, пока меня не утопит.

– Боюсь, не у того ты просишь помощи, – сочувственно проговорил Горихвост. – Я водянице не приятель, как с ней сладить – не ведаю.

– Зато ты с Лесным царем знаком, – продолжал горячо шептать мельник. – Лесной царь над всей нечистой силой владыка. Попроси у него совета – может, он что подскажет?

– Лесной царь нам – как отец, – согласился Горихвост. – Случись какая беда – все к нему идем челом бить. Ни одному из лесной братии он не откажет, всех примет и ласково выслушает. Если бы боги все еще жили на небе – то и среди них не нашлось бы такого правдивого государя.

– Ну а мне к нему ходу нет, – горестно всплеснул пухлыми ладошками Курдюм. – Наша деревня под великим князем, а не под лесным государем. Не откажи, Горислав Тихомирович, заступись за меня. А я тебе такую знатную баньку истоплю, какой ты отродясь не видал! И одежду тебе подарю побогаче: будешь ходить, как жених на свадьбе. Только спаси, умоляю! Сживет меня со свету водяница, как пить дать, сживет!

Какое это наслаждение – пожить немного по-человечески! Горихвост уже сто лет не был в бане. В его волчьем логове только каменный очаг в углу – тут не до чистоты. А на мельнице и банька в отдельном срубе, и парная с вениками и нагретыми полками. Вот что значит: людское житье.

Вурдалак невольно задержался на пороге тесного и темного сруба, прокуренного еловым дымом.

– Смелее, не сварись! – подбодрил его мельник.

Горихвост вжал голову в плечи и неуверенно переступил через порог.

– Ох, и отвык же я от людского жилья! – пожаловался он. – В лесу – воля, беги куда хочешь, а вместо крыши – небо над головой. А здесь все такое тесное, как в ловушке. Потолок того и гляди плечи придавит.

– Мой потолок сам боится, что ты снесешь его своей лохматой башкой, – рассмеялся Курдюм. – Вон как вымахал, жердь лесная! Сколько в тебе росту? Небось, три аршина?

– Куда там? От силы два с половиной, – ответил Горихвост, опасливо пригибая голову.

– А кажешься выше. Видать, от того, что совсем отошал. Вона, кожа да кости, и укусить не за что. Ничего, я тебя от души угощу – на моих харчах быстро отъешься. Сейчас разведу жар, как в пекле, и все хвори-немочи из тебя мигом выйдут.

Курдюм раздул огонь в каменном очаге. Дым наполнил

тесную клеть, на бревенчатых стенах заплясали багровые отсветы пламени. Горихвост закашлялся, но мельник отодвинул дощечку, прикрывающую волоковое оконце, и дым устремился на улицу.

Ох, и хорошо же валяться на полке, когда тебя от души парят дубовым веником! Горячо, больно, но хорошо. С Горихвоста сошло семь потов. Курдюм то и дело окунал веник в ушат с пахучим травяным варом и обдавал раскаленные камни квасом.

– А что это у тебя на загривке? – приговаривал мельник, нещадно хлеща его спину. – Звериный пушок? Баня сделает из тебя человека!

– погоди! дай передохнуть, – взмолился Горихвост.

– А не желаешь ли пивка? – похохатывая, предложил Курдюм. – У меня свеженькое, только-только созрело.

Гость и глазом моргнуть не успел, как Курдюм приволок из амбара бочонок – такой же пузатый, как и его хозяин – и выбил пробку. Пенное пиво хлынуло в деревянные кружки. Мельник подал его на медном подносе, начищенном до зеркального блеска.

Горихвост припал к кружке. Холодная пена хлынула ему внутрь, и его разгоряченные кишки зашипели, как раскаленные камни, на которые льется вода. Глаза сами собой выпучились, в нос ударил запах легкой горчинки и дикого хмеля.

– Не халтурить! Ложись на живот! – по-хозяйски командовал Курдюм, держа над ним медный поднос с кружками. –

Сейчас еще три разочка пройдемся тебе вдоль спины, и станешь как новенький.

Горихвост и в самом деле чувствовал себя так, будто заново родился. Он осел в прохладном предбаннике, завернувшись в белую простыню, и размяк, отдыхая душой. Курдюм подал ему стопку чистой одежды. Горихвост сомкнул веки, его одолела лень, однако обновки были такими богатыми, что у него загорелись глаза. Он встряхнулся и натянул исподние порты из конопляного волокна. Поверх них – еще одни, но эти – льняные и крашенные в глубокую, будто морское дно, синеву. Рубаха, и снова льняная, с косым воротом, белая, на груди и спине – красный травный узор. Пояс из бычьей кожи с железной пряжкой. На плечи – вотола из толстой шерсти, какие носят все деревенские жители, но у Курдюма и она расшита травами, будто боярский наряд. И в довершение картины – сапоги, новенькие, на каблуках, один нарочно подогнан под правую ногу, другой под левую. И как раз Горихвосту впору.

– Давненько я такой чистой одежды не надевал, – блаженно щурясь, проговорил он.

– Пойдем вечерять. Солнце село, уж и укладываться пора, – позвал мельник.

Гостя успело разморить, пока Курдюм бродил по бесчисленным постройкам своего двора на берегу запруды. Наконец, хозяин вернулся с огромной бутылкой мутного самогона и с грохотом водрузил ее на стол. Зеленый глаз Горихвоста

сверкнул дьявольским пламенем.

Самогоночка! Как давно я тебя не пробовал! В Диком лесу кто ж меня угостит? Эх, Курдюм, широкой души человек!

Волшебный напиток оказался настоян на перечной мяте и листьях смородины. Хозяин налил, не скупясь, медную чарку с рельефными львиными головами на выпуклых боках. Горячий глоток скатился по горлу в желудок, устроив пожар. Тушить пожар Курдюм предложил малосольными огурцами, щедрыми ломтями копченого сала и жареной на вертеле оленьиной.

Горихвост смаковал пахучее сало и мысленно сравнивал его с лесной зайчатинной, которую он варил в котле в своей дикой землянке. Зайчатина – лучшее, что он мог добыть на природе, вся остальная еда была гораздо скуднее. Нет, все же нельзя не признать: деревенская жизнь сильно выигрывает по сравнению с лесной.

А хозяин уже наливал по второй. Они звонко чокнулись краями чарок – за здоровье хозяина, за доброго гостя, за Лесного царя, за то, чтобы люди и нечисть не воротили нос друг от дружки, за все хорошее, что есть на белом свете, и, наконец, за вечную и нерушимую дружбу. Языки развязались, и пошла болтовня обо всем, что на ум взбредет.

– Никогда б не подумал, что покорешусь с вурдалаком, – шелестел мельник, обнимая бутылку, как подружку. – Любопытство меня распирает, да стесняюсь спросить. Вот, к примеру, касаемо женского полу. Тебя на кого больше тянет: на

баб, али, может быть, на волчиц?

– Дурак! – рявкнул сгоряча Горихвост.

– Чего сразу: дурак? – обиделся мельник. – Я же со всей душой. Не могу видеть, как ты томишься один-одинешенек. Кто же еще пособит, как не верный дружок? Хочешь, подыщем тебе ладную сучку? Такую, с которой забудешь обо всех печалях.

– Вот себе ее и оставь. Я тоже в дружбе толк понимаю. Не стану у приятеля любовницу уводить.

– Ты только шепни мне, Горюня! – не слушая, придвинулся к нему Курдюм. – У нас на селе и бабы, и суки – все, чего только душа пожелает. Вот про конюха, допустим, болтают, будто он до кобыл сильно охоч. И по ночам, когда никого рядом нет, он лезет к кобыле в стойло, подставляет сзади стремянку, и...

– Заткнись! Не хочу дальше слушать! – мотнул головой Горихвост.

– Как знаешь, дело хозяйское. Просто имей в виду: чего бы ни захотел – все можно устроить, – доверительно шепнул мельник. – А на меч твой взглянуть можно?

Гость выудил Душебор из сумы, с которой не расставался даже в сильном подпитии. Темно-зеленый самоцвет, вделанный в рукоять, заиграл в отблесках масляной лампы.

– Неужто и впрямь колдовской? – изумился Курдюм. – Из могильника на Змеиной горе?

– Он самый, – заверил его вурдалак.

– Чудеса! – всплеснул руками хозяин. – А чего ж ты его в ход не пускаешь?

– Что ты! Меня родные односельчане и так за человека не принимают. А если я сгоряча кого-то прирежу? Тогда мне среди людей вовсе не жить. Я даже не достаю его, чтобы в соблазн не впасть.

Горихвост потерял чаркам счет. В конце концов, выпитое начало проситься наружу, и Курдюм выпустил его на двор. Синие сумерки сменили прозрачный вечер. Небо затянуло тучами, сквозь которые проглядывал серебряный рубль луны. Не заботясь о хозяйском имуществе, Горихвост пустил струйку на гладкие булыжники, которыми были вымощены дорожки между мельницей, амбаром и хлевом. Ясный месяц заливал двор умопомрачительным светом, и по старой привычке захотелось поковырять.

Горихвост натянул порты, кое-как застегнул пряжку ремня – почему-то она никак не хотела застегиваться, хотя дело вроде нехитрое – и в полный голос затянул песню дикой печали.

«У-у-у! Е-э-э!» – разнеслось над окрестностями, залитыми призрачными лучами. Курдюм мячиком скатился по ступенькам крыльца, схватил его подмышки и потащил в дом.

– Замолчи, ради всего святого! – горячо зашептал он. – В деревне не знают, что ты у меня. Услышат – придут по твою душу с вилами и топорами, тогда нам обоим несдобровать.

– Пусть приходят! – заплетающимся языком гаркнул Го-

рихвост. – Я их на кусочки порву! А после в муку смело на твоих жерновах. Ты мне поможешь?

– Помогу-помогу, – бормотал Курдюм, затаскивая его на крыльцо. – Только сейчас отдохни. День был тяжким. Ляг на лавку и спи. Я тебе постелю.

– Спать? В такую душевную ночь? Ты рехнулся! – едва ворочал языком Горихвост. – Пошли в деревню, к бабам и мужикам. Повеселимся, песенки попоем!

– Вот они спустят на тебя псов – тогда и повеселишься, – бормотал Курдюм, пытаясь запихнуть его в низкий дверной проем. – А как привяжут к столбу и костер разведут под хвостом – так и песенки запоешь.

– Да ладно тебе сгущать! – радостно заревел Горихвост, расставляя в стороны руки и цепляясь за дверные косяки. – Мы с деревенскими – дружки не разлей вода. Они полюбят меня, вот увидишь.

– Мертвого мож и полюбят, а живого – уж очень я сомневаюсь.

– Полюбят, коли увидят, на что я способен! – гомонил Горихвост, отказываясь пролезать в дверь. – Вот сделаю ради них что-то такое... что-то большое... что они сразу охнут и все поймут...

– Глупость большую ты сделаешь...

– Нет, не глупость! А подвиг! Да, подвиг! Если б ты только знал, друг мой Курдюм, на какие подвиги я способен!

– Уж в этом я не сомневаюсь. В сильном подпитии ты и

на подвиг способен, и на любую другую дурь. Сначала про-
спись, а после решишь, как дальше быть.

– Я уже решил! – заявил Горихвост. – Иду на деревню,
немедля! Дела у меня там кой-какие...

Он вырвался из цепких объятий Курдюма и выкатился в
распахнутые ворота на поле, залитое лунным сиянием.

Глава 2. Призрак

14 вересня

Если б вы знали, как тяжела жизнь вурдалака в первобытном лесу! Тогда не смеялись бы над Горихвостом, который брел, сильно пошатываясь, в сторону Грязной Хмари. Путь его лежал через Девичье поле, медовые травы на котором уже были скошены. Справа, у берега тихой Шерны, высились грозные истуканы Ветхого капища. В темных провалах между ними сверкали загадочные огоньки, как будто какой-то тайный идолопоклонник и теперь устраивал ночные гулянки в честь богов, давно покинувших этот мир. Слева мычала скотина на господской усадьбе, где отдыхал новый князь, присланный на нашу голову из столицы. Вот чего не жилось ему в своих городских теремах, в надежной кремлёвой крепости, среди бояр и прислуги? Какой черт понес его на край света, к Дикому лесу, где гуляет нечистая сила?

Деревенские избы пускали в небеса струйки дыма, которые тянулись ввысь и смешивались с темными облаками. За ними мелькали светильники в стрельницах Сторожевой башни, что стояла у кромки леса и охраняла покой людей. Там теперь жил воевода Видоша, новый хозяин села – еще один начальник, леший побрал бы их всех. От Сторожевой

башни до одинокой избы Дедослава тянулось широкое конопляное поле – еще не убранное. Толстые стебли конопли тянулись на полтора человеческих роста и были похожи то ли на лес, то ли на хитрый лабиринт, в котором легко затеряться и забыть, кем ты был, пока не вошел сюда.

Но настоящий лес вставал темной громадой еще дальше – к югу, за селом. Вот где угнездилась нечисть! Гориховост знал это лучше всех – лес давно стал его домом. Мельница Курдюма стояла от него далеко, на берегу мелкой Змейки, что тихо журчала, впадая в Шерну. Подданные Лесного царя редко забирались в такую даль, особенно после того, как владыка людей заключил с царем ряд – не соваться друг к другу. Никому и в голову не придет, что на мельнице прячется вурдалак.

Но сейчас ноги сами несли Горихвоста к деревне, на отшибе которой темнела изба его деда. Он нарочно не стал прятаться в коноплянике, густой стеной окружавшем село. Вместо этого он попер напролом, выбрав тропу между деревней и господской усадьбой. Через околицу он перемахнул, не доходя до Сторожевой башни, и во весь рост, не скрываясь, двинулся по главной улице, освещенной в этот ночной час одним только месяцем, робко выглядывающим из-за туч. Сонные псы мигом повскакали и принялись рваться с цепей, заливаясь испуганным лаем.

В приземистой избушке кузнеца Валуя глухо стукнула заслонка, которой загораживали волоковое оконце. В темном

проеме прорубленных бревен мелькнули чьи-то перепуганные глаза – кажется, это любопытный подмастерье Шумило осмелился высунуть нос. Горихвост лихо рывкнул на него, физиономия тут же исчезла, заслонка со скрежетом встала на место.

– Сидите, не рыпайтесь у меня! – прорычал вурдалак. – Думаете, я вас боюсь? Нет, господа хорошие! Это вы должны меня бояться! Я, волчище, явился из Дикого леса по ваши души! Что, затряслись поджилки? И правильно! Я свирепый и страшный! У-у-у!

Протяжный вой разнесся под темными тучами, едва подсвеченными серебристым сиянием. Цепная собака Валуя заткнулась, жалобно заскулила и спрятала хвост в глубине коныры.

Главную площадь Горихвост почуял загодя – от нее несло запахом гнилых помоев. На этот раз он осторожно обошел стороной Поганую лужу, стараясь не угодить в вязкую топь. Ладный дом старосты прятался за высоким забором из тесаных бревен. Труба белой печи коптила небо прозрачным дымком, щекоча ноздри теплым запахом дров. Большая семья Воропая еще не ложилась – на дворе кто-то тискал гармошку, извлекая из нее сиплые звуки. Бабский голосок жалостливо пел про нелегкую женскую долю.

– Эй, Воропай, а ну, вылезай! – заорал Горихвост, подпрыгивая и хватаясь за острые верхушки бревен.

– Кто там? Чего надоть? – ответил дрожащий, с хрипотцой

голос старосты.

– А чего, просто так нельзя в гости зайти? – загоготал вурдалак. – Может, я подружиться хочу?

– Проваливай подобру-поздорову! – ответил дрожащий голос. – Лесные страшилища нам не друзья!

– Ах, я страшилище? – хмель ударил Горихвосту в голову, зеленые глаза полыхнули звериными огоньками. – Тогда отвечай, тать, отчего у твоего забора следами убийцы воняет?

– Какими еще следами? – осмелел Воропай, на помощь которому из избы выбежали сыновья и зятья.

– Коноплей так и разит! – гремел Горихвост.

– Так ведь у нас всюду тут конопля, – растерялся мужичок. – Мы и дерюгу из нее делаем, и пеньку плетем. Я на ужин конопляную кашу ел и конопляным маслом ее приправлял.

– Это не та конопля! – обличительным тоном взвопил Горихвост. – Тут жженым семенем пахнет.

– Кому придет в голову жечь конопляное семя? Что за дурь? – подал голос мужик.

– А под моим дедом жгли! – рассвирепел вурдалак и начал тяжело переваливаться через забор.

Однако остро заточенные верхушки бревен чиркнули его по животу, словно предупреждая об опасности. Сума с волчьей длакой, переброшенная через плечо, зацепилась и не пускала вперед. Горихвост попытался ее распутать, но руки спяну не слушались и вытворяли что-то не то.

– А ну, сгинь отсюда, нечистый! – тонким голосом заверещал Воропай и хлестнул его кожаным пояском. – Пшел вон с моего двора!

Горихвост вцепился в порванный ремешок и дернул его на себя. Староста испуганно выпустил пояс из рук, схватил с лавки гармошку и изо всех сил запустил ее в Горихвоста. Тяжелая гармонь ударила того по голове, отчего он покачнулся и рухнул с забора обратно на площадь. Рванный пояс остался в его кулаке.

– Лихо-марево, так ты драться? – рассерженно выкрикнул Горихвост. – Ну, погоди у меня! Я за тобой вернусь! И гармошку твою забираю. Она, чай, дорогая. На всей деревне только у старосты такая и есть.

Он поднял гармонь из травы, усеянной козьим горохом, и растянул меха. Инструмент жалобно пискнул и выдохнул горестный стон. Горихвост прошелся крючковатыми пальцами по кнопкам и двинулся вдоль по улице, во весь голос распевая:

По деревне шастает пьяный вурдалак.
Раздирает заживо мужиков и баб.
Ты не бойся, миленький! Подходи, дружок!
Прямо мне на зубки. Становись в кружок!

Гармонь при этом издавала ужасную трескотню, от которой, казалось, последние листья облетали с деревьев.

– Эх, что-то мне не играется! – пожаловался Горихвост яблоньке, свесившейся из-за забора. – А ведь я в детстве умел. Может, настроения нет?

И он двинулся к краю села, голося и рыча на перепуганную деревенщину, боязливо выглядывающую из окон.

Одинокая изба колдуна виднелась на отшибе, на лысом холме, хребет которого возвышался над конопляным полем. Мертвый Дедослав лежал на широкой лавке у дальней стены. Догорающий свечной огарок торчал поверх сложенных на груди ладоней. Его пламя отбрасывало пляшущую тень на неподвижное лицо, как будто натертое воском. В горнице, уже прибранной после убийственного беспорядка, было пустынно. Скрип половиц резал слух среди ночной тишины.

Горихвост подошел к деду и тихонько погладил его ладони. Пламя свечи колыхнулось, ребристая тень на стене подскочила, как человек, превращающийся в неведомого зверя. Пришелец смущенно отвернулся, чтобы не дышать на мертвого водочным перегаром. Ему стало неловко за то, что он явился к покойнику пьяным.

Навалившись, он столкнул с места старинный сундук, стоящий в углу. Скрежет и грохот ударили в уши, вспугнув ворону, упорхнувшую с чердака. Под сундуком обнаружилась деревянная крышка лаза с железным кольцом. Там, в земляном подвале, скрывался погреб, в глубинах которого был устроен ледник. Кучи снега в углах не таяли даже в разгар лета – Горихвост еще помнил, что дед хранил там свежее мя-

со и молоко.

Он распахнул крышку погреба и стащил тело Дедослава на лед.

– Полежи пока тут, – бормотал Горихвост, засыпая мертвеца снегом и ледяным крошевом. – Одни боги знают, когда этим олухам придет в голову сложить тебе краду. Если их не надоумить, то могут и не догадаться. Я бы сам сделал, как ты учил меня в детстве. Но кто мне позволит?

Стылая влага подпола пробирала до костей. Горихвост быстро озяб и поспешил выбраться наружу. За стенами горницы завывал ночной ветер, но тут было заметно теплее. Лестница на чердак обветшала настолько, что деревянные ступени под ногами грозили в любой миг обломиться. Он вскарабкался под наклонные своды крыши и принялся шарить ладонями по сторонам.

Если бы не острое зрение, которым наградил его лес, то в этой кромешной тьме трудно было бы что-то разглядеть. Пришлось зажечь факел, обмотанный тряпкой и смоченный в горючей смоле.

На чердаке никто и не думал убираться – тут все оставалось перевернуто вверх дном, как будто неизвестный злодей отчаянно что-то искал. Старинный поставец валялся на боку, беспомощно задрав пару сломанных ножек, а ветхий сундук разевал крышку-пасть, будто голодный зверь, вознамерившийся заглотить добычу. Даже пауки не шевелились в порванной паутине, ошметки которой густыми нитями сви-

сали с потолка.

– Куда ты мог спрятать ведовскую книгу? – бормотал Горихвост, тыча факелом в зияющее нутро сундука. – Ты один ведал, чего она стоит...

За чердачным оконцем сиял тихий месяц. Деревня вдали затаилась, створки ставень сжимались, как стиснутые зубы, в окнах – ни огонька.

– Рыться поздно – здесь все до меня перерыли! – заключил вурдалак и спустился на лестницу.

Однако хмель еще не успел выветриться из его головы. Он неловко качнулся, и шаткая ступень под его сапогом проломилась. Горихвост сорвался и с грохотом обрушился на дощатый пол. Переметная сума, с которой он не расставался, свалилась с плеча. Испугавшись, он принялся судорожно шарить рукой по углам, и в этот миг ему на загривок обрушился удар тяжелой дубины.

– Вот тебе, бесов злыдень! – заверещал скрипучий голос старосты Воропая. – Зачем сунулся к людям? Сиди в лесу, среди нечисти – там тебе место!

– Лихо-мареву! Что ж меня все бьют и бьют? – замычал Горихвост, поднимаясь на колени. – Что я такого вам сделал?

– Старого барина кто изодрал? Кто режет скотину? Кто детишек пугает?

– Снова мне этот барин! Я его едва знал. А скотину пастух стеречь должен – нечего на меня свою вину переваливать. И детишек вы сами пугаете: веди себя хорошо, не то придет

вурдалак из лесу и заберет. А зачем мне чужие дети? У меня что, своих забот мало, чтобы еще ваших оглоедов себе на шею вешать?

– Да от тебя разит, как из бочки! – не унимался староста. – Как же ты не поймешь: не нужны людям пьяные вурдалаки! А чтоб до тебя побыстрее дошло, вот тебе еще разок!

И он снова огрел Горихвоста дубиной. Вурдалак зарычал от злости и яростно выкрикнул:

– Больно ты смелый, когда дубина в руках! А вот я накинута звериную шкуру и рявкну как следует – посмотрим, как ты тогда запоешь.

Однако Воропай был мужик не промах: он резво прыгнул и отсек Горихвоста от угла, в который залетела сума с волчьей длакой.

– Зачем ты вообще приперся? – выкрикнул Горихвост. – Это моя изба. Я должен ее унаследовать!

– Как бы не так! – возразил Воропай, размахивая перед его носом дубиной. – Ты подданный лесного царя, а наше село под великим князем. У нас мир людей, у тебя царство нечисти. Брось царя, отрекись от поганого леса – тогда и получишь право на жизнь середь людей.

– Как ты смеешь? – зашелся от ярости Горихвост. – Я ради Царя всех на ключья порву!

И он рванулся на старосту, не думая о защите. Воропай успел засадить ему дубиной в грудь, но Горихвост не обратил внимания на боль-ломоту. Ладонями он вцепился старосте

в горло, повалил его на пол и принялся душить. Воропай отчаянно вырывался и пытался вывернуться. Оба покатались по обгорелым доскам, изо всех сил валтузя друг друга.

Староста едва мог отдышаться и на последнем дыхании хрипел:

– Зря стараешься! Не жить тебе среди людей!

– Не тебе решать! – злобно отвечал Горихвост, прижимая его к остаткам кострища.

– Кому, как не мне? Я староста! Я за весь мир в ответе.

– Есть и над тобой начальство.

– Кто же?

– Хоть боярин, а хоть и великий князь.

– Попадись только им в руки – они не станут волынить, как я. Мигом отправят тебя на тот свет!

Воропай наконец извернулся, сбросил с себя Горихвоста и отцепил его руки от горла. Вурдалак так низко склонялся над старостой, что рыжеватые волоски мужицкой бороды забились ему в рот, и теперь он с отвращением отплевывался.

– Говори, кто убил моего деда! – велел Горихвост. – Не то разорву, и пусть будет, что будет!

Воропай оттолкнул его и отскочил к двери, но распахивать ее не стал, а задержался перед порогом.

– Убивца мы и сами пока не нашли, – сипло выдавил он из себя. – Князь поручил розыск воеводе Видоше и своему сторожу Нежате, но они меж собой не ладят и все время лаются. Однако кой до чего они доискались. Дед твой висел

на дыбе, руки вывернуты, запястья связаны пояском. Нежата дознался, что тот поясок принадлежал Лутохе, деревенскому дурачку. Лутоха весь вечер сидел в кабаке и играл с нами в шахматы. Обыграл всех в пух и прах, а у меня выиграл серебряную копейку, что я берег на обновки внукам. Копейка была приметной, с обгрызенными краями и щербинкой по верх копыеносца. Так вот, эту копейку я видел во рту у козла, которого зарезали над Дедославом. Я прибрал ее. Вот она, смотри сам!

И Воропай протянул Горихвосту маленькую серебряную монетку. Горихвост осторожно забрал ее, стараясь не коснуться грубых мужичьих пальцев, почерневших от въевшейся земли. Воропай тут же отдернул ладонь, будто боясь, что вурдалак ее сцапает.

Монетка и в самом деле казалась убогой – битой, кривой и щербатой. Края ее были срезаны, отчего она приобрела форму не кружочка, а семечки. Поверх всадника, разящего змея копьём, виднелась глубокая вмятина, как будто ее кусал медведь.

– Это она? – с недоверием спросил Горихвост.

– Она и есть, – подтвердил Воропай.

– А где сам Лутоха?

– С прошлой ночи никто его не видал. Целый день искали. Похоже, в бега ударился. Кто бы мог подумать, что этот нищий юродивый способен на такое злодейство!

Внезапно ушки Горихвоста наострились. Он услышал на

крыльце смутные шорохи, не похожие на порывы ночного ветра.

– Ты что, не один? – с подозрением спросил он.

– Когда пришел сюда – был один, – отозвался Воропай. – Но ты такой бедлам поднял, что все село всполошилось.

– Эй, волчище! Не трожь старосту, иначе шкуру спущу! – послышался с крыльца знакомый, с хрипотцой голос княжеского дружинника.

– Это кто кого трогает? – рявкнул в ответ Горихвост. – Видел бы ты его дубину!

– Отпусти его! – не унимался Нежата.

Рядом с дружинником шушукались сыновья Воропая. Громче всех слышался голос старшего, Головача. Кто-то растянул порванную гармошку, брошенную на дороге – она тоскливо пожаловалась на судьбу.

– Нежата, посторонись! – запыхтел на крыльце голос розовощекого княжича. – Дай мне сразиться с волчком!

– Не время храбриться, Святополк Всеволодич, – попытался унять юношу опытный воин. – Этот зверь может старосту изодрать, а уж тебя и подавно. Князь мне этого век не простит.

– Я его сам задеру! – пискнул юноша. – Вон у меня какой меч!

Горихвост от души расхохотался и сквозь закрытую дверь закричал:

– Нежата,пусти его ко мне! Мы по-приятельски потолку-

ем. Может, княжич научит меня уму-разуму? Мы в лесу звери темные, неученые...

– Не шути так! – горячо зашептал Воропай. – Скоро все село соберется, как бы клеть не подпалили. Тогда нам обоим живыми не выйти.

– Как бы рад был убийца, если б избу вместе с нами спалили, – ощерился вурдалак. – Нет покойника, нет следов пытки, нет свидетельств. И последний родич больше не отомстит. Только я ему такой радости не доставлю.

– Эй, волчище, сдавайся! – неуверенно крикнул с крыльца воевода Видоша. – Мы избу окружили, тебе некуда деться!

Горихвост кинулся к волоковому оконцу и со скрипом выдернул из узкого проема деревянную доску-заслонку. На дворе, залитом лунным светом, мелькали призрачные тени. Силуэты людей с косами и цепями в руках сновали меж овином и хлевом. Из-за гряды колотых дров, аккуратно уложенных вдоль забора, выглядывала остроконечная шапка бортника Пятуни. За ломаной телегой блекло сверкнула лысина печника Жихаря.

– Не уйти тебе! – зашептал за спиной Воропай. Его рыжая с проседью борода затряслась, как в лихорадке. – Давай выйдем по-доброму, тогда, может, тебя и помилуют.

– Помилуют, как же! – желтый клык вурдалака блеснул в лунном свете. – Моего батюшку с матушкой так помиловали, что костей не осталось. А теперь вот и дед на леднике остывает. Видно, тоже помилованный.

– Так не мы это! – карие, глубоко посаженные глаза Воропая забегали по сторонам. – Владыкой Родом клянусь, это не наших рук дело.

– Чьих тогда?

– Лутошкиных! Все улики на него указуют.

– Зачем Лутохе убивать старого колдуна? Да еще мучать его перед смертью?

– Так ведь черная книга пропала. Мы весь дом обыскали – ничего не нашли. Этот хитрюга не такой дурачок, каким кажется – даром что в шахматы всех обыграл. Он себе на уме. То и дело заводит разговор об ушедших богах. Врет, будто они вернуться, и устроят над всеми ужасный суд. Каждого спросят, кто как вел себя, пока их не было, и каждому воздадут по заслугам. Он и требы им ставил, и в старых книгах копался – все надеялся вызнать, как их обратно позвать. Один шут знает, что ему взбредет в голову. А в черной книге – всякое колдовство. Как звать бесов из преисподней и прочая лихомань. Дед твой ее никому не давал, и даже взглянуть на нее не позволял. Говорил, будто Лесной царь ему эту книгу на сохранение отдал, и случись что – с него будет спрос. Вот Лутоха и мог глаз на нее положить, чтобы наколдовать невесть что.

– Если виновен Лутоха, то я вытрясу из него правду, даже если он у черта на рогах схоронится. Однако просто так я уйти не могу, – возразил Горихвост. – Мне улики нужны! Копейку ты мне уже отдал. Теперь пояс найти бы.

– Он давно у тебя! – бегающие глазки Воропая остановились и выпучились.

– Как так? Что ты мелешь?

– Ты его у меня из рук выдернул, когда на заборе висел. Я тебя им хлестнул.

Горихвост огляделся по сторонам. Его переметная сума валялась на куче соломы в углу, между сундуком и грубым деревянным чурбаном. Неприглядный, потрепанный поясок торчал из нее, как змеиный хоботок.

Горихвост хлопнул себя по лбу и расхохотался:

– Ох, и растяпа же я! Сам его сунул в сумку. Хмель в голове еще бродит, ум за разум зашел. Это, выходит, он самый?

– Как есть он! – истово затряс головой Воропай.

Приземистую дверь, сбитую из толстых досок, сотряс глухой удар.

– Двери выламывают, – сделал вывод староста. – Сейчас горницу на копье возьмут. Боюсь, в драке забудут, где свои, где чужие.

– А ты не бойсь, – похлопал его по плечу вурдалак. – Кто боится, тот в женихи не годится.

Он бережно сложил поясок и сунул за пазуху. Дверь опять затряслась от удара. Деревянный засов, на который она была заперта, дрогнул и треснул.

– Быть беде! – закрыл лицо ладонями Воропай.

Горихвост вытряхнул из сумы волчью шкуру, лоснящуюся позолотой от тусклых отблесков светоча, брошенного на

полу. Резкий скачок, кувырок в воздухе – и вот он уже стоит на четырех лапах и помахивает хвостом, скаля зубы в звериной ухмылке.

– Беги! – охнул староста, забиваясь в угол и становясь на колени.

Горихвост ринулся на чердак, пробежал меж перевернутых поставцов и выскочил в узенькое окошко на крышу. Лапы его заскользили по деревянной черепице, он съехал к краю, сорвался и полетел вниз, но тут же наткнулся на новую крышу – сеной, что ровно стелилась чуть ниже. Переживать было некогда, и он помчался вперед.

– Эй, а кто это там, наверху? – раздался растерянный голос Видоши.

Не обращая внимания на людей, суесящихся на дворе, Горихвост спрыгнул с сеной на крыльцо, юркнул вниз по ступеням и выскочил со двора. Прямо перед ним расстиралось бескрайнее конопляное поле. Верхушки зеленых стеблей колыхались в лучах серебристого месяца, отчего казались бескрайним морем, залитым серебром.

– Уходит! Лови его! – судорожно завопил за спиной Нежата.

Горихвост хохотнул по-звериному, капнул липкой слюной на межу и нырнул в это колышущееся зеленое море. Развесистые листья сомкнулись над его головой и скрыли от глаз преследователей.

– Все за ним! Не дайте ему уйти! – голосил воевода.

Но искать одинокого волка в этом сумрачном поле – все равно что руками ловить рыбу в море. Вурдалак прижал уши и легонечко затрусил прочь – в самую чашу сумрачного конопляника.

Вдали Дикий лес угрюмо чернел на фоне едва проглядывающих звезд. С ветки дуба сорвался ворон, сделал над конопляником круг и зловеще заграял.

– Ворон! Лес! – мелькнуло в голове Горихвоста. – Туда деревенщина носа не сунет. Добегу до опушки – отстанут.

Однако преследователи не унимались. На шум и крики и впрямь собралось все село. Кузнец Валуй с молотком в руках, подмастерье Шумило с клещами, страдник Головач с вилами, бортник Пятуня с веревкой лезли в высокие заросли и перекликались громкими, хоть и дрожащими голосами. Даже толстый печник Жихарь понес свое брюхо в темень, размахивая кочергой и срубая с зеленых ростков конопли раскидистые листья.

– Становись цепью! – командовал Воропай. – Сейчас весь конопляник прочешем, как гребнем!

Верхушки конопляных стеблей заколыхались, показывая, что цепь загонщиков двинулась в чашу. Горихвост ухмыльнулся, оскалив зубы, и радостно рыкнул: мол, только дойдите до владений Лесного царя – там вас встретят, как дорогих гостей... Ему пришло на ум нарочно заманить в лес это глупое мужичье, а уж там оборотень Деряба, леший Распут и русалка Шипуня до того будут рады развлечься, что хоть празд-

ник закатывай. И в довершение пира – милый бес Вахлак с его кривыми, как дубовые сучья, лапами, острыми когтями и непробиваемой шкурой, поросшей колючей щетиной.

Горихвост игриво вильнул хвостом и зашебуршался в листве.

– Ребята, кажись, зверюга передо мной! – дрогнул голос Жихаря.

Загонщики сбились в кучу и осторожно полезли сквозь заросли. Вурдалак затрусил к лесу, стараясь не убежать слишком быстро, чтобы растерянное мужичье не потерялось. И вдруг ворон над его головой резко снизился, заложил острый вираж и тревожно выдавил из себя хриплый окрик.

Горихвост остановился, как вкопанный. На тонкой веточке конопля, среди длинных и острых листьев, болтался обрывок белой тряпки. Он колыхался под порывами ночного ветра, и кончик его то попадал под серебряный лучик луны, то уносился обратно в тень. Такие же тряпки были развешаны справа и слева: даже волчий глаз едва различал их в ночной темноте.

Ловушка! Вот оно, коварство людей. Не зря говорят, что нет зверя страшнее, чем человек. Куда ни сунет он свои руки, везде расставляет орудия для убийства.

Волк прижал уши и осторожно начал отступать обратно. Но сзади уже доносились возбужденные голоса загонщиков.

– Сбавьте шаг! Иначе свалитесь в волчью яму! – прогремел бас Нежаты.

«Волчья яма! Вот, значит, что вы мне приготовили. Ах вы, грязное мужичье... Вы и ваши уловки – просто мерзкая пакость. Но я умнее, чем вы думаете, да и нюх у меня тоньше вашего!»

Горихвост обогнул участок поля, помеченный белыми тряпками, и осторожно продолжил путь в сторону леса. Волчья яма осталась у него за спиной.

Внезапно перед ним, всего в десяти шагах, заколыхались толстые стебли. Их верхушки качнулись, и острые листья склонились, как будто стараясь ужалить своими узкими клинками. Бредущего в зарослях не было видно, но он двигался прямо на Горихвоста.

Вурдалак осадил назад. «Это еще что за черт? Как тут мог оказаться загонщик? Ведь он появился с юга, со стороны леса!»

Горихвост хищно ощерился и приготовился прыгать. Брюхо припало к земле, хвост поджался, шерсть на загривке встопорщилась. «Кто бы ни был – опрокину его, а там выясним, что это за зверь!» Задние лапы чуть-чуть отступили назад, выискивая опору повернее.

И тут земля под ними разверзлась. Загрохотали перевернувшиеся деревянные жерди. Набросанные поверх жердей листья провалились, и лапы Горихвоста ухнули в зияющую пустоту. Передними лапами он попытался зацепиться за край открывшейся под ним ямы, но комья земли посыпались под когтями, и он кубарем покатился на дно ловушки,

пребольно ударившись хребтом о кол, торчащий посередине. Перед глазами поплыли темные пятна и заплясали серебристые звездочки, так что на несколько мгновений он перестал понимать, где настоящие небеса, а где искры в его голове.

– Ребята, кажись, волк угодил в нашу яму! – ликующим тоном взревел Нежата.

Хор деревенских загонщиков огласил ночь победоносным ревом.

– Смотрите, сами не провалитесь! – взвыл Воропай.

Сквозь заложенные уши Горихвоста донесся топот рваных сапог и измочаленных лаптей. Кусты сзади заколыхались, показывая, что загонщики стремительно приближаются. Первым вылетел к краю ямы Нежата. Он метнул наугад во тьму нож и заголосил:

– Сюды! Все сюды!

Нож вонзился в крутой склон у Горихвоста над ухом. Земля от удара просыпалась и обдала его морду тучей колючей пыли. Вурдалак рывкнул от неожиданности, но это лишь раззадорило преследователей, которые убедились, что он прячется в темноте. Селяне скопились у ямы и издевательски захохотали:

– Вот он, голубчик! Попался! Добьем эту тварь!

В Горихвоста полетели камни, дубины и жесткие комья глины. Он отшатнулся, но снова ударился о врытый в дно кол, верхушка которого была заострена, как копье. Вурдалак злобно ощерился и зарычал. Желтая пена брызнула из его

пасти в лица озверевших селян.

Кузнец швырнул в него молотком. Волк отскочил, но железный наконечник заехал ему по бедру, отчего задняя лапа чуть было не отнялась. Он попытался вскарабкаться к краю ямы, но склон слишком круто брал вверх. Горихвосту удалось лишь несколько раз подпрыгнуть, неловко подворачивая больную лапу. Подмастерье Шумило щелкнул клещами и вырвал клочок шерсти из его загривка. Вурдалак взвыл.

Нападающие перепугались и отшатнулись, но Нежата подбодрил их:

– Не робей! Тащи мой самострел! Сейчас я шкурку-то ему продырявлю!

«Дело плохо! – мелькнуло в голове Горихвоста. – От самострела тут некуда деться. Я как на расстреле. Этот старый пень вмиг меня ухайдокает!»

– Несу! – слышался голос конюха Коняя.

Нежата принял из его рук арбалет, упер приклад в брюхо и начал натягивать тетиву. Короткая и толстая стрела легла на деревянное ложе.

– Кончай его, супостата! – истошно вопили Жихарь с Пятуней.

И вдруг оба разом заткнулись. Верхушки конопляных стеблей с южной стороны зашумели и заколыхались. Судя по встряхнувшимся листьям, от леса двигалось какое-то тяжелое и сильное существо.

– Эй, ты кто? Человек али дух? – дрожащим голосом вы-

крикнул Воропай.

Натянутый арбалет застыл у Нежаты в руках. Пожилой воин раскрыл рот и уставился на противоположный край ямы. Жихарь опустил кочергу к стоптанному сапогу, а Шумило, напротив, поднял клещи к лицу, будто закрываясь от невидимой угрозы.

– Может, это кабан? – подал голос Валуй.

– Кабаны так себя не ведут, – озадаченно проговорил Нежата.

Верхушки стеблей опять колыхнулись, нагнав на сонное поле серебряную волну. В тусклых лунных лучах мелькнула черная тень, похожая на грузную человеческую фигуру в остроконечной шапке со свисающим колпаком.

– Призрак Старого барина! – становясь на колени, выдал из себя тощий, как жердь, Пятуня. – Явился за Горихвостом, чтоб отомстить за свое убиение!

– Свят-свят-свят! – отступил назад Воропай.

– Если ты с того света, то забирай, за чем пришел, и проваливай! Деревенских не трогай! – храбро выступил вперед Нежата.

Но призрак и не думал приближаться. Он остановился поодаль и завозился в кустах. Горихвосту со дна ямы не было видно, что там происходит. Злость уступила место суеверному страху. «Сражаться с живыми противниками – это по-нашему, по-волчьи. Но драться с духами? Как их вообще одолеть? Не утащат ли они на тот свет? И зачем он явился? Ведь

не думает же Старый барин, что это я его в прошлом году...»

Селяне за спиной Нежаты начали отступать. Первым сорвался с места Пятуня и бросился наутек. За ним припустил Жихарь, гремя кочергой. Высокие заросли проглотили одного за другим Валуя, Шумилу и конюха Коняя. Высокое положение старосты не позволяло Воропаю драпануть у всех на виду. Он долго приплясывал на месте, борясь с желанием спрятаться поскорее, и как только увидел, что никто из деревенских за ним не смотрит, заголосил и во весь дух ломанулся сквозь кусты к деревне.

Последним остался у ямы Нежата. Он встал в боевую стойку, выставил самострел и готовился спустить тетиву. Однако противник не показывался на глаза. Верхушки стеблей колыхались, как будто тот обходил яму кругом.

– Беги, дурак! Стрелы тебе не помогут! – рыкнул со дна Горихвост.

Пожилой воин обо всем догадался и сам.

– Ежели он за тобой, то не обессудь! Я тут не при чем! – пробормотал Нежата и попятился, стараясь не поворачиваться к привидению спиной.

Высокие сочные стебли сомкнулись, скрыв его из виду. Листья заколыхались, обозначив его путь к северу, в сторону человеческого жилья. А с юга уже шелестел новый враг, пугающий своей потусторонней силой.

Горихвост вдавил брюхо в холодную землю и прижал уши. Призрак приблизился на три шага. Конопляные стебли раз-

двинулись, и из темноты выглянула пара холодных глаз – мутных и безучастных, как раз таких, какие должны быть у нежити.

Волк тихо взвыл и непроизвольно обдал землю струйкой горячей мочи. Стебли сомкнулись, и то место, откуда выглядывал призрак, снова утонуло во мраке. Тихий шелест дал знать, что враг удаляется.

У Горихвоста отлегло от души. Он распрямился, расправил плечи. И тут же подскочил, как ужаленный. Новая мысль обожгла его и заставила броситься к краю ямы.

– Эй, ты, там! – рыкнул он. – Не уходи! Разговор есть.

Шелест листьев на мгновенье замер, и тут же возобновился с новой силой. Привидение стремилось прочь.

– Я тебя не отпущу, пока кое о чем не спрошу! – выл Горихвост.

Но призрак и не думал останавливаться. Вурдалак сделал усилие, подпрыгнул и вцепился когтями в край ямы. Комья земли посыпались из-под его лап, но он ухватился зубами за веревку, брошенную Пятуней, и подтянулся. На его счастье другой конец веревки запутался в зарослях, и черная волчья тень выскользнула на поверхность. Лунный свет посеребрил кончик хвоста, свалявшийся от грязи.

Волк наострил уши, прислушался, втянул воздух ноздрями. Острый запах конопляных листьев перебивал чутье. Призрак шелестел уже где-то вдали – он уверенно двигался к лесу.

– Нет, ты точно не человек! – взвыл Горихвост. – Деревенщина в лес ни за что бы не сунулась. Она засела бы в своих избах и дрожала от страха. А в Дикую чащу ночью потянется только умрун. Старый барин, стой!

Тихий шелест уже едва слышался. Горихвост начал прокрадываться на звук, стараясь едва касаться земли подушечками лап. И тут шелест пропал.

– Куда же ты? – с досадой завыл вурдалак. – У меня только один вопрос. Ведь я знаю, что это не я тебя разодрал! Тогда кто? Деревенские на меня вину валят. Как я оправдаюсь?

Однако призраку, судя по его поведению, переживания Горихвоста были глубоко безразличны. Ночной ветер гулял по коноплянному полю, и его гул сливался с шагами нечистой силы, за которую принимали и самого вурдалака.

Ускользящий призрак шуршал листьями где-то вдали. Горихвост ринулся за ним, разрезая грудью конопляные заросли. Ветви хлестали его по морде, вынуждая зажмуривать глаза и прижимать уши, отчего ночь становилась темнее и глуше.

Внезапно обострившийся нюх почувал новый, неожиданный для природы запах. Дымок с легким привкусом паленого веника вился над полем и навязчиво пролезал в ноздри, пытаясь добраться до мозга.

«Тут что, костер жгли?» Вурдалак принялся вертеть головой, выискивая источник пряного дыма. И уже через несколько шагов его передняя лапа попала в груды багровых

угольев, тлеющих на иссушенной проплешине. Горихвост тут же отдернул лапу. «Ой! Едва не обжегся!»

Прямо перед его носом расстилались остатки костра. На мох и ломаные ветки была набросана куча сушеных листьев конопли. Отдельно валялись дымящиеся части стеблей и соцветий. От всего костра исходил дурманящий аромат, и притягивающий, и отпугивающий одновременно.

Волк припал мордой к земле, непроизвольно ощерился и втянул ноздрями дымок. Пряный, и в то же время вонючий, он кружил голову. В рассыпанной по поляне золе виднелись следы чьих-то сапог, но унюхать их было никак невозможно – от золы несло жаром, отбивающим обоняние.

«Я найду тебя! От меня не уйдешь!» – ухмыльнулся он звериной улыбкой. Шуршание призрака затерялось в порывах ветра, колышущего заросли. Горихвост принялся вертеться вокруг костра, пытаясь взять след, но запах жженой травы перебивал посторонние вкусы.

«Ты сидел тут. Ты дышал этим дымом. Значит, ты пахнешь так же», – рассуждал он, протягивая морду к середине костра, от которой валили самые густые клубы. Он принялся обегать вокруг поляны, принюхиваясь к ночному ветру, но самые сильные запахи неслись не из зарослей, а от костра.

Горихвост нюхал еще и еще, стараясь запомнить получше этот травяной вкус. Мало-помалу пряный аромат принялся заползать в его голову и окутывать разум. Чувства обострились, с клыков сорвалась слюна. Ночь стала прозрачнее, те-

ни – загадочней, острые конопляные листья вдруг расцвели всеми цветами радуги и заиграли, как колдовской огнецвет. Ему показалось, что он видит сквозь темноту, и где-то вдали, впереди, ему почудилось движение, будто волны вздымали ладью. Он ринулся вперед, лапы сами несли его, поднимая над землей, как птицу.

«Вот и южный край конопляного поля. Дальше темной стеной встает Дикий лес. Я знаю тут каждую тропку. Чужим здесь не место, но я в лесу – не чужой. Тут меня приняли, как своего, а вот люди едва не убили. Кто я: зверь или человек? Это с какой стороны посмотреть...»

«Тени кружатся перед глазами. Как будто дубы сошли с мест и принялись бродить под лучами месяца-волхва, хитро выглядывающего из-за туч. Ветви-руки тянутся к горлу. Хотят схватить меня? Задушить? Разорвать? Или это мне только мерещится? А вон та тень в бледном болтающемся колпаке? Она тоже привиделась? Сгинь из разума, наваждение!»

Горихвосту хотелось бежать со всех ног, но колени предательски подогнулись, и он рухнул на землю. Черная тень приближалась к нему, заслоняя и поле, и лес, залитый лунным светом. Она пожирала движения и шорохи ночной природы, как дыра во времени, в которой навек исчезает все сущее. Но вот тень развернулась, и на спине ее мелькнул серебристый череп над поваленным светлым крестом. «Серебряный череп? И на спине? Наваждение, не иначе!»

Горихвост и не думал, что его самого можно задурить,

как простого селянина. Серебряный череп парил над землей, колыхаясь. Слезящимися глазами вурдалак подметил, что крест под ним – два перекрещенных шестопера. «Вот оно что! Это знамя! Черное знамя на границе заповедного леса, с серебряным черепом и двумя шестоперами крест-накрест, перешитое в свиту – точь-в-точь, как у Прежнего барина. И белый колпак с черно-бурой опушкой из хвостатой лисицы, по шкурке которой серебрятся ночные лучи».

У Горихвоста перехватило дыхание. Во рту пересохло. Он хотел зарычать, но из пасти вырвался только беспомощный хрип. Призрак подплыл к нему и завис в трех шагах.

– Ты кто? – прохрипел вурдалак.

– Будто ты не узнал? – выдохнуло привидение.

– Прежний барин? – осмелился спросить Горихвост.

Привидение расхохоталось и ухнуло, как ночной филин:

– Зачем ты здесь?

– Ищу убийцу моего деда, – откликнулся Горихвост.

– И что сделаешь, когда найдешь?

– Порву в клочья.

– А дальше?

– Порву всех, кто виновен. Где люди – там зло. Всех убью!

Никого не оставлю, и деревню сожгу, чтоб другим неповадно было.

– Слово настоящего вурдалака! – опять расхохотался призрак и начал растворяться во тьме.

– Погоди! – забеспокоился Горихвост. – Есть у меня к те-

бе дельце. Что ты забыл у избы Дедослава в ночь перед убийством? Не видел ли там кого? Может, ведаешь, кто злодей?

– Может, и ведаю, – гулко ухнуло привидение.

– Скажи мне!

– Узнаешь – умрешь, – зловеще прошелестел призрак и повернулся спиной, на которой блеснул вышитый череп.

– Нет, от меня просто так не уйдешь! – взвыл вурдалак.

Лапы сами подбросили его ввысь. Тень качнулась и слилась с крошечной тьмой. Зубы щелкнули там, где только что колыхалась вислая шапка, но поймали лишь воздух. И тут на голову ему обрушился удар чем-то тупым и тяжелым – будто молотком огрели. Горихвост рухнул на землю и застыл без движения.

*

«Не к добру грает ворон!» – так говаривал дед. Горихвост приоткрыл глаза. Пасмурное утро рассеивало над конопляником угрюмый серый туман, в дымке которого терялись очертания лесных дебрей. Большой ворон с блестящими перьями важно расхаживал перед его мордой и настойчиво каркал, привлекая внимание. Вурдалак потянулся и рыкнул от боли, пронзившей череп.

– Хорошо, что мозгов нет, а то бы сотрясение было, – крикливо програвал ворон.

– Где он? Ты видел, куда он подался? – нетерпеливо спро-

сил Горихвост.

– Кто? – не понял ворон.

– Призрак!

– Какой еще призрак?

– Тот, что меня по башке молотком двинул.

– Призрак? Молотком? Очнись, убогий! – ворон откровенно издевался. – Где ты видел, чтобы призраки молотками орудовали?

– А кто тогда?

– Ты и так сам не свой был по пьяни, а после еще какой-то дури нанюхался. Вот тебе и мерещилось всякое.

– И шишка на макушке мне тоже мерещится? – Горихвост тронул здоровенный шишкан, выскочивший у него между ушей.

Даже прикоснуться к нему было больно.

– Ты всю ночь во тьме бегал от мужиков. Вот и врезался в дерево, – каркнул ворон, расправляя крылья и перелетая через толстый обрубок дубового корня, валяющийся рядом.

Горихвост с недоверием обнюхал корневище.

– Что-то во рту у меня пересохло, – пожаловался он. – Ты не знаешь, где поблизости можно попить?

Какое счастье, что неподалеку нашелся родник! Волк ткнулся сухим носом в ледяную струю и с наслаждением принялся лакать.

– Ты не слюнявь воду-то, не слюнявь! А то после тебя пить никто не захочет, – бухтел над ухом привязчивый ворон.

Но вурдалак не обращал на него внимание. Только напившись вдоволь, он оторвался и произнес:

– Вот почему так: когда начинал пьянствовать – вроде был человеком. А проснулся поутру – зверь зверем?

– А ты не нюхай всякую дрянь, – посоветовал ворон.

– Дурак! Мне для дела нужно было, – посетовал волк. – И откуда ты вообще свалился на мою голову?

– Лесной царь послал приглядеть за тобой. Хорохором меня зовут.

– Слава нашему государю! – расплылся в улыбке Горихвост. – Вот настоящий отец лесной братии: ни о ком не забудет.

– Забудешь тут о тебе – ты таких дров наломал, что не на один костер хватит.

– Это еще не дрова. Все костры впереди, – пообещал Горихвост.

Вот наконец и опушка Дикого леса. Тонкий нюх почуял знакомые запахи сухих пней, жухлых листьев, подгнивающего бурелома. Подрагивающее ухо уловило шум листвы на ветру, скрип качающихся ветвей, тихий шепот травы. Далекие крики птиц и возня мелкого зверья волку знакомы лучше, чем любому охотнику.

Горихвост остановился за шаг от густого подлеска и огляделся по сторонам. Ворон Хорохор носился над головой, словно что-то высматривая. Что ему еще надо? Летел бы он

в свое воронье гнездо...

Однако что-то и в самом деле не так. Чутье подсказывает: вокруг непорядок. Но что это? Вроде все как обычно. Шумят могучие дубы. Торчат из-под земли корневища, в которых легко запутаться новичку, зато так удобно прятаться опытному лесовику. Ветер гоняет опавшие листья цвета красного золота. Катаются россыпи желудей, каждый из которых мечтает вырасти в огромное дерево, да только каждому ли повезет? Так что тут не так?

Волк обежал вокруг неподвижного стога сена и с подозрением понюхал ветер. «Конопляное поле – шумит и колышется, как обычно. Дикий лес – встает хмурой стеной, как всегда. Доносятся голоса лесных тварей и птиц – вроде все как положено. И только этот стог сена маячит у меня за спиной, как чужак в иноземном кафтане. Откуда он взялся? Мужики близко к лесу не косят – боятся нечистых, особенно – вурдалаков...»

При этой мысли Горихвост расплылся в довольной ухмылке.

«Верно! Сено... Тут одна конопля да подлесок. Ну не бывает косьбы в таком месте! Эх, как же я сразу не догадался – а еще сторож леса!»

– Деряба! А ну, покажись! – в полный голос рявкнул вурдалак стогу.

Сено взьерошилось и тут же улеглось обратно, как будто его подцепили на вилы, а потом придавили гнетом.

– Хватит прятаться! Я тебя распознал!

Стог закричал, перекосясь и повалился на бок. Хорошор сделал над ним круг и насмешливо каркнул. Горихвост поддел сено носом – стог ужался и принялся перекатываться, как будто ему дали пинка, а потом вдруг подскочил высоко, кувыркнулся и грохнулся оземь уже в виде белобрысого мальчишки лет пятнадцати, одетого в дорогой парчовый камзол.

Мальчишка встал на карачки, чихнул от поднятой им самим пыли и плаксиво заныл:

– Опять ты балуешь, волчище! Ну чего не сидится тебе в своем логове? Рыщешь между деревней и лесом, а мужики потом лезут куда не нать...

Горихвост подбежал, ухватил недоросля зубами за воротник и рывком поднял на ноги. У того подогнулись колени, но он устоял на тонких ножках, затянутых в шелковые порты, и брезгливо принялся стряхивать пыль с перчаток из гладкой оленьей кожи.

– Ах ты, шап! – рыкнул Горихвост. – Нарядился, будто невеста перед смотринами. Торчишь у всех на виду, и думаешь, что тебя не заметят?

– Я, между прочим, на сторожах стою! – обиделся оборотень. – А вот где тебя ветер носит – это вопрос. Пока ты по своим делам бегаешь, я один службу несую.

– Ты такой не один – есть сторожа и опричь тебя, – возразил Горихвост. – Да и службу несешь, как трухлявый пенёк,

даром что выглядишь молодцом. Солнце уже за облаками гуляет, а ты дрыхнешь, как пес в конуре.

– Ничего я не дрыхну, – заныл оборотень. – Меня зачаровали.

– Вот еще, выдумал отговорку! Кто тебя мог зачаровать?

– Проходимец в черной свитке и кривой шапке с лисьей опушкой.

Горихвост насторожился:

– Давно он тут был?

– За час до рассвета. Шуршал в траве, будто дикий кабан.

Я решил, что это кто-то из мужиков лезет в чашу, ну и пугнул его, как обычно.

– А он?

– Что «он»? Взял, да и нашептал надо мной заклинание.

Я и остолбенел.

– Придумал бы что поправдивей! Кто такие заклинания знает?

– Может, сильный колдун. А может, дух с того света.

– И дух станет шуршать в кустах, как кабан? Врешь, и даже не покраснееешь!

Молодой парень потер перчаткой свою бледную, без единой кровинки щеку, и высокомерно промолвил:

– Я не одичалый вурдалак, чтобы врать!

Горихвост рыкнул от негодования:

– Эх, не время сейчас устраивать перепалки. Говори: куда этот призрак девался?

– Почему я знаю? Меня как заморозили, так я с тех пор ничего и не помню.

Ворон сел на дубовый сук и надменно задрал клюв, всем своим видом показывая, что вникать в разговор двух наземных придурков – ниже его достоинства. Горихвост затрусил вдоль опушки и вскоре заметил на кустарнике пару сломанных веточек. Опавшие листья были притоптаны и разбросаны невпопад, словно по ним кто-то прошелся. След вел на юго-восток, мимо Туманной поляны, как раз туда, где за лесом возвышалась угрюмая громада Змеиной горы.

– Эй, а ну стой! – заголосил вслед вурдалаку Деряба. – Туда нельзя! Запрет самого царя!

Ворон с негодованием закаркал на ветке, давая понять, что на этот раз он согласен с неудавшимся стогом.

– Тут проходил чужак! – едва обернувшись, рывкнул Горихвост. – Царь мне после сам скажет спасибо.

Хорохор спикировал с ветки и попытался клюнуть его в холку, но Горихвост так щелкнул зубами, что едва не вырвал у ворона пару перьев.

– Как же так? – приплясывая, заголосил оборотень. – Мне тут надо стоять, никого не пущать. А ты сам попер, никого не спросясь. Ну какой из тебя после этого сторож?

Горихвост преспокойно обернул к нему хвост и углубился в лесную чащу. Причитания Дерябы еще долго доносились до его чутких ушей.

Берег Волчьего ручья привел Горихвоста к обрыву скалы. Вода срывалась с каменного уступа и с шумом обрушивалась в низину, где продолжала свой бег через лес. Вурдалак уже знал, что его поджидает: хвост его непроизвольно поджался, уши встали торчком, а зеленые глаза забегали по сторонам.

Спуститься с обрыва по тайной тропке для волка – дело нехитрое, но едва Горихвост оказался у подножия водопада, как угодил в холоднящее озерцо. «Вот те на! Откуда оно взялось? Ведь раньше его тут не было, правда? Не мог же я запомнить – раз сто тут, наверное, пробегал».

Не обращая внимания на тучу брызг, поднятых водопадом, по озерцу кверху брюхом плавал шерстистый бобер. В другое время Горихвост тут же сорвался бы с места и кинулся бы за ним, но сейчас ему было не до охоты. Он знал местную тайну, скрытую от посторонних глаз: за плотной пеленой воды, за мириадами брызг и жидкой радугой, встающей в те редкие мгновения, что солнце выглядывало из-за туч, пряталась пещера, а в ней... бр-р-р, лучше даже не думать!

Он выбрался из воды на берег и встряхнул свою черную шкуру. И сейчас же ему в нос ударил отвратительный запах лежалой рогожи, нечистых подмышек и кишечного перегноя, исходящего из огромной разинутой пасти. Мощный храп подтверждал, что ему не почудилось: великан ростом с самое высокое дерево валялся поперек ручья и во всю глотку храпел, как будто задался целью заглушить и шум водопада, и голоса растревоженных птиц.

Вурдалак осторожно приблизился к толстой ладони, из которой выпала палица, сделанная из целой сосны с обломанными ветвями. Огромные пальцы с нечищеными ногтями подрагивали во сне. Грубая накидка из конопляной дерюги колыхалась над круглым брюхом, вздымающимся вверх при каждом всхрапывании. Веки, похожие на печные заслонки, прикрывали глаза размером с колесо от телеги. Великан то и дело ворочался и бормотал в тяжком сне, и тогда вода из-под его грузного бока устремлялась в долину, как через прорванную плотину. Лежащее тело перегородило ручей, образовав запруду, в которую уже стекались бобры со всех окрестностей.

Горихвост вскарабкался на жилистую руку, перебрался великану на лицо и лапой приподнял ему веко. Мутно-коричневый зрачок закатился и не выказывал признаков мысли.

– Волот! Не спать в сторожах! Подъем, кому говорю! – затрещал вурдалак, но его голосок отзывался лишь слабым эхом в слоновьих ушах великана.

– Ну, ты сам напросился! – мстительно произнес Горихвост и куснул исполина за мочку.

Тот поерзал во сне, пробормотал что-то нечленораздельное и перевернулся на другой бок. Волк соскользнул и хлопнулся оземь.

– Ничего, мы терпеливые! – сообщил Горихвост, подобрался к другому уху и клацнул зубами.

– До чего надоели кусачие вши! – проревел великан, все еще не проснувшись.

– Ах, так я для тебя словно вошь? – взъелся волк. – Ну, погоди у меня!

Он подобрался к его ноздре, запах из которой мог убить сотню помойных крыс, и дернул за черный волос, похожий на корабельный канат. Великан взвыл от боли и разом уселся, все еще не открывая глаз. Горихвост сорвался с его лица и рухнул в воду, которая с бурлением ринулась в освободившийся проход. Разочарованные бобры оказались на мигом просохшем дне, по которому сбегала тонкая ниточка ручейка.

– Кто вздумал со мной шутить? – проревел великан, шаря по земле в поисках своей дубины.

Но поскольку глаза его все еще не открылись, то пальцы лишь переворачивали валуны, щедро набросанные по берегу.

– Что за сонное царство? – посетовал Горихвост. – В лесу творится черт знает что. Где ни попадя шляются проходимцы. В деревне жгут огнем колдунов. Мужики охотятся на вурдалаков, а привидения разгуливают по долу, как будто небеса рухнули в преисподнюю. А его светлость волот Сиводур изволит почивать в грязной луже, что твое порося. Чего, говорю, разлегся у всех на виду?

Великан смачно зевнул, разинув похожую на пещеру пасть, и пальцами поднял себе одно веко.

– Ты чего тут? Сюда нельзя, – глухо пророкотал он.

– Мне можно. Я свой! – с вызовом возразил Горихвост.

– Никому нельзя. Повеленье царя. К Змеиной горе ходу нет, – прогремыхал великан.

– Мимо тебя Дикий охотник со всей своей сворой промчится – ты и его не почувешь, – расхохотался вурдалак.

– Напраслину не возводи, – обиделся волот. – Я всю ночь в дозоре глаз не смыкал.

– А под утро тебя разморило? Так, что обрушился в воду и запрудил ручей?

– Никак нет, – тупо проямлил волот. – Я до денницы не спал. А потом... Потом и не помню, что было. Кажется, тут кто-то бродил.

– Кто?

– Не знаю. Какой-то нечистик. Он еще бормотал что-то тихо, как будто читал заклинания. Я прошелся дубинкой по кустам – наверное, примял его. Поищи-ка, у тебя чуйка получше моей.

– Нету тут никого! – рявкнул сгоряча Горихвост. – Дрыхнуть в дозоре не надо.

– Да не дрых я! – принялся оправдываться волот. – Меня угомонили. Клянусь, кто-то меня заговорил. А кто – сам не видел.

– Эх, да что с тобой разговаривать? – махнул хвостом вурдалак.

– Погоди! Не ходи к горе, – испуганно бросил вслед ему

великан.

– Ты туда чужака пропустил, – не согласился с ним Горихвост.

– А тебя не пропущу! – великан поднялся, раскрыл оба глаза и поднял с земли дубину.

«Дело плохо», – смекнул Горихвост, глядя на то, как вздымается над его хребтом обломанная сосна. Он едва успел юркнуть в чащу, как дубина обрушилась на бережок и перевернула огромный валун.

– Поймаю – шкуру сдеру! – дико ревел позади него великан.

Солнце перевалило за полдень и выглянуло из-за туч, окрасив осенний лес в багряное золото. Свет переливал через пышные кроны деревьев и обволакивал теплом шкуру, напоминая о лете, что недавно отправилось вслед за Дажьбогом в гости к северной Маре. Ночной холодок еще таился в оврагах, поросших густыми кустами, но Горихвост легко перескакивал через провалы. Для вурдалака лес – родной дом.

Берег ручья довел его до горы. Вершину ее как будто откусило древнее чудище из тех, что населяли землю до людей и богов. Дышущее жерло пыхало в небо клубами едкого дыма, который скатывался по неровным склонам и заволакивал низину. В нос ударил резкий запах серы и тухлых яиц, напроць отбив волчий нюх.

Ручей плавно скрутился кольцом и обогнул обветшавший

земляной вал. Сухие комья земли сыпались из-под деревянного тына, сбитого из сплоченных бревен с остро отесанными верхушками. Тын опоясывал гору высоким забором, не давая подобраться к ней нигде, кроме широких ворот, скрипящих под деревянной башней. Горихвост помнил эти ворота: они всегда были наглухо заперты, и лишь его дед знал, как с ними сладить. Однако на этот раз распахнутые настежь створки жалобно подпевали ветру, что играл ими, гоняя взад и вперед.

Волк устремился в проход под башней, как вдруг упругая толстая плеть легла ему на загривок, опутала горло и подняла вверх, как щенка. Он беспомощно засучил лапами в воздухе, но его так сдавило, что стало трудно дышать. Из горла вырвался хриплый рык – больше удивленный, чем яростный. Морда его развернулась к старому вязу, сучья которого тянулись и опутывали его шкуру, как длинные лапы. Дерево подбросило его вверх и принялось хлестать ветвями, нанося жгучие удары.

– Ты чего? Отпусти! – ощерился вурдалак.

Пористая кора дерева разверзлась, обнажив темную пасть.

– Попался! Тать! Вор! Переветник! – глухо провыло древесное чрево.

– Какой я тебе переветник? Я лесной брат! Чур меня, чур! – загомонил Горихвост.

– Я тебе покажу, как чурать Чура! – вышел из себя вяз и начал парить его похлеще чем в бане.

Шкура Горихвоста встопорщилась от острой боли, как будто ее вздернули на адовы крючья.

– Перестань! – лаял он. – Я не виноват!

– Лесной царь решит, кто виноват, а кто нет! – сипел вяз.

– Лесной царь – мой государь, а я его верный слуга!

– Слуги не нарушают приказов хозяина! – не унималось дерево.

Не на шутку разошедшиеся ветви бултыхали Горихвоста вверх-вниз. Перед глазами его мелькали то распахнутые створки ворот, то провалившийся шатер башни, то древесные корни, вывороченные из земли и шевелящиеся, будто ползучие гады. Бултых вниз – и толстый сук припечатывает его к бугристому скату земляного вала. Бултых вверх – и голова его взматается выше тына, открывая вид на клубящуюся гору, по гребню которой скользит черная тень в кривой шапке.

«А ну, стой! Что за тень? Что за шапка?»

– Остановись, чурбан безмозглый! – зашелся от лая Горихвост. – Пока ты меня тут валтузишь, настоящий тать пробрался, куда не надо!

– Ты и есть тать! – изрыгало древесное чрево. – А за чурбана заплатишься!

– Смотри, сам напросился! – огрызнулся вурдалак и, давась, зашептал:

– В море-океане, на острове Руяне стоит бел-горюч камень Алатырь. А под камнем тем силы злые, несносные. Подни-

маю я этот камень, выпускаю я эти силы. Вы набросьтесь на Чура, стража Змеиной горы. Остолбеней, глупый Чур! Застынь и не двигайся! Уймись, ветви! Облети, листва! Сучья, замрите! Будь ты деревом, дурной страж, каким был прежде и каким будешь впредь!

Вяз со скрипом застыл. Хватка веток ослабла, Горихвост рухнул наземь, но вместо того, чтобы вскочить и встряхнуться, лишь принялся жадно дышать, ловя полной грудью воздух, смешанный с дымом.

Дерево не подавало признаков жизни. Вурдалак зарычал и тяпнул зубами кряжистое корневище, но оно оказалось таким жестким, что клык едва не сломался.

– Погоди у меня! Я тебе эту болтанку припомню! – пообещал он и юркнул в распахнутые ворота.

Глава 3. Змеиная гора

Гора не хотела подпускать к своим тайнам – тропинки на ее склонах вздымались так круто, что Горихвост едва удерживался, чтобы не соскользнуть. Камни под лапами осыпались и катились вниз, увлекая за собой пыльные тучи осколков. Почва вздрагивала и урчала, как голодный желудок.

Дым становился все гуще и гуще, он лез в глаза и заволакивал все вокруг. Сизые клубы донесли знакомый, немного пряный, немного тошнотворный запах копченой конопли – он шел из гущи пыльной завесы, со стороны горного жерла. Горихвост собрался с духом и припустил вперед.

Ох, и не нравится мне это мелкое дрожание земли! Оно будто душу выворачивает наизнанку, так и хочется драпануть прочь, да нельзя – призрак не должен уйти, иначе кто скажет правду о застарелом злодействе? Ведь не дадут мужики мне покоя, пока не узнают, кто на самом деле убил их прежнего барина. А мне не будет покоя, пока не отомщу за деда. И на лица не посмотрю: если простолюдин его мучал – замучаю до смерти простолюдина, а если князь – то и князя. Кому только в голову пришло пытаться старого волхва? И зачем? Ведь у него и гроша не было за душой.

Горный склон снова дрогнул. Горихвост покачнулся, поджал хвост и опустил уши.

Где же призрак? И какая нелегкая понесла его сюда как раз тогда, когда гора задышала?

Черная свитка и свисающий белый колпак мелькнули среди дымных клубов далеко впереди, на кручине горы. Горихвост почувствовал, как вскипает кровь, и жар ударяет в голову. Азарт охоты подстегнул его и погнал вперед. Он понесся ввысь, не обращая внимания на камни, сыплющиеся из-под ног.

Духа в свитке уже не было видно, но раззадоренный волк не мог остановиться. Он напряг силы для решительного броска и взлетел над скалистым гребнем. И вдруг обнаружил, что по ту сторону каменистого зуба расстилается не ровная плешь вершины, как он ожидал, а зияет глубокий провал, крутым склоном скатывающийся в разверстое жерло вулкана.

Подушечки лап скользнули на гладких камнях, которые тут же сдвинулись с места и покатались вниз в волне черной пыли с песком. Эта волна подхватила волка и понесла к бурлящему озеру огненной лавы, пышущей жаром.

Что за адское варево? Как будто Хозяин Пекла задумал сварить похлебку на легион злобных бесов. Раскаленная лава булькала и вскипала. Ее оранжевые потоки казались бы ослепительными, если бы не подгорелая бурая корочка, покрывающая их сверху. Но что самое удивительное – посреди этого варева возвышался гранитный остров. Он торчал, как ни в чем не бывало, в самой середине булькающего жерла.

Огненные потоки лизали гранитные обрывы его берегов, но те стояли, не поддаваясь адскому пламени.

В центре острова, вдали от раскаленных берегов, уноси-лась ввысь восьмиугольная вежа – одиноко стоящая башня, последнее убежище обороняющихся. Ни единого окошка, ни малого просвета не виднелось в ее гладких, полированных стенах, из которых торчали огромные клыки древнего змея, больше напоминающие слоновые бивни. Однако не они за-ставили Горихвоста зарычать во всю глотку. Вокруг вежи, вдоль ее отполированных до зеркального блеска стен, обви-вался золотой змей. Его широкое, в десять обхватов тело струилось по черному мрамору, уносясь к верхней площад-ке, на которой покоилась голова с костяным гребнем. Иглы гребня топорщились, как у исполинского ерша, а пасть рас-пахивалась на северо-запад, в сторону Грязной Хмари и ле-жащего за ней Ветхого капища на берегу Шерны. Торчащие во все стороны бивни напоминали рога, отчего башня каза-лась рогатой.

Горихвост сделал усилие и зацепился когтями за твердую почву. Скольжение остановилась, но даже не доехав до края кипящего озера и сотни шагов, он чувствовал его жар.

– Лихо-мареву! – вырвалось урчание из волчьей глотки.

Перед его носом болтался висячий мостик, протянутый к гранитному острову. Выглядел он ненадежно: веревочные перильца вихляли из стороны в сторону, а деревянный на-стил ходил ходуном под порывами горячего ветра. Бурлящие

пузыри лавы пытались плюнуть в него огненными брызгами, застывающими на лету, но мостик висел на такой высоте, что им было до него не достать.

Волк медленно попятился задом, но хрустящий песок под ногами снова начал скользить и сносить его вниз. Нет, уж лучше на мостик!

Лапы вязли в песке. Пыль застилала глаза. Горихвост ухватился зубами за краешек моста и вскарабкался на настил. Уф, едва не снесло в эту адскую жуть! Как же хочется повернуть назад! Там прохладно, там жар не пышет в лицо. А впереди – преподозрительнейшая черная вежа со змеем, сияющим позолотой в лучах солнца, которое едва заглядывает в горное жерло.

Горихвост недоверчиво нащупал лапой деревянную досочку и затрусил вперед. В ушах выли ветряные потоки. Мост раскачивался – будто нарочно задался целью сбросить в лаву одинокого волка. Натянутые веревки гудели, и казалось, что полосни по ним парой клыков – и они тут же лопнут, и полетит все это чудо строительного ремесла прямо в огненный кипяток, и прощай тогда, пушистый мой хвост...

Едва лапы коснулись гранитного берега, как Горихвост сжался и сиганул побыстрее вперед – лишь бы дальше от жара. Сколько ни бегал он вокруг башни – нигде не находил даже намека на вход. А как попасть внутрь? Зачем строить башни без окон, без дверей? Какой в этом смысл?

С западной стороны тело выющегося змея будто рассек

меч Перуна-воителя. Нутро зияло темной пустотой, в которой терялись мраморные ступени. Они уходили вверх, скручиваясь, словно жгут, испещренный щербинами и засыпанный мелкой крошкой. Случайного пришельца эти ступени отпугнули бы монументальной тяжестью и неизвестностью, таившейся за каждым из восьми поворотов, на которых тело дракона изгибалось вслед за гранями башни. Как и вся вежа, тело змея было высечено из холодного мрамора, однако чешую его покрывала старинная позолота, во многих местах уже слезшая или соскобленная неизвестно кем и неизвестно когда.

Ступени вели внутрь и пропадали во тьме. «Вот оно что! Выходит, это винтовая лестница, – смекнул Горихвост. – Только вьется она не внутри башни, как бывает обычно, а снаружи – вдоль стен. Тело змея – как большая труба, в которую и упрятана лестница. Эх, была не была! Не обратно же возвращаться!»

Лавовое озеро смачно чавкнуло и выбросило такой длинный язык пламени, что его кончики едва не подпалили Горихвосту шерсть. Волк взвизгнул и без раздумий нырнул в змеиное нутро. Темнотища тут стояла такая, что хоть глаз выколи – хорошо, что ступеньки под ногами оказались гладкими, так что карабкаться можно было наощупь. Жаль только, что они такие крутые. Пока десяток одолеешь – запыхаешься, а их тут сотни, хоть язык на плечо свесь.

А вот и оконце! Узенькое, как бойница. Едва свет прогля-

дывает, но хоть что-то можно рассмотреть. Восемь стен, восемь граней – сначала крутой лестничный пролет, потом маленькая площадка, поворот, и снова вверх по ступеням. Лапы уже не пружинят, колени одеревенели, но волк разве покажет, что устал? Пусть никто не видит – но как признаться себе самому, что сил больше нет? И что ждет наверху? Вряд ли добрый волшебник с подарками.

С винтовой лестницы Горихвост выкатился в просторный зал, наполненный клубами серого тумана. Дым клубился повсюду: он валил от большого костра, разведенного в центре зала на высоком яшмовом алтаре, отражался от стен, некогда сверкавших черно-мраморной гладью, а теперь закопченных, будто печное нутро, веял струями под потолком, напоминающим нёбо огромной звериной пасти.

Горихвост как будто оказался внутри огромного черепа, принадлежавшего исполинскому чудищу, только выполнен был этот череп не из природной кости, а из дорогих камней, чей сумрачный блеск пробивался даже сквозь дымную завесь. Пол зала напоминал длинный язык, высунутый наружу, в сторону северо-запада, где за крышами Грязной Хмари виднелись идолы Ветхого капища. Из нижней челюсти торчали каменные клыки, каждый выше человеческого роста, и такие же клыки свисали с верхней челюсти, до которой не дотянулся бы и длинный Жердяй.

Ого! Вот это здесь накурили! Да в этой палате не продохнуть, даром что она такая широкая, что и стен не разглядеть.

И немудрено: клубы дыма такие густые, что на аршин вперед ничего не видать. И как шибает в нос этот чудовищный запах паленой конопли! Весь нюх отобьет!

Горихвост проскочил сквозь струю дыма и ударился носом о каменную стенку с выпуклым барельефом. Барельеф изображал древнее жертвоприношение: к змею, хищно расправившему крылья и высунувшему язык, волхв подводил юную деву с распущенными волосами и снопом хлебных колосьев в руках. Поодаль стояла толпа родных, среди которых выделялся князь, оплакивающий дочь. Змей готов был вот-вот проглотить княжну, но Горихвосту в этот миг было не до красот: его нос сплющился и распух от тычка. Он едва удержался, чтобы не взвыть в полный голос, и тут же до его слуха донеслось:

– Огненный змей, явись мне из тьмы! Сбрось вечный сон! Покорись моей воле!

Горихвост поперхнулся собственным воем. Бормочущий голос звучал прямо над ним. Прижав уши, он одним глазком взглянул ввысь. Короткая стенка, на которую он наткнулся, располагалась посреди зала, и принадлежала массивному прямоугольному алтарю высотой человеку по грудь. Алтарь был сработан из полированной яшмы, по поверхности которой шли искусные узоры, изображающие крылатого змея. На столешнице этого каменного постамента спиной к Горихвосту восседал незнакомец в черной свитке и шапке со свисающим колпаком. На раздутой свитке колыхался узор: череп

и два скрещенных шестопера.

Горихвост подавил злобный рык. Не замечая его, незнакомец бубнил себе под нос:

– Ну же, змей, пробудись! Книга волхвов не соврет: ты должен исполнить желание. У меня – власть над книгой, у тебя – власть над тьмой. Вылезай, черт тебя подери!

Вурдалак пригляделся: в самом деле, на коленях незнакомца лежала раскрытая книга волхвов, или черная книга, как ее называли боязливые селяне. Позолоченный оклад, обтянутый чернильным бархатом, тускло поблескивал огоньками маленьких самоцветов. Под ним проглядывал потрескавшийся от времени кожаный переплет. Костер, разложенный прямо посреди столешницы, то и дело выстреливал языками пламени, которые жадно тянулись к пергаментным страницам и норовили лизнуть их. Поверх огня тлели набросанные конопляные листья, от которых исходил дурной чад. Сам незнакомец до того надышался, что и ухом не вел.

Горихвост осклабился, скакнул и постарался забраться на стол. Незнакомец в свитке отшатнулся и с досадой воскликнул:

– Колом тебе по балде! До чего ж ты не вовремя!

Всего мгновенья хватило ему, чтобы натянуть кривую шапку себе на голову аж по самую шею, так что только два бегающих глаза и пухлые губы остались торчать в небрежно прорезанных дырках. Горихвост бросил взгляд на этого проходимца, ставшего вдруг похожим на столичного палача, что

рубит головы на Лобном месте, и от негодования зарычал. Призрак с издевкой показал ему в ответ сизый язык.

– Какой ты, к лешему, призрак? – взревел вурдалак. – А ну, снимай маску! Сейчас на зубчик тебя посажу – тогда и посмотрим, что у тебя внутри.

Однако призрак не думал сдаваться. Он скинул на пышную шкуру Горихвоста остатки угольев с разворошенного кострища и сиганул со столешницы на пол по обратную сторону алтаря. Волк потерял его из виду и забеспокоился, но на этот раз, вместо того, чтобы запрыгивать на высокий стол, он осторожно обежал его сбоку, стараясь не врезаться в неожиданное препятствие, если такое снова вздумает встретиться на пути.

И уже через несколько шагов обнаружил, что звериная осторожность спасла его от настоящей беды. Оказалось, что алтарь стоит на самом краю широкого восьмиугольного колодца, занимающего всю середину зала. Горихвост свесил голову через узенький бортик и в страхе отпрянул.

Лихо-мареву! Вот это да! Теперь ясно, почему в этой башне нет ни дверей, ни окон. Да и лестницу внутри нее не устроишь.

Вся Рогатая вежа представляла собой один высокий колодец, уходящий на недостижимую глубину. Там, в самом пекле, клочкотало раскаленное варево – еще более жаркое, чем в озере, окружающем остров. Казалось, будто на дне этой пропасти ворочается огненный демон.

Горихвост затрусил вдоль невысокого бортика и выбежал на противоположную сторону зала. Тут его поджидала новая преграда.

Перед ним вставал, раскинув широкие крылья, поблескивающий червонным золотом змей с хищно разинутой пастью. Рубиновые глаза полыхали адским пламенем, а гребень на черепе топорщился от гряды острых игл. Перед статуей kloкотал провал колодца, так что казалось, будто крылатый змей парит над бездной.

Горихвост недоверчиво втянул ноздрями воздух, убедился, что змей искусно вырезан из мраморной глыбы, и напасти от него можно не ждать. Но куда же тогда делся призрак? Нюх еще не пришел в себя после столкновения с алтарем, и надеяться на него не приходилось.

– Эй, ты, тень разодетая! – выкрикнул Горихвост. – Думаешь спрятаться от меня?

Призрак в свитке мелькнул за статуей и бросился вправо, к престолу, стоящему у самой стены. Девять ступеней из гладкого камня поднимались к креслу с высокой спинкой, над которой нависал тяжелый венец в виде дракона, свернувшегося кольцом и поймавшего собственный хвост. На резных подлокотниках фигурки жрецов из слоновой кости приносили в дар чудищу невольников. Рабов раскладывали на алтаре, коротким мечом вспарывали грудную клетку и вынимали сердце, сделанное из алых лалов. От старины камни выпали, оставив маленькие провалы, почерневшие от веко-

вой пыли.

Незнакомец устроился на сиденье, подогнул под себя ноги и раскрыл книгу в драгоценном окладе.

Черная книга, сборник колдовских тайн, которые в незапамятные времена открыли кудесникам потомки Белобога и Чернобога. Ее заклинания, начертанные тайными письменами – ключ к самым невероятным чудесам, которые не способен постичь человеческий разум. Боги ушли невесть куда, и оставили людям много волшебных штуквин, но ни одна из них не сравнится по ценности с этим ведовским даром.

Как обойти все три мира Вселенной? Как вызвать беса из пекла и заставить его плясать под свою дудку? Как напустить лихорадку на целый город, или как найти проклятый клад? Обо всем могла поведать эта хитрая книга тому, кто сумеет отомкнуть ее особым заветным словом и разгадать тайные знаки.

Важно лишь, чтобы она не попала к злодею, иначе он погубит весь мир. Не зря Лесной царь поручил хранить ее Дедославу – последнему волхву в роду древних правителей Града кудесников.

Горихвост аж оторопел от такого зрелища: чтобы палач сидел на престоле Царя волхвов, да еще листал при этом чародейскую книгу – такого даже выдавший виды внук колдуна не мог вообразить.

– Говори, откуда у тебя книга волхвов? – пролаял вурдалак.

– Как за морем Хвалынским, на Руяне на острове, – начал петь заунывным голосом лживый призрак.

– Будет тебе остров, будет тебе и Руяна, – ощерился Горихвост и понесся к нему.

От клубов дыма, до сих пор витающих под сводами зала, у незнакомца слезились глаза. Он потер их кулаком в безразмерной перчатке, чихнул и уставился на страницы.

– Суд судом, век веком, – продолжил он заунывное чтение. – Вурдалаку меня не съесть: у меня медвежий рот, волчьи зубы, свиные губы.

– Еще как съем! – захохотал вурдалак. – Меня пустым словом не проберешь. Ты мне за все ответишь!

– Стоит на острове дом, а в том доме – семь старцев, – продолжал бормотать палач в колпаке. – Возьмите, старцы, дубины тяжелые, мечи булатные, сулицы острые. Луки возьмите тугие, положите каленые стрелы на звонкую тетиву, да обрушьте все силы на вурдалака, что рыщет предо мной...

«Ой! – ёкнуло у Горихвоста сердце. – Кажется, это плохо, когда на тебя читают заклинание из черной книги. Дед мой никогда не колдовал при семье, да и меня учил остерегаться волшбы, потому как ничего доброго от наведенных чар не бывает. А что этот злодей в кривой шапке удумал? Вот выпустит беса – и станет со мной то же самое, что с дедом, вечная ему память».

– Бейте волка дубинами! – победоносно выкрикнул призрак. – Секите волка мечами, колите сулицами, стреляйте

стрелами!

«Если скажет: слово мое крепко, – то я пропал!» – подумал Горихвост и так резво прыгнул на незнакомца, что тот выронил из рук книгу и мигом слетел с царского места. Зубы вурдалака щелкнули так близко от свитки, что он почувствовал, как ее край прошелестел по носу.

По инерции вурдалак пролетел мимо и шмякнулся о спинку престола. «Лихо-мареву! А она жесткая. Из чего ее сделали? Видно, жрецам нужно было иметь каменный зад, чтобы восседать в этом кресле. Не удивительно, что после им хотелось пустить кровь бедной жертве. А куда делся призрак? Не разобрать из-за дымных клубов. И откуда они только берутся? Костер-то потух!»

Горихвост фыркнул, пытаясь очистить нос от набившейся гари, и поспешил глотнуть свежего воздуха, с угрожающим свистом задувающего снаружи. Зубастая пасть каменного дракона открывалась на вольный простор, расстилающийся за пределами башни. Одна из восьми стенок вежи была прорублена, и сквозь нее на улицу высовывался длинный мраморный язык. Заплутавший в дыму Горихвост не заметил, как оказался на покато́й спинке этого узкого мостика. Стоило схватиться за зуб чудища и свеситься вниз – и можно было вдохнуть полной грудью. Волк опасно выглянул и тут же отпрянул обратно – его голова закружилась от высоты, с которой были видны и подножие башни, и остров из раскаленного гранита, и огненное озеро, спрятанное от по-

сторонних глаз в жерле вулкана.

А незнакомец, похоже, как пустился с утра во все тяжкие, так решил и продолжить до самого вечера. Не бросать же бесчинство на половине пути, а то оно, чего доброго, останется недоделанным. Призрак спихнул Горихвоста с дороги, и выскочил на мраморную дорожку, будто на трамплин для прыжков в огненный бассейн.

– Наконец-то! Теперь ты от меня не уйдешь! – взревел от радости вурдалак.

Деваться с узкого язычка было некуда. Вот только клубы дыма застилали глаза, пряча мелькнувшую свитку. Черный бархат опять показался во мгле и застыл, словно поддразнивая. Не помня себя, Горихвост сжался, подпрыгнул и взмыл ввысь. Передние лапы вытянулись, стараясь впиться когтями в добычу. Пасть хищно раскрылась, обнажив острые зубы. Ах, что за сладкое чувство охоты, когда бросаешься на добычу и знаешь, что ей не уйти!

И в этот миг свитку дернули в сторону, как будто опытный тореадор ускользнул из-под носа быка. Горихвост опустил лапы, чтобы мягко спружинить на раздвоенный язычок, но твердой опоры в нужном месте не оказалось. Вместо нее под холодеющим брюхом засвистела воздушная пустота. Тяжелая голова перевесила тело, Горихвост наклонился носом к земле и полетел вниз, отчаянно суча лапами.

Отчего я не сокол? Почему не летаю? Так поет в своих

песнях народ. Вот бы ему самому полетать так, как летел в этот миг перевернувшийся вверх тормашками вурдалак!

За стенами башни не было дыма. Не дрожала земля под ногами, и пол не ходил ходуном. Но Горихвост отдал бы все на свете, чтобы снова нащупать твердую опору – пусть она и шатается, пусть дрожит, как ей вздумается, лишь бы за что-нибудь уцепиться и на чем-нибудь удержаться.

Мимо носа его проносились гладкие грани башни. Мелькнул изгиб золоченого тела дракона, в котором пряталась лестница. Как хорошо сбегать вниз по ступенькам, а не падать со всей высоты!

Его несло прямо в озеро оранжевой лавы, мимо узкого берега острова, в гранитные скалы которого вгрызалась башенная стена. Раскаленная жижа текла струями и кипела, выбрасывая оранжевые пузыри. Лопаясь, они плевались россыпью алых брызг, которые шипели и застывали в полете. Один из них угодил на волчью шкуру и едва не прожег ее. Еще один миг, и...

И тут Горихвост почувствовал, как чья-то жесткая лапа ухватила его за шиворот и резко вздернула вверх.

– Эй, нельзя ли повыше? – завопил Горихвост, перевернувшийся в нормальное положение – лапами вниз, головой вверх. – У меня хвост обжигается. Ты меня что, хочешь в огне утопить?

Он повис, шурясь, в воздухе, совершенно беспомощный, как щенок, которого показывают на ярмарке покупателю.

Перепончатые крылья над головой оглушительно хлопали, перенося его через озеро лавы, после – через скалистый гребень Змеиной горы. За ее зеленовато-желтыми склонами взгляду открылись такие знакомые просторы: Дикий лес с его Туманной поляной, уносящийся в небеса Мироствол, дальше – Грязная Хмарь с ее тоненькими, такими милыми струйками дыма из труб, а за ней – Ветхое капище с его истуканами и серебристая нитка Шерны.

Железные когти еще крепче впились в загривок, пронзив острой болью. Горихвост изловчился и тяпнул захватчика за длинный палец. Как бы не так – едва клык не сломал! Кожа жесткая – не прокусишь. Схвативший его летун хриплым голосом ойкнул, разжал пальцы и грубо выругался.

Вурдалак со всего маху грохнулся оземь, перекувыркнулся и покатился вниз по крутому склону, ударяясь о кочки и камни.

Лихо-мареву, когда ж это кончится? За что тут зацепиться? Так вконец можно побиться!

Боги смилостивились, крутой склон превратился в пологий, и его перестало вертеть и швырять. Он распластался на засохшей траве и прикрыл голову лапами. Перед глазами все ходило ходуном, небо качалось, а земля пучилась и вздымалась.

Перепончатые крылья хлопнули над головой, грубые лапы схватились за шкуру так, будто хотели сорвать ее с мясом, а низкий, с грудной хрипотцой голос продышал в ухо:

– Что, сбежать вздумал?

Как впились в холку эти крючковые хваталки! Как будто щипцами стиснули. А когти-то, когти – того и гляди, продырявят шкуру насквозь! Разве у призрака такие бывают? И пахнет от этого чудища не коноплей, а прелым мхом, древесной гнилью и сохлыми желудями – как раз такими, что валяются у корней Мироствола.

Мироствол! Корни! Страж дерева!

– Вахлак, это ты? – радостно загомосил Горихвост, стараясь извернуться и взглянуть на захватчика.

– А ты ждал кого-то другого? – грозно пробасило чудище.

– Да отпусти же меня! Не признал, что ли? – Горихвост ухитрился скосить глаза.

Так и есть! Здоровенный бес зло сверкал на него налитыми кровью глазами. Ростом – со вставшего на задние лапы медведя, весом – пудов двадцать, морда со скошенным пятакком, щеки заросли жесткой щетиной, на тупой башке выются козлиные рога, кривые ноги с копытами, перепончатые крылья за спиной хлопают, будто простыни, и в довершение картины – хвост, словно бич с острым шипом на конце. Такая тварь только в кошмаре приснится, а наяву ее встретить – упасите все боги, какие только найдутся на земле, в небе и под водой.

– Как же я рад тебя видеть! – попытался обнять его Горихвост.

– Вот и славненько! – жутко ослабил бес, обнажая клы-

ки раза в три больше волчьих. – Значит, и за грех ответить тоже рад будешь.

– За какой еще грех?

– Зачем полез на Змеиную гору? Разве не знаешь, что Государь запретил? А ты вон что наделал. Я такого переполоха отродясь не видал. Гляжу: гора начала извергаться. Полетел посмотреть, кто ее так растревожил. И тут ты падаешь прямо мне в лапы. Хорошо хоть, виновного долго искать не пришлось.

– Никакой я не виновный! – возмутился Горихвост. – Ты правду сначала узнай, а после суди.

– Чего тут судить, и так дело ясное, – возразил упырь. – Разбудил ты гору, она и задышала. А как гора проснется – так всему лесу конец. И не говори, что не ведал.

– Это не я разбудил! – начал оправдываться Горихвост. – Это все призрак Старого барина. Я как раз его ловил.

– И чего ж не поймал?

– Обманул он меня! Заманил на край змеиного языка, да и сбросил.

– Вот нашему государю это и объяснишь, – неумолимо промолвил бес.

– Ты сведешь меня к государю? – обрадовался Горихвост. – А я и не прочь. Только пока ты меня по лесу мыкаешь, призрак совсем уйдет. Его сейчас ловить надо, пока он недалёко.

– Ты щенкам своим сказки рассказывай, – оскалилось чу-

дище. – А меня морочить не смей!

– Нет у меня щенков! – огрызнулся вурдалак, но вразумлять беса было пустой тратой времени.

Мироствол! Великое дерево вселенной, корни которого уходят в преисподнюю, а ветви простираются над счастливой небесной страной. Многое повидал ты на своем веку. Ты видел и рождение богов, и первые времена, когда на земле жили чудовища и волоты-исполины. Видел войны небожителей с бесами и всемирный потоп, уничтоживший перворожденных. Какие бы беды вокруг тебя ни разыгрывались, какое бы лихо ни бушевало – ничто не смогло уничтожить тебя. Небо, Земля и Подземелье держатся на тебе, как листья на ветке, и будут держаться, пока ты стоишь.

Бес Вахлак грубо швырнул Горихвоста к подножию Древа миров. Черноперый Хорохор свесил клюв с нижней ветки и торжествующе програвая что-то неразборчивое, но не слишком приятное для вурдалака.

– Попался! – взвыл Сиводур из-за ручья с мертвой водой.

Волота не пустили на Туманную поляну из-за непомерных размеров, и он развалился на другом берегу, сломав несколько елок и примяв густые кусты.

– Сколько волка ни гладь – все равно руку прокусит! – визгливо заголосила русалка Шипуня, раскачиваясь на древесном суку, как макака.

Оборотень Деряба смахнул пылинку со щегольского кам-

зола, наморщил тонкий носик и демонстративно отвернулся, всем видом показывая, что он выше личных счетов.

Но Горихвосту было на них наплевать. Он чувал загривком, кто смотрит на него в этот миг. Едва смея поднять глаза, он по-собачьи вильнул хвостом и, подметая брюхом опавшие листья, пополз к каменному престолу, стоящему у подножия Древа.

Нижние ветви Мироствола, покрытые увядшей листвой, уже облетали, в то время как наверху буйно играли сочными оттенками зелени семена всех трав и растений, какие только сыщутся на белом свете.

Ворон каркнул, ветка под ним качнулась, высохший желудь сорвался и упал на корону из золотистых листьев, что венчала голову Лесного царя. Каштановые волосы всколыхнулись, взгляд темных пронзительных глаз заморозил Горихвоста. Рука с драгоценными перстнями пригладила бороду, дрогнули уголки рдяных губ, по лицу пробежали старческие морщины, глубокие, как борозды на дубовой коре.

Царь смахнул желудь, скатившийся на мантию из горностаевых шкурок, и потрепал холку золоторогого оленя, что щипал травку перед престолом.

Волоча брюхо, Горихвост подполз ближе, чтобы лизнуть государю ладонь, но на его пути тут же возник здоровенный вепрь с такими длинными клыками, что волк поджал хвост и откатился обратно. Лесная братия благоговейно молчала, и лишь Хорохор возился на ветке, отчего сверху сыпались

листья и шляпки от желудей.

– Зачем ты пытался разбудить змея? – сурово вымолвил царь.

Горихвоста так удивил этот вопрос, что он онемел. Ему едва удалось раскрыть пасть, чтобы пролепетать что-то в свое оправданье.

– Ты знаешь, что я строго-настрого запретил приближаться к Змеиной горе? – взгляд Царя резал, как по живому, а голос леденил, как ветер в разгар зимы.

– Я не нарочно, – через силу пробормотал Горихвост. – Я только преследовал негодяя, что заманил меня в ловушку.

– Какого еще негодяя?

– Призрака Прежнего барина, Злобы Кривошапа, – сбивчиво начал объяснять вурдалак. – Он шлялся у избы моего деда перед убийством, да и нынешней ночью я видел его в конопляном поле между деревней и лесом. Он и привел меня на гору.

– Зачем ты погнался за ним?

– Чтобы как следует допросить! – оживился Горихвост. – Может, он чего знает? Да и в его собственной гибели мужики обвиняют меня. Будто бы это мои зубы остались на теле боярина Злобы после того, как его нашли мертвым. Да только все это ложный навет! Не могу я людей рвать зубами – если это случится, то я в человеческий вид не вернусь.

– А ты знаешь, что выйдет, если разбудить змея? – строго спросил Царь.

Язык Горихвоста снова онемел и повис.

– Давным-давно эта гора была местом злым, окаянным, – заговорил Владыка Леса. – В пещере под ней жил огненный змей, а на вершине горы стоял его храм. Змей житья не давал всей округе – пожирал скот и людей, травил урожаи, жег пастбища и охотничьи угодья. Селяне не знали, как избавиться от напасти, и вынуждены были приносить ему кровавый откуп. Раз в месяц они жертвовали ему быка, а раз в год – самую красивую деву. Отцы и матери трепетали, когда их дочери подрастали. Невиданные сокровища собрал змей в пещере: золото и драгоценные камни валялись в ней россыпями, так, что от их блеска слепли глаза.

Дошла очередь отдавать свою дочь до волхва. Волхв был праведником и всю жизнь на совесть служил горним богам. Владыки вселенной слышали его мольбу. Князь Горнего мира Перун вывел небесную свору на заоблачную охоту. Как ни пытался спрятаться от него змей – Перуновы стрелы разили его и в воде, и на суше. А довершила дело рогатина небесного князя. От ее удара вершина горы провалилась под землю вместе с храмом, в котором жертвовали людей. Самого змея боги сковали цепями и заточили на глубине. Как ни ярился он, как ни пытался освободиться – не мог порвать цепи, и впал в беспробудный сон. С тех пор он никого не тревожил.

Однако бывает, что он заворочается во сне, и тогда гора начинает дышать. Из провала ее идут дым и пламя. Клубы

гари и копоты, что выдыхает змей, рвутся наружу. Настанет день, когда змей очнется от сна и порвет цепи. Вырвется на волю – и огонь затопит долину. Ничто живое в ней не уцелеет.

Самое злое лихо, какое можно придумать – будить змея. В наше время помочь будет некому – боги ушли, и на чудовище не найдется управы. Кто будит змея – тот враг и лесу, и люду.

– Что за чушь? Зачем мне будить змея? – не выдержал Горихвост.

Русалка свесила волну зеленых волос с Мироствола и визгливо пропела:

– Ты сам трепал налево и направо, что отомстишь за смерть деда и, если нужно, всю деревню сотрешь в пыль. Нет лучше способа, чем напустить на мир огненную потраву.

– Такое мне и в голову бы не пришло! – возразил вурдалак. – С мезтью за деда я сам справлюсь, помощь чудищ мне не нужна.

– Однако на гору ты все же забрался, несмотря на запрет. Змей тысячу лет не напоминал о себе, а тут вдруг дыхнул огнем как раз в тот час, когда ты его потревожил. Вина на лицо, – хмуро сказал упырь.

Горихвост сел на задние лапы и вытаращил глаза. Язык еле ворочался, но он все же выговорил:

– Как же так? Ведь я не виновен!

– Тебя застали с поличным, – возразил Лесной царь. – Деряба, говори, как было дело!

– Стою я в сторожах, – сбивчиво заговорил оборотень, размахивая длинными рукавами кафтана. – Тут налетает какая-то тень и бормочет про моря-океаны и камень Алатырь. Меня как колотушкой огрели. Что было дальше – не помню, но когда я очнулся, то увидел перед собой черного волка. Он пихал меня носом и так зыркал глазами, будто загрызть собирался. Я ему говорю: не ходи к горе, царь не велел. А он: царь мне после спасибо скажет. И шасть мимо! Я его не пускал, вон у ворона хоть спросите.

Хорохор на ветке смущенно каркнул и спрятал клюв под крыло.

– Что было дальше? – вонзил взгляд государь в великана.

Сиводур неловко заворочался на берегу ручья и завыл, будто ветер в трубу:

– Я всю ночь на часах, как и положено стражу. А под утро – в кустах шебуршенье. Я по ним хватать дубиной, да видать, только елочку зря загубил. Слышу тихий, вкрадчивый такой голос. Заклинанье читает, ворожбу на меня наводит. Я сел в лужу подумать, что делать дальше, и тут меня разморило. А открыл веки: глядь, под носом сидит этот волчище и дергает мне волоски, издевается, зверь. И давай надо мной насмеяться: мол, мимо тебя любой чужак пробежит, ты не поймашь. И сам дает ходу к горе. Я ему кричу: стой, поймаю – шкуру спущу! Да куда там! Скрылся в лесу – только его и видали.

– Все не так было! Его призрак сморил! Это призрак! –

принялся подпрыгивать от негодованья Горихвост.

– Видел я этого призрака, – раздался над его ухом скрипучий голос.

Головы лесных тварей разом повернулись к вязу, который шевелил корневищами, будто клубком одеревенелых змей. Вяз развел ветви в стороны и обнажил дупло, похожее на темную глотку.

– Бежал этот прощельга мимо меня прямо в надвратную башню, – заскрипела древесная глотка. – Я его цап за шкуру, и давай строго спрашивать: кто таков и куда? А он давай воровать, как заправский колдун: сперва зачурал меня, будто траву-первогодку, а после изрек целое заклинание, из тех, что писаны в черной книге. Мало было меня заморочить: еще и грозился припомнить мне верную службу и опосля поквитаться. Я застыл, а волк ломанулся к горе. Сразу после земля задрожала, из жерла повалили клубы. Счастье, что повстречался бес – он и привел меня в чувство.

Вяз зашевелил корнями и медленно отполз в сторонку.

– Так и было, – подтвердил Вахлак, хлопнув перепончатыми крыльями и смахнув хвостом ворох листьев. – Я согнал наваждение с Чура, а гора уже вся дрожит и пыхтит. Ну, думаю, пришло лихо, откуда не ждали. Подлетел к кипучему жерлу, вижу: из Змеинога черепа дым валом валит. Того и гляди, сам змеюка появится и огнем пыхнет. И тут прямо мне на голову – хрясь! Валится наш доходяга, вурдалаша наш ненаглядный. Летит так красиво: головой вниз, в

струнку вытянулся, лапы прижал, будто собрался выиграть соревнование по прыжкам в огненный омут. Ну, думаю, сейчас как нырнет на дно, а мне что, доставать его из огня? Нет, увольте. Подхватил его и понес от греха подальше.

– Он благодарил тебя за спасение?

– Как бы не так! Тяпнуть за палец пытался. Вона, чуть кожу не прокусил.

– Что вы тут говорите? – возмутился Горихвост. – Я ведь думал, что это призрак спустился по мою душу. Он читал черную книгу и сидел на престоле волхвов, как в незапамятные времена, когда там приносили жертвы.

– Откуда ты знаешь про жертвы? – впился в него острым взглядом Лесной царь.

– На фигурках видал. Там их много, – упавшим голосом отвечивал Горихвост. – Все такие узорные, выпуклые, из камней и слоновой кости. Совсем как настоящие, только поменьше.

Царь опять обернулся к бесу и строго спросил:

– На горе или в башне был еще кто-нибудь?

– Больше я никого там не видел, – растерянно развел лапы Вахлак. – Правда, в веже я не искал. Мне и в голову не пришло в нее соваться. Жутко там, до сих пор мураши шкуру щекочут. Сколько народу пропало в ней без вести – не сосчитать! Надо последнего ума лишиться, чтобы полезть в это проклятое место.

– Откуда ты знаешь заклинания черной книги? – вперил

царь взор в Горихвоста.

– Так ведь дед у меня был волхвом, – упавшим голосом признался вурдалак. – Ты же сам, государь, книгу ему на сохранение отдавал. Он и читал мне ее, как другим сказки на ночь читают. Я едва их упомяну, а уж использовать – так и вовсе до нынешнего дня не пытался.

– А что сегодня случилось?

– Чур меня так тряхнул, что чуть душу не вытряс.

– Значит, ты мог заморозить всех трех стражей, – Лесной царь положил ладонь с перстнями на подлокотник престола. – Ты же мог вычитать в ней про обряд, которым будят змея от вечного сна.

– Да не мог я! – с досадой выкрикнул Горихвост. – Чтобы черную книгу отомкнуть, нужно знать ведовское слово. Без него книга своих тайн не раскроет.

– Дед тебе это слово и выболтал.

– Вот и нет! Он думал, что колдовство в неумелых руках – сущее горе. Мне даже до переплета дотронуться не позволял, а уж заветного слова я от него и не слыхивал. «Книга – не баловство, ее кому попало открывать не след», – так он мне говорил.

– Но ты был на горе, когда змей заворочался, и тебя обвиняют в убийстве боярина Злобы. Выходит, ты и свитку его мог стащить с кривой шапкой. Не для того ли ты выдумал призрака, чтобы свою вину на него свалить?

– Ничего я не выдумал! – взвизгнул Горихвост. – Призрак

дубиной меня огрел – вон какой на макушке шишкан! Я ловил его в веже, у яшмового алтаря, что над огненной бездной. А после зверь махнул свиткой у меня перед носом, я напрыгнул, а за свиткой – обрыв. Я и свалился.

– Так ты был у яшмового алтаря? – лицо Царя потемнело, ладонь сжалась в кулак. – Ты видел огненную реку, что течет под землей? Вот отчего змей заворочался! Все один к одному. Чтобы разбудить древний дух, нужно, как в старину, принести ему жертву. И сделать это нужно на алтаре, залитом кровью невинных девиц. Ты мог вычитать это в книге. Разве случайно она пропала после гибели Дедослава? Признавайся: может, ты и деда убил, чтобы ей завладеть?

– Лихо-мареву! Как язык у тебя повернулся? – Горихвост до того зашелся от негодования, что подавился словами. – Ведь я в тебя верил! Я ради тебя готов был и с других шкуру спустить, и свою пожертвовать! А ты меня так бесчестишь! Так знай: больше я тебе не слуга, а вам, твари лесные – не брат!

Горихвост сжался, зарычал и оскалил клыки.

– Слово сказано! Поимать его, и в темницу! – распорядился Царь. – Ты, вурдалак Горихвост, был добросовестным стражем леса, пока нас не предал. Ты попытался разбудить змея, а это великое преступление. И за него я приговариваю тебя к казни.

Обитатели леса потупили взоры.

– Под надежную охрану его! – велел Царь.

«Что еще за надежная охрана? – забеспокоился Горихвост. – Ой, нет, только не то, о чем я подумал!»

Русалка Шипуня отвратительно захихикала. Хвост вурдалака сам собой опустился к земле. Уши прижались к макушке, как будто их примяли.

Огромные корни Мироствола расступились, открыв вход в пещеру. По каменным ступеням из глубины поднялась девушка лет семнадцати, одетая, как лесная охотница. Горихвост поперхнулся, споткнулся на ровном месте и уткнулся носом в грудку жухлых листьев. Ветер раздул на плечах девы багряный плащ с одним рукавом и меховым подбоем – увяичей такие звались корзном. Затрепетало вышитое золотой нитью изображение сокола, несущего в когтях дубовую ветвь с желудями, и такой же желудь с тремя листьями, но уже не вышитый на плаще, а живой, прикрыл Горихвосту глаз, когда тот осмелился выпростать морду из-под осеннего ковра. Две косы цвета спелой пшеницы шаловливо качнулись и упали на плечи охотнице поверх длинного синего платья, перехваченного широким малиновым поясом. Гладкую кожу щек ласкал воротник из пушистой куницы, а на лбу сиял синий самоцвет, вставленный в легкий, узорный венец.

– Ярогнева, дочь моя, для тебя нашлось важное дело, – потеплевшим голосом вымолвил Лесной Царь. – Поручаю тебе сторожить злодея, который обманул наше доверие. Сама знаешь: лиху нельзя давать волю, иначе оно натворит бед. Стереги его строго: этот горе-хвост умеет выкручиваться из

переплетов.

– Будь спокоен, батюшка, я за ним пригляжу, – звонким голоском ответила дева и так стрельнула в Горихвоста голубыми глазами, что тот закопался в кучу листьев с носом.

«Дочь Лесного Царя! Вот она, значит, какая. Слышал я о ней, много слышал. Если она и вправду такая, как про нее говорят, то мой хвост на волоске от больших испытаний. Сколько волчьих шкур висит в царской пещере, и все со следами ее огненных стрел. Сколько птиц и зверья распрощались с жизнями только от того, что попались ей на глазок. А ведь среди них были такие верткие твари, до каких мне далеко. Право слово, лучше бы за меня взялся этот мордатый бес, а то и дуболом-волот с его непомерной силищей», – подумалось Горихвосту.

Едва дева направилась в его сторону, как он сам сиганул в темный провал полуземлянки, прикрытой сверху земляной кровлей, на которой густо росла трава. Со стороны могло показаться, будто волк нырнул под зеленый холм и пропал из виду, но сам Горихвост слишком хорошо знал это логово: в прежние времена оно служило ему жилищем, пока пришлый Царь не навел новых порядков. Знал он и то, что деться из этой землянки некуда – другого выхода нет.

«Вот и вышло, что я в своем собственном логове, как в темнице», – с горечью подумалось ему.

Как тут все изменилось! От каменного очага осталась лишь горячая ямка в полу. Полки на стенах сорвали, сунду-

ки вынесли, и даже запах жилья сменился на отвратительную вонь незнакомых существ, задержавшуюся в этом стылом подвале на много дней после того, как их вывели. Одни широкие лавки вдоль стен были еще на своих местах, да и те почернели и покрылись безобразными следами ножей и чьих-то когтей.

– Чувствуй себя как дома! – издевательски хохотнул Вахлак, заглянув в дыру входа.

Горихвост огрызнулся, но не стал отвечать. Что взять с этого дурного верзилы! Ну не дали боги ему мозгов, разве это его вина?

А вот когда в дыру осторожно протиснулась царская дочка, он съежился и забился в угол.

– Какой ты пушистый! – с сожалением произнесла Ярогнева, щурясь на тоненький лучик света, едва пробивающийся сквозь узкую прорезь. – Жалко будет потратить такую чудесную шкурку.

Вурдалак произвольно рыкнул, но тут же взял себя в руки и спрятал клыки. Охотница потрепала его по загривку. Горихвост не сумел удержаться и ощерился. Что поделать, волчьи инстинкты! Ну не дают волки теревить себя за ушком, как домашнюю собачку. Нас не трогай, и мы тебя трогать не будем. Зачем лезть руками, куда не просили?

Широкие рукава ее платья мягко прошелестели Горихвосту по морде. Выше запястья, почти у самого локтя, они были перехвачены серебряными браслетами, на которых узор-

ные ведьмы кружились в чарующей пляске.

– Ну-ка, волчок, покажи настоящее личико! – посмеиваясь, проговорила дева. – Я пришла подлечить твои ранки.

Горихвост подпрыгнул и на лету кувыркнулся, но стукнулся лапами о низкий потолок и грохнулся на утоптаный пол. Он все же успел скинуть шкуру, и приземлился уже мужиком с переметной сумой на плече. Сума отлетела в сторону, и из нее высунулась рукоять Душебора с темно-зеленым камнем, зловеще поблескивающим в полутени.

Ярогнева расхохоталась над неловкостью пленника, но стоило ей увидеть оружие, как синий глаз ее холодно блеснул. Она быстро схватила сумку и завладела мечом.

– Это тебе не понадобится, – ледяным тоном произнесла она, пряча оружие подальше.

– Если б я думал сопротивляться, ты бы меня не удержала, – поморщившись, проговорил Горихвост. – Но я служил Дью верой и правдой, и пусть он ко мне переменялся, я-то ведь прежний!

– Не называй батюшку Дьем, он этого не любит, – строго велела царевна.

Она достала из заткнутой за гашник сумки берестяные коробочки с мазями и велела:

– Ложись на лавку! Сейчас мы тебя подлечим! И охать не вздумай, я и не такие ранки видала!

Горихвост забрался на деревянное ложе и сдернул рубаху.

– Да на тебе живого места не найти! – удивилась девуш-

ка. – Как себя чувствуешь, волчок?

– Великолепно! – бодро доложил Горихвост.

– Ничего не болит?

– Как ничего? Все болит.

– Почему тогда великолепно?

– Раз болит – значит, жив, – объяснил узник.

– Вот и шишка! На месте, – довольно заметила Ярогнева, ощупывая его голову.

– А куда она денется? Сколько через голову ни кувыркайся, раны сами от этого не пройдут.

Шишка жутко саднила, но ему пришлось стойко терпеть, пока дева втирала в нее мазь. Потом тонкие пальцы охотницы обработали его синяки, которых обнаружилось великое множество. Кое-где пришлось даже подвязать тряпицы, чтобы кровь не сочилась.

– Что ты морщишься? – посмеялась Ярогнева, глядя на его перекошенную физиономию.

– Легко тебе смеяться, – недовольно откликнулся Горихвост. – А у меня слезу вышибает, когда ты пальцем тычешь в синяк.

– А что это за значки у тебя на спине? Их что, задом наперед накололи?

– Дед сделал наколку, когда я был маленьким. Оберег от дурной ворожбы.

– Помогает?

– Еще бы! Порча и сглаз отскакивают, как от заговорен-

ного.

Ярогнева погладила ладонью край сброшенной длаки и проговорила:

– Удивляюсь, как ты не ободрал шкурку в чаше.

– Она почти новая, – с гордостью похвалился Горихвост. – Раньше у меня была другая – серая, в бурых подпалинах. Но я оказал услугу Великому Лиходею, и он подарил мне эту. Такой милости я и не ждал.

– Лиходей? Вот это новость! – удивилась охотница. – Даже я никогда не видела Лиходея, а ведь мой батюшка его поданный. И чем ты ему услужил?

– Спас лес от большой беды. После люди заключили с лесной братией договор: они не суются к нам, мы не суемся к ним. Смешно сказать, но мне же этот договор вышел боком: людям не нравилось, что я бегаю к деду в деревню, и они потребовали у Дыя... ах, извини, у царя, чтобы он отселил меня. Раньше я жил здесь, в этой землянке. А после мне пришлось перебраться в самую глушь, в Волчьи Дебри. И логово мое теперь там.

– Вот почему мы с тобой не встречались. Даже я не забиралась так далеко, а ведь я лес вдоль и поперек обошла.

– Не удивительно: в Волчьих Дебрях сам черт ногу сломит, а уж твоя стройная ножка там и подавно завязнет.

– Моя стройная ножка может так въехать тебе в волчий лобик, что ты забудешь, как мясо жевать, и начнешь щипать травку со стадом овечек, – премиленько моргнула глазами

охотница.

Горихвост на мгновение опешил и принял виноватый вид. На прощанье она обернулась и с угрозой произнесла:

- И не вздумай сбежать. Я тебя из-под земли достану.
- Под землей только бесы сидят. Я не бес, – буркнул в ответ Горихвост.

Глава 4. Черная нить

15 вересня

Неужто настал час прощаться с жизнью? А утро такое чудесное! Лес перед восходом окутан туманом, но ветерок уже разгоняет его, и теплое солнце начинает расцвечивать край лазурного небосвода. Травы звенят от холодной росы, которая чище, чем вода в роднике. Где-то вдали голосят петухи, празднуя новый день. Только весь этот праздник не для меня. Суждено ли мне встретить вечер?

– Эй, приговоренный! Поднимайся. Пришли за тобой, – послышался снаружи мрачный голос беса.

Есть ли смысл сопротивляться? Горихвост выбрался из логова, понутив голову. Его новенькая вотола из конопляной ткани смела лапами ворох золотых листьев, устилавших поляну. Осиротевший без меча пояс болтался, приспущенный, под худым животом. Ярогнева больно кольнула его взглядом холодных, как зимнее облако, глаз. «Да, от такой пощады не жди», – подумалось Горихвосту.

Леший Распут перекинул через плечо сумку с волчьей шкурой и стянул ему запястья ремнем. Ладони занемели, но время ли жаловаться? Царевна подвела их к подножию Древа, вокруг которого уже собрались обитатели леса. Царь спо-

койно сидел на престоле, сжимая ладонью каменный подлокотник.

Ох, до чего сильны лапы у беса! Щетина на его шкуре колючая, пихнет мимоходом – как наждаком пройдетя. А Сиводур-то, Сиводур, так и пыхтит от усердия, даром что боги соображалки не дали. От этих двоих не уйдешь: Вахлак хлопнет крыльями, взмоет в воздух, тут и мелкая букашка от него под листом не спрячется. А великан двумя пальцами мне хребет переломит. Щелк! – и от Горихвоста одно мокрое место. Вот и думай, как выпутаться из беды.

Двое лесных стражей схватили Горихвоста за руки, прижали спиной к стволу Высокого Древа и начали опутывать веревками.

– Ослабь путы, не то задохнись! – попросил пленник.

– Еще чего! Захотел легкой смерти? – оскалил клыки бес.

Натяжение веревок немного ослабло, и дышать стало легче. Горихвост оказался распластанным по стволу. Пеньковые нити сковали его руки и ноги так крепко, что и пальцем не шевельнешь. Высоко над его головой раскачивались огромные сучья древа. С них срывались пожухлые листья и спелые желуди, и падали на растрепанную шевелюру, украшая ее осенним венцом.

– Сам решил стать царем? – затрещала в ветвях русалка, не удосужившаяся спуститься на землю. – И над кем ты собрался царствовать? Над пепелищем, раз решил пробудить огнезмея?

– Не будил я его! – с досадой выдохнул Горихвост.

– Поздно оправдываться! – сурово вымолвил Царь. – Прими свою долю с достоинством.

Собравшиеся умолкли. В ушах Горихвоста остались лишь звуки утреннего леса: тяжелый скрип древесных сучьев, карканье ворона, пенье далеких птиц, таинственный шепот и шорохи, источник которых не всегда угадает даже Хозяин леса.

– Мы решили отдать тебя Великому Лиходею, и пусть он утащит твою душу в пекло! – приговорил Лесной Царь.

– Постой, батюшка! – вмешалась Ярогнева. – Ему к Лиходею нельзя!

Горихвост с надеждой взглянул на нее и ощутил горячий прилив нежности к этим вьющимся золотистым косичкам и небесно-сапфировым глазкам.

– Лиходей его жаловал новой шкурой, когда старая поистрепалась, – продолжала царевна. – Боюсь, как бы князь тьмы не принял вурдалака за давнего приятеля. Тогда ему пекло покажется не наказанием, а берегом кисельной реки.

– Что же делать? – в карих глазах Царя мелькнула растерянность.

– Тут нужно придумать что-нибудь похитрее! – промолвила Ярогнева и посмотрела на Горихвоста, недобро прищурившись.

«Вот тебе и на! А ведь я ее за человека считал! Сердце раскрыл ей! Вот и верь после этого бабам! Это ж надо, так

наплевать прямо в душу! Выходит, у них вся семейка такая. Что батяня, что дочка – одного поля ягодки». Горихвост закрипел зубами. Ногти впились в ладони.

– Но не в рай же его, – с сомнением промолвил Царь.

Дубовый венок на его волосах покачнулся, с него сорвался коричневый лист, и, кружась, полетел к земле.

– Богиня гибели лучше нас знает, куда его определить, – уверенно заявила охотница.

– Верно! – не стесняясь давящей обстановки, заржал бес. – Мара не одну душу на тот свет проводила. Она этого пакостника просто так не отпустит – умчит его в свое ледяное царство, и будет он там вечно мерзнуть, замороженный в льдину, вместо того, чтобы греться у своего покровителя в пекле!

Все собравшиеся дружно расхохотались. Один только Колоброд недовольно поморщился, но вместо того, чтобы возразить, с головой окунулся в ручей.

«Ледяное царство Мары! Боги вселенной, только не это! Какие только страшилки не рассказывают про то, что ждет душу в краю вечного холода! Уж там за меня точно некому будет замолвить словечко. Наказания хуже невозможно придумать. Да эта девка сущая ведьма, и изобретательность у нее, как у чертовки!»

Горихвоста сначала бросило в жар, а потом его объял холод, как будто он уже очутился в ледяном дворце Мары.

«Как же я мог ей раскрыться? Как же я так оплошал? Ни-

когда не повторю этой ошибки. Хотя когда мне ее повторять? Уже и времени не осталось».

О, нет! Ярогнева вынесла из подземной пещеры золотой посох с навершием в виде медвежьей головы, разинувшей пасть. Блики солнца полыхнули на желтых зубах – таких хищных, что даже у Горихвоста шерсть на загривке невольно встопорщилась. Лесная дева благоговейно склонилась и бережно, едва дыша, протянула посох царю. Значит, он будет сейчас колдовать. В любое другое время Горихвост отдал бы все на свете, чтобы взглянуть на Дыеву волшебку, но теперь она обернулась против него, а значит – пощады не жди. Все знают: колдовство Дыя настолько сильно, что от него никакой оберег не спасет.

Царь принял посох из тонких пальчиков девы и ударил им оземь. Бес замер, боясь шелохнуть крылом. Русалка повисла на ветке, как будто ее заморозили, и даже огромный неповоротливый Сиводур задержал выдох, чему Горихвост был рад, потому что пахло от волота невыносимо.

– Выйду я из лесу, пойду не оглядываясь, – загремел голос царя. – Дойду до края земли, до самого Зимнего царства. Услышу лай снежных псов, что сторожат Ледяной дворец. Живет во дворце том царица Мара, хозяйка холода и темноты. Услышь меня, Мара-царица! Явись в зачарованный лес, ибо ждет тебя дар теплой крови!

Багровая физиономия беса побледнела. Оборотень Деряба, который и раньше выглядел так, будто ни разу в жизни

не загорал, и вовсе стал белый как снег. Великан гулко охнул и осел на землю, отчего колючие кусты под ним затрещали. Даже Ярогнева закусила губу и отступила подальше, ко входу в пещеру, словно собираясь укрыться в ней при первой тревоге.

У Горихвоста гулко забилося сердце. Только не Мара! Стоит почувствовать на губах ее морозное дыхание – и душа превращается в ледяной осколок. Сколько таких душ выстроились колоннами вдоль ее снежного дворца, что спрятался за северным краем земли! Ни рая, ни пекла, а только вечное небытие – вот что ждет того, кого принесли в жертву Маре.

– Лихо-марево! – выкрикнул Горихвост, пытаясь вырваться из стиснувших тело пут. – Лучше прикончите меня прямо на этом месте! Мало вам оболгать меня и убить – вы и душу мою хотите сдать в вечный плен?

Неожиданно раздался такой треск кустов, словно сквозь чащу ломился бешеный слон. Все покосились на великана, но тот сидел сиднем и не двигался с места. Взметнулось облако жухлой листвы, хруст переломанного сухостоя ударил в уши. На поляну будто обрушился вихрь, листья принялись облетать с Мироствола и залепили глаза Горихвосту – он едва успел разглядеть, как Шипуня сорвалась с ветки и грохнулась наземь.

– Братва, общий атас! – завопил Вахлак, хлопая крыльями и взлетая.

Однако порыв ветра подхватил и так закрутил его, что подняться в воздух бес не успел. Вместо этого его бросило вниз и покатило по земле. Уже через пару мгновений над ним намело такую кучу опавшей листвы, что из нее едва торчали козлиные рожки, да нервно дергалась кисточка на конце жилистого хвоста.

– Это Мара! Уберите ее! Прогоните обратно! – теряя голову, взвыл Горихвост.

– Что за переполох? Всем уняться! Никакая это не Мара! – разразился громом Лесной Царь. – Маре до нас добраться из-за края земли. Даже сани со снежными псами донесут ее не быстрее, чем за три четверти часа. Кто поднял эту муть?

– Это я! – раздался скрипучий голос.

Среди поляны высился леший Распут. Он суматошно размахивал длинными лапами, с которых свисали широкие рукава из рваной холстины. Остроконечная шапка на его голове перекосилась, открыв нечесаные волосы, больше напоминающие клубок переплетенных канатов. Кривые ноги в дырявых лаптях выделывали кренделя, взметая листья и выдирая с корнями траву.

– Братья, пришел час беды! – заголосил леший. – В лес вломилась ватага охотников. Идут с огнем и железом. Если найдут поляну – берегись тогда, Мироствол!

– Угомонись! – грозно прикрикнул на лешего Дый. – Что им нужно?

– Шут их знает! – размахивал рваными рукавами Распут. – У них свора собак. Лезут напролом, через чащу, словно дорожку вывели. Совсем страх потеряли. Где вы, старые времена, когда люди боялись нечистой силы?

– Что за охотники? – осведомился Дый.

– Трое их, государь, – заторопился Распут. – Один толстенький, как колобок. Он у них проводник – видно, знает дорожку. В руках – пакля с горючей смолой. Второй – видный щап в аксамитовой ферязи. По одежке видать – воевода и знатный боярин. Третий – псарь с красным рубцом на щеке, спустил с поводка целую свору гончих. Не к добру они заявились, ох, не к добру!

Горихост перестал рваться из пут и наострил ушки.

– Это твои приятели к нам пожаловали? – обратился к нему Лесной царь.

– Нет у меня приятелей среди людей, – нехотя буркнул вурдалак.

– Кто их пропустил? – повернулся царь к своим подданным.

– Так никто опушку не стережет. Все здесь собрались, – высовывая рыло из кучи листьев, виновато ответил бес.

– Не беда! Они в наших чащобах так заплутают, что после не выберутся, – попыталась всех успокоить Шипуня.

– Как бы не так! – поддразнил ее леший. – Сюда напрямиком путь держат. И часа не пройдет – будут у нас в гостях.

– Что ж, гости нам не помешают, – вымолвил царь. – Дав-

ненько мы новых холопов в полон не хватали. Всею виной договор, по которому мы людей и пальчиком тронуть не смеем. Но раз они сами в наши владения залезли – значит, отдают себя в нашу власть. Тут уж не обессудьте.

Нечисть оживленно зашевелилась.

– Верно, нам работников не хватает, – довольно замахал лапами леший. – Дебри некому расчищать.

– Вот ты их и пополни! – велел лешему царь. – Запутай их в дебрях, как ты умеешь. Когда обессият – вяжи и веди сюда. А там подумаем, к какой работе их лучше пристроить.

Лесная компания бурно загомонила. Леший с готовностью бросился исполнять поручение.

«Это кто там еще идет? – лихорадочно соображал Горихвост. – Друзья или враги? Может, они хотят спасти меня? Кто бы это ни был – лишь бы не Мара с ее ледяным поцелуем!».

– А вы чего рты разинули? – прикрикнул Дый на оставшихся. – Очищайте поляну от хвороста, валежника, сухостоя. Мара не терпит огня. Только бы искорки не проскочило!

Лесная братия дружно бросилась собирать ломаные ветви. Горихвост ощутил колючий порыв зимнего ветра. «Почему стало так холодно? – с беспокойством подумал он. – Осень едва началась, до морозов должно быть еще далеко...» А ветер дул все сильнее и сильнее, превращаясь в настоящую бурю. Небо, еще недавно синевато-белесое от светлых

промоин, на глазах становилось тяжелым и давящим, приобретая цвет грязной тьмы. Дневное сияние померкло, Туманную поляну окутали сумерки. «Уже вечер? – кончики пальцев у Горихвоста тряслись. – Но солнечное колесо еще за полдень не перекатилось! Как мог день так быстро пройти? Что тут творится?»

Ему на лоб опустилась снежинка. Она уколола его холодком и тут же растаяла, превратившись в малую капельку, смешавшуюся с горячим потом. Следом за ней повалили снежные хлопья размером с ноготь, и всего за минуту растрепанные волосы вурдалака покрылись шапкой из талого снега. Обитатели леса разинули рты и дрожали – то ли от холода, то ли от страха.

Один Лесной Царь сошел с каменного престола, и, высоко подняв в руках посох, гремел низким голосом:

– Мара, явись! Жертва уже приготовлена!

«Это я жертва? – мелькнуло у Горихвоста. – Это я приготовлен? Да что ты вообще понимаешь, чудище в золоченом венце? Не готов я расстаться с душой, а отдать ее Маре вообще не согласен! Пусть я и не в волчьем обличье, но если она только попробует меня поцеловать – я ее так укушу, что она век не забудет!»

Неожиданно сквозь лесную чащу донесся звук охотничьего рога. «Ненавижу охотников, – подумалось Горихвосту. – Но этот рожок не такой, как другие. Есть в нем что-то веселое, что-то бодрящее. Наши лесные братья рожками не поль-

зуются, значит, это продвигаются люди. Кто из них осмелился вломиться в Запретный лес?»

По серому лицу вурдалака пробежала улыбка. Под нижней губой сверкнули два белых клыка. Горихвост тут же их спрятал, чтобы не показывать виду, но Ярогнева метнула на него быстрый взгляд.

Запахавшийся леший вынырнул из чащи и упал на колени. Его деревянная грудь ходила ходуном, он сипло втягивал воздух и выдувал его через ноздри, похожие на два дупла.

– Ну что, запутал пришельцев? – сурово спросил его царь.

– Запутал! – преданно посмотрел ему в глаза Распут. – Только они, супостаты, извернулись. Я уж было завел их в такие дебри, откуда они век бы не выбрались. Еще чуть-чуть – и упек бы их в болото, а там сгинешь в трясине, и поминай как звали. Да они, вишь, задули в рожок. Звук у него такой мерзкий, аж дрожь пробирает. Видать, волховской или заговоренный. Уж прости меня, государь: я как его услышал, так меня такой страх обуял, что я бросился со всех ног бежать, и не останавливался, пока до Туманной поляны не добежал.

– Дурень! – в сердцах обругал его царь. – Ты сам им дорогу к Миростволу указал. Теперь они по твоим следам нас быстро отыщут.

– Нет, не быстро! – попытался оправдаться Распут. – Я задержал их на добрую четверть часа.

– Все равно через полчаса они доберутся, – недовольно вымолвил Дый. – Ладно, и так успеем. Мара будет уже через

четверть. Только бы эти разбойники нам не сорвали обряд. Уж очень не хочется мне ее злить.

У Горихвоста упало сердце. «Четверть часа, и мне конец! Не знаю, зачем идут эти охотники. Меня ли спасти или по своей надобности – но только бы они успели раньше Ледовой царицы! С Распутом в лесу шутки плохи – он тут каждую кочку знает. Если взялся кого-то запутать, то так заплутаешь, что назад не воротишься. Неделю блуждать будешь рядом с дорогой, да все мимо пройдешь. Сгинуть в чаще – плевое дело. Но и эти ребята, видать, непросты, раз сумели его отогнать. Значит, знают какой-то секрет. Кто бы вы ни были – поспешите, без вас я не уцелею!»

Он попытался подняться повыше, но жесткие путы давили так сильно, что удалось лишь немного поелозить спиной по стволу. Горихвост вытянул шею и вгляделся в чащу, но из сгустившихся сумерек в глаза летели одни хлопья снега. Он наострил слух, но завывание ветра перекрывало все звуки.

«Эй, где вы там? Поторопитесь!» – мысленно голосил он. – Уж очень не нравится мне это тусклое облако, что появилось под темными тучами. Почему оно летит прямо к нам? Вон как растет, аж на глазах, будто мыльный пузырь, какие дед учил меня надувать, когда я еще не был волком. Тучи несутся в одну сторону, а этот пузырь – в другую. Разве так бывает? Только б не новое лихо на мою голову!»

Серое облако, появившееся из-за северного горизонта, и в самом деле разрасталось. Снежные хлопья вырывались из

него и осыпались на землю, как будто без них не хватало бурана и холода, так не ко времени разразившихся среди бабьего лета.

На поляну спустился туман, видно, чтобы напомнить, почему ее называли Туманной. Серая мгла окутала Горихвоста, сперла дыхание, заложила уши глухой ватой. Из непроглядной завесы вынырнули невероятных размеров песцы, каждый ростом с дикого вепря. Белая шерсть их блестела от льдинок, как будто они только что пронеслись по заснеженным пустыням дальнего края земель. Шесть пар тащили огромные сани, и еще один, самый крупный и сильный песец, бежал вожакom в голове упряжки.

В любое другое время Горихвост посчитал бы вожака соперником и немедленно изготовился бы к бою, но теперь ему было не до песцов. Он во все глаза разглядывал Северную царицу, что высилась в санях. Казалось, что вся она состоит из туманного марева, колышущегося на ветру. Белая шуба с лазурной оторочкой, расшитая серебряными узорами, полами сметала с поляны опавшие листья, и там, где она касалась земли, оставались целые сугробы.

Сани остановились, царица сошла, и Горихвосту пришлось задрать голову, насколько позволяли путы, иначе он не разглядел бы лица этой дивы. Пушистая шапка из соболей вздымалась так высоко, что почти доставала до нижних ветвей Мироствола.

Царица прошлась по поляне, с каждым шагом становясь

меньше и меньше. Туманное марево, из которого она состояла, делалось все осязаемей, пока гостья не приняла облик суровой жены, под стать Лесному царю, к которому она приближалась.

Горихвост заметил, что пальцы Дыя так сильно сжали золотой посох, что аж посинели. Ничем другим хозяин леса своего волнения не выдавал. Ярогневы было вообще не видать – она спряталась в пещере под корнями Древа и не показывала оттуда носа.

– Звал меня? – спросила Мара.

Ее голос был чистым, как звенящая струна, но таким холодным, будто звук замерзал на лету от мороза.

– Да, царица, – низко склонился перед ней Дый. – Мы собрались, чтобы принести тебе жертву. Это волк-оборотень Горихвост, человеческим именем Горислав Плетунов.

– Что ты хочешь взамен?

– Будь побережней с нашим лесом, когда наступит зима, – вкрадчиво попросил Дый.

Северная царица рассмеялась так звонко, будто запели сосульки, по которым ударили молоточком. У Горихвоста от этого смеха мороз пробежал по спине. Все присутствующие будто заледенели – никто не решался пошевелиться и вымолвить слово, и даже бес перестал хлопать крыльями, топтать копытом и дергать хвостом. Тишину нарушало лишь тьявканье зимних псов, что принялись грызться, укладываясь на поляне.

– Я принимаю жертву, – вымолвила царица и подошла к Горихвосту.

Тот зажмурил глаза, но тут же напомнил себе, что нужно быть сильным и смотреть страху в лицо. Лицо Мары казалось красивым, но это была красота льда. Светло-голубые, почти белые глаза заглядывали в самую душу и пронзали ее тысячей морозных иголок. Серебряный венец с крупными жемчужинами удерживал на голове шапку, из-под которой выглядывали тяжелые русые косы.

– Хорош красавчик! – рассмеялась царица, осмотрев вурдалака. – Его статуя украсит мой Ледяной дворец.

– Не собираюсь я ничего украшать, – выдавил из себя Горихвост. – Если хочешь знать, то меня жаловал сам Лиходей. Скажу заклинание – и целый полк жутких упырей вырвется из пекла мне на помощь.

– Какой он дерзкий! Какой горячий! – опять рассмеялась Мара, и звон ее голоса был таким ледяным, что Горихвост поперхнулся своими собственными словами. – За северным краем земель все горячее остывает. И даже огни пекла замерзнут. Это знает и твой Лиходей. Пусть приходит – я отплачу ему за те милости, что он мне оказывал в прежние времена.

Внезапно улегшиеся песцы забеспокоились. Вожак поднял голову и тревожно принюхался к ветру. Его уши встали торчком, черные ноздри раздулись, коричневые глазки забегали по сторонам.

– Ты чего там унюхал? – хотел было спросить Горихвост, да у распухшего языка не нашлось сил шевельнуться.

И тут же до его слуха долетел отдаленный собачий лай. Где-то за лесом гончие шли по следу, и победоносный гул рога перекрывал шум несущейся своры. Горихвоста передернуло по привычке – какой вурдалак без отвращения подумает об охотничьей своре? И тут же на ум пришло, что хуже уже не будет – пусть лучше охотники с их легавыми, чем своя собственная братва, потерявшая рассудок.

– Что за переполох? – ледяным тоном осведомилась Мара.

– Не изволь беспокоиться, государыня, – залебезил перед ней Дый. – Так, людишки шалят. Дело обычное. Мы их поугаем немного, они и отстанут.

– Как бы не так! – расплываясь в улыбке, взревел Горихвост, и на этот раз его голос гремел, как труба. – Сейчас эта ватага накатит и всем вам хвосты прищемит! Селяне давно грозились распугать нечисть в лесу. Удачнее времени и не выбрать!

– Ты такая же нечисть, как мы, – рассерженно бросил ему Лесной царь. – Тебя люди больше всех ненавидят.

– Правда? – загоготал Горихвост. – А вы сами-то этого не забыли? Где это видано: выдавать брата на вечное забытье? Кем нам приходится эта Мара – теткой али кумой? Она в нашем мире чужая, и раз вы решили выдать меня головой – то вы все предатели, вот вы кто!

– Придержи язык! – недовольно окрикнул Дый.

– А чего ты мне сделаешь? – расхохотался вурдалак. – Придумаешь что-то похуже?

– Когда эти люди доберутся до нас? – спросила Мара.

– Не раньше чем через четверть часа, – поспешил с ответом Дый. – Но мы им устроим ловушку, так что ты и их за раз сможешь прибрать.

– В Ледяном дворце слишком много замерзших душ, лишние там не нужны, – возразила царица. – С человеческим отродьем пусть тешится Лиходей в своем пекле, а мне нужно что-то особенное.

– Этот вурдалак необычный! – услужливо вставил Дый. – Он от корня великих волхвов, что правили колдовским городом Дедославлем. Последний в своем роду, других таких не осталось.

– Я им довольна, – оглядев пленника, вымолвила царица.

– Но у нас всего четверть часа...

– Больше мне и не нужно.

Мара приблизилась к Горихвосту и заглянула ему в глаза. Он отвел взгляд, но переносицу все равно так кололо, будто на лоб упал еж. «Только бы охотники успели пораньше, – молил он беззвучно. – Только б их гончие ворвались на поляну и распугали бы палачей!»

В руках царицы появилась толстая черная нить. Горихвост впал в тоску, настолько беспросветную, что будь в небе десять солнц – ни одно не согрело бы его душу. Длинные белые пальцы принялись перебирать узелки, завязанные на

нити. Мара притронулась к одному из узлов и легонько погладила его подушечкой пальца. Горихвосту вдруг ясно припомнилось детство: вот он в доме своего деда, с ним в горнице мать Брусница и отец Тихомир. Мать достает из печи железный противень с пирогами и ставит на стол. Отец смеется и хвалит хозяйку за доброе угощенье. Пахнет вкусной печеной коркой, тестом, рыбой и мясом. Мычат на дворе коровы и квохчут куры, в хлеву возятся свиньи, а на коленки прыгает пушистая кошка, и от ее ласкового мурлыканья становится так тепло, что тает сердце.

Вдруг мягкую улыбку отца искажает тревога. Мать меняется в лице и бросается к сыну. В горницу врываются злые люди с кривыми саблями и начинают орать, как полоумные. Поднимается свара, отец бьет их ухватом, но людей слишком много, они нападают, машут саблями и грохочут тяжелыми сапогами. И вот Горихвост уже на дворе, спотыкается о прирезанную собаку и растягивается в луже крови. Кошка запрыгивает на яблоню и расширенными от ужаса глазами смотрит на то, как выволакивают из избы едва живого отца и визжащую мать. Брусницу тащат за волосы по ступеням и безжалостно бьют. Отец пытается защитить ее, но его секут саблями. Мать тянет руки к сыну, и тут злой опричник с рубцом во всю рожу бьет ее по голове булавой. Мать замирает и падает без движения. Дед затаскивает Горюню в подклеть и зажимает ему рот, чтобы тот не голосил, а опричники рассыпаются по двору и добивают всех, кто еще шевелится –

даже кур топчут каблуками, и их перья взмываются в воздух, прямо как снежные хлопья, что падают сейчас Горихвосту на щеки.

«Зачем я это вспомнил? Тот, кто пережил такое, уже не останется человеком. В душе пробуждается что-то дикое, волчье. Хочется рвать и кусаться, бросаться на врагов и драть их в клочья, разгрызать кости, лить кровь».

– Что, припомнил? – раздался на ухом мелодичный смех.

Виденье детства пропало. Горихвост поднял помутневший взор на Мару, что разглядывала его с любопытством, следя за каждым изменением его лица.

– А вот тебе следующий узелок! – сказала она и тронула пальцем нить.

Горихвост снова увидел родную деревню. Он, мальчишка, крадется в сумерках по задворкам. Он озяб, устал и оголодал. Княжие слуги с горящими факелами несутся по улице и улюлюкают. Им весело, они горячи, в жилах бурлит кровь, смешанная с красным вином. Малец дрожит, как осиновый лист – его прикончат, как только найдут. Неожиданно за спиной раздается глухое рычание. Он оборачивается: это собака скалит зубы и готовится к броску. Он кричит и срывается с места, а собака несется за ним. Княжьи слуги хохочут и спускают вслед целую свору. Мальчик прыгает через заборы, оставляя на них клочья одежды, а его травят псами, как зверя. Для опричников это охота, веселье и гогот. Псы загоняют его в подземелье. Там ждет дед Шиворонец, сам едва живой.

Дедослав хватает мальчика, прижимает к себе и набрасывает на плечи волчью длаку, шепчет в ухо жаркое заклинание, а затем с неожиданной ловкостью поднимает и подбрасывает к потолку. Горюня взлетает и падает наземь уже серым волчонком со вздыбленной шерстью, тонкими лапами и куцым хвостом. «Беги в лес! – шепчет дед. – Сиди там, прячься, и не высовывай носа из чащи!» И вот он уже на опушке заповедного леса, а опричники все несутся за ним, продолжая охоту, улюлюкают и осыпают стрелами.

Какая мертвая хватка у этой холодной царицы! И взгляд такой же безжалостный – в точь как у тех же опричников. Только голос другой – такой мелодичный и звонкий, но от такого дрожь пробирает еще глубже. А тонкие пальцы уже подбираются к следующему узелку, и Горихвост закрывает глаза, потому что не хочет видеть всего, что приходит на память.

«А предательство друга? Маленький злыдень Игоня, в своей пестрой одежке похожий на кукольного скомороха? Каким душевным товарищем он казался мне, пока не стащил черную книгу и не выставил меня виноватым. Мужики тогда чуть не сожгли Мироствол и не разграбили сокровища в его пещерах. А единственный мой дружок, с которым я часами болтал обо всем на свете, которому изливал душу, задумал известить и всю братию, и меня. Сам захотел стать хозяином леса. Что за бредовая мысль! Как он мог так со мной поступить? И кто теперь мне друг? Кому я могу открыться?»

Уголки губ царицы чуть заметно приподнялись вверх. Какая тонкая у нее улыбка! И какая ледяная – как дыхание мороза среди лютой зимы. Пальцы опять заскользили по нитке, подбираясь к следующему узелку.

– Стой! Не надо! – взмолился Горихвост.

– Уже надоело? – улыбнулась Мара.

– Перестань мучать меня! Лучше порви эту нить.

– А ты знаешь, что будет, когда она разорвется?

– Уже догадался, – хмуро буркнул Горихвост.

– Что ж, ты сам попросил!

Ледяной тон Царицы не оставлял надежды на пощаду. Она достала из-под полы маленький серп, начищенный до зеркального блеска. Несколько снежинок опустились на его тусклую сталь, но не растаяли, а соскользнули с лезвия. Мара взмахнула серпом и приготовилась перерезать эту черную нить с узелками. Горихвост тяжело вздохнул и зажмурил глаза. Ледяное дыхание Мары обожгло его щеки.

– Где же эти охотники? – вырвалось у Горихвоста. – Когда не ждешь их, они донимают. И вот единственный раз понадобились – а их нет!

Белые песцы подскочили и залились надрывистым тьявканьем. Из темной чащи вырвалась свора гончих и ринулась к Миростволу. В один миг вся поляна вокруг Древа миров превратилась в бурлящий водоворот, в котором рыжие шкуры гончих перемешались с белыми пятнами гигантских песцов. Мара помрачнела и отступила. Снежные псы окружили

ее и оскалились, отпугивая деревенских собак.

– Они мне мешают! – обратившись к Дью, прошипела Царица. – Избавься от них.

– Не изволь беспокоиться! – засуетился Дый. – Сей же миг все устроим!

Он махнул рукой лесной братии. Бес, оборотень и русалка нырнули под огромные корни Древа, торчащие из-под земли, и скрылись из виду. Сам Дый увлек Мару в пещеру, вход в которую зиял за его престолом. Песцы бросились следом и пропали в темном провале. Проскрипели каменные ступени, давая знать, что Лесной царь и его гости удаляются в глубину подземелья.

Гончие сгрудились перед зияющей пастью пещеры. Они лезли друг на друга, толкались и заходились от лая, но не решались перескочить через порог, за которым сгущалась пугающая тьма.

Вслед за сворой из чащи выкатилась округлая фигурка мельника, сжимающего в руках палку, обмотанную горячей ветошью. Лицо Курдюма перекосилось то ли от ярости, то ли от страха, глаза жутко вращались, а рот издавал нечленораздельные вопли, похожие на заклинания. За ним сквозь густые кусты продралась еще двое загонщиков – высокий боярин лет тридцати пяти, в добротной лиловой ферязи из заморской парчи, и его слуга, отчаянного вида мужичок лет за сорок, в простецком кожухе с оторванными рукавами, по всему виду – псарь.

– Курдюм, сюда! – завопил Горихвост. – Пом...

Он поперхнулся. Слово едва не сорвалось с его языка, но застряло в горле комком. Горихвост никогда не просил о помощи – он привык жить в лесу и надеяться лишь на себя. Других он выручал частенько, и делал это с охотой, а уж то, что ему доверили охранять зачарованный лес с Древом миров, и вовсе наполняло его тайной гордостью. Но чтоб просить помощи самому? Такого он не припомнил. Однако теперь ему пришлось переступить через гордость.

– Помоги мне, Курдюм! – прохрипел он. – Ради ушедших богов! Вдруг они не сгнули насовсем? Вдруг вернуться? Тогда тебе это зачтется!

Мельник разглядел наконец пленника, привязанного к стволу, и помчался к нему. При этом он так дико размахивал своим самодельным светочем, будто хотел подпалить небеса. Оба спутника устремились за ним, но псарь кинулся не к Горихвосту, а к своим гончим, и принялся оттаскивать их от пещеры.

– Это воевода Видослав Рославич, новый хозяин села, – запыхавшись, выпалил Курдюм. – А там его псарь Звяга.

– Развяжи меня! – едва слушая, бросил в ответ Горихвост.

Курдюм впился ногтями в веревки, но пеньковые узлы оказались такими крепкими, что справиться с ними не удалось. Видослав Рославич принялся кромсать канаты ножом, но и острое лезвие лишь оставляло зарубки на толстых плетенках.

– У тебя меч был. Он где? – затараторил Курдюм.

– Отобрали, – с досадой откликнулся Горихвост. – Дыева дочка стащила, чтоб ее лихоманка прибила!

– У Лесного царя есть дочь? – переспросил воевода Видослав.

От удивления он перестал резать веревку. Его серые, цвета темного моря глаза забежали по поляне.

– У него много кто есть, – с беспокойством выговорил Горихвост. – Тут еще и бес со всей шайкой в засаде, так что держите ушки остро, не попадитесь!

– Что ж тебя так запутали? – пыхтя изо всех сил, опустил руки Курдюм. – Вот черти лесные! Ну как с ними сладить? Где эта Дыева девка? Отниму меч обратно и мигом тебя ослобожу.

– Не до нее сейчас! – завертел головой пленник. – Тут где-то Мара была, вот кого надо бояться!

– Мара? – едва услышав это имя, загорелый Видоша побледнел и отскочил от Древа. – Чур меня, только не тронь!

– Не зови Чура, он тоже поблизости! – не удержался от гогота вурдалак. – И от кого это так псиной воняет? Не выношу запаха псарни.

– Ты свою стельку нюхни, зверь лесной! – откликнулся Звяга, который как раз приближался, угомонив гончих. – Таких, как ты, собаки к селу на версту не подпустят.

– Твои собаки поджимают хвосты, едва почуют мой след! – не без самодовольства заметил Горихвост.

– Что-то ты слишком борзой для щенка, с которого шкуру едва не спустили, – стрельнул темным глазом псарь.

На его щеке искривился багровый рубец, длинный мясистый нос шевельнулся, изображая недобрую ухмылку. Вислоухий пес, которого он держал за ошейник, вырвался и с лаем бросился к хитросплетению дубовых корней. На вывороченном из земли кряже преспокойно сидел русский заяц, чесал задней лапой за ухом и нахально разглядывал незнакомцев. На шее его виднелся поясок из оленьей кожи. Звягин пес подпрыгнул и попытался цапнуть его за ляжку, но не долетел и только щелкнул зубами в воздухе. Вся остальная свора кинулась ему помогать. Поляна потонула в ожесточенном лае.

Заяц сделал вид, будто струхнул, осторожно спустился с корневища и, не слишком торопясь, затрусил вдоль широкого ствола. Его коротенький хвостик при этом так призывно качался из стороны в сторону, словно его обладатель нарочно поддразнивал гончих. Недолго думая, собаки рванули за ним. Звяга растерянно выкрикнул: «Я в этом лиходейском лесу без псов ни шагу!», и бросился за своими питомцами. Видослав тоже не устоял на месте, а следом пустился в бег и Курдюм. Шумная и толкающаяся лавина покатилась по поляне, перескакивая через вывороченные корни.

– Вы куда? Стойте, простаки! – закричал им Горихвост. – Заяц липовый! Это козни нечистой силы!

Но охотники так торопились, что им некогда было слушать предостережения привязанного к дереву пленника.

Корень дерева миров, загородивший вид на старую землянку Горихвоста, со скрипом распластался по земле. За ним открылось видение, которого сам Горихвост никак не ожидал тут увидеть. На месте узилища, в котором его продержали всю ночь, вставал дивный дворец. Каменные палаты с позолоченными крышами тускло поблескивали в хмуром сиянии сгустившихся сумерек. Серебряные стены кольцом опоясывали просторный двор. Распахнутые створки ворот зазывали войти, словно заманивая колдовством. Заяц нырнул в них, игриво вильнул хвостиком и скрылся из виду.

Свора гончих умолкла и принялась бегать вокруг, недоверчиво принюхиваясь. Звяга приблизился к воротам, осторожно заглянул и жадно потер ладони, как будто предвкушая поживу.

– Что там? – нетерпеливо спросил его Видослав.

– Нашлись сокровища Дикого леса! – довольно осклабился псарь. – А я думал, будто про них только в сказках рассказывают.

– Не ходите туда! Это обманка! – закричал им Горихвост.

Но боярин лишь с досадой от него отмахнулся. Толстенький Курдюм подкатился к воротцам, заглянул вслед за Звягой и разинул от удивления рот.

У порога возникла фигурка благообразного старца с седой бородой. Синий кафтан его был расшит серебрястыми звездами, отчего старец напоминал звездочета. Казалось, что прожитые годы гнетут его, однако даже сгорбившись, он на

две головы возвышался над боярином и его псарем. Едва почувяв его запах, псы зашлись от лая. Не обращая на них внимания, старец раскинул руки в радушном жесте и вкрадчиво заговорил:

– Вот вы и пожаловали, дорогие гости! Богатства Туманной поляны вас давно уже ждут. Берите столько, сколько сможете унести. Моя дочь вас проводит.

На крыльце палаты из белого камня показалась юная девушка в сказочном сарафане и высоком кокошнике. Вид ее неприятно кольнул Горихвоста: на мертвенно-бледных щеках слишком ярко горели румяные пятна от наведенной красоты. В мутно-серых глазах не пробежало ни искорки, что разительно отличало ее от подвижной, горячей Ярогневой. Девушка ласково улыбалась, но улыбка казалась натянутой и неживой.

Не закрывая рта, Курдюм переступил через порог и пошел прямо к ней.

– Эй, куда! Я дворец первым нашел! – вцепился в его пояс Звяга.

– Цыц! Я тут хозяин! Вперед барина не соваться! – окрикнул их Видослав.

– Вас морочат! Послушайте меня! Я сторож леса, я все их уловки наизусть знаю! – вопил Горихвост, порываясь выпутаться из веревок.

Видослав Рославич оглянулся, бросил на него неприязненный взгляд и поспешил к крыльцу. Звяга с Курдюмом

устремились за ним.

– Кто первым успеет, тот все и получит! – неестественно улыбаясь, пропела девица.

Забыв обо всем на свете, трое охотников бросились вверх по крыльцу. Звяга оттолкнул Курдюма, отчего тот поскользнулся и покатился вниз. Пока он карабкался обратно, боярин и псарь уже вломились в двери, которые девица услужливо распахнула. Мельник пронесся мимо нее и скрылся внутри.

Некоторое время их не было видно. Затем из каменной палаты донеслись грохот и звон, как будто кто-то переворачивал сундуки с ветхой рухлядью. Через пару мгновений на крыльце показался Звяга. Коварно улыбаясь, он вздымал в руках тяжелый ларец, из-под распахнутой крышки которого сыпались самоцветы. Следом возник боярин с грузом продолговатых серебряных слитков, которые он тащил за собой в сундуке. Последним выбежал из дворца толстый мельник, разодетый, как падишах тридесятого царства. Тяжелая шуба из соболиных шкурок волочилась по полу, сметая рассыпанные камни. На голове Курдюма колыхалась шапка с золоченым венцом, украшенным жемчугами. Пухлая ладошка сжимала драгоценный скипетр, которым мельник орудовал, словно дубиной.

Он попытался прорваться вперед, но Звяга наступил на край шубы, Курдюм споткнулся, перелетел через сундук с серебром и покатился вниз по ступеням. Бледная дева тарасила на них безжизненные глаза и медовым голосом пела:

– Не торопитесь, дорогие гости! Берите все, ничего не оставляйте!

Неожиданно золотой блеск дворцовой крыши померк. Белые стены заколыхались и начали растворяться в осенней мгле. Ветер сдул верхние этажи, над которыми расплывались остроконечные шатры, чьи пики мгновенье назад вонзались в темные тучи.

Боярин Видослав оступился и покатился по лестнице вслед за Курдюмом. Сундук опрокинулся, серебряные слитки высыпались на ступени. Барахтающийся Курдюм ухватил за ногу Звягу и подцепил его, отчего псарь грохнулся носом в пыль и выпустил из рук свой ларец. Самоцветы рассыпались и перемешались с серебром. Шапка с короной слетела с головы мельника и покатила по двору.

– Лови! Собирай! – заголосил Видослав.

Курдюм не успел подняться и прямо на карачках пополз к шапке, но стоило ему ухватить ее меховой краешек, как корона рассыпалась в прах. Ветер швырнул ему в лицо облачко пыли, оставшееся от золота с жемчугами.

– Эй, а где мое золотишко? – растерянно выдавил из себя мельник.

Черный ворон спикировал с Древа, ухватил клювом шапку и потянул на себя. Курдюм догадался, что его грабят, пришел в ярость и попытался прихлопнуть ворона скипетром, но стоило ему занести руку, как драгоценная рукоять превратилась в обглоданную кость, явно вытащенную из могилы

покойника. Мельник с отвращением отшвырнул ее от себя и заголосил:

– Это что тут творится? Братцы, не иначе, как нас водят за нос!

– Наконец-то дошло! – с облегчением выдохнул Горихвост.

Боярин Видослав испуганно забегал глазками по сторонам и изо всех сил сжал в ладони серебряный слиток с двумя зарубками.

– Не дави так – сотрешь в порошок! – раздался сверху насмешливый голосок.

Боярин поднял голову и увидел русалку, повисшую на ветвях и раскачивающуюся, как на качелях. Взметнулась волна длинных зеленых волос, и поляну огласил издевательский хохот, похожий на визг.

Видослав поспешил упрятать серебряный слиток за пазуху, но тут обнаружил, что сжимает почерневшую ветку ракиты с парочкой жухлых листьев. Он разжал ладонь – ветка упала в траву, усеянную грязным хворостом, в который обратилось серебро.

– Обольстили! Навадили! – загремел разъяренный рев Звяги.

Псарь оторопело глазел на горсть рассыпающихся угольков, в которые обратились сверкающие самоцветы. Он неожиданно всхлипнул, просыпал уголья на землю и разрыдался, прикрыв ладонями лицо с перекошенным шрамом. На

щеках и на лбу, влажном от капелек пота, проступили следы пальцев, перепачканных в угольной пыли.

– Бегите, дурни! Это ловушка! – не унимаясь, кричал Горихвост.

– Я сокровищ не брошу! – рассвирепел Звяга. – Всю жизнь я мечтал вырваться из нищеты! Уйти от хозяина, зажить барином, сладко пить, мягко спать. И вот в кои-то веки выпала мне удача, так что же? Сбежать? Не на того напали!

Он бросился к бледной деве, взвизгивающей на всех троих с высоты крыльца, и яростно завопил:

– А ну, лярва, отдавай взад мои камни! Или я из тебя душу вытрясу!

Он вцепился в ее тощие плечи и так принялся их трясти, что стало ясно: его угроза – не шутка. Однако девушка вдруг выскользнула из его рук и превратилась в зайца с кожаным пояском вокруг шейки. Звяга изо всех сил пнул его носком стоптанного сапога. Заяц ойкнул, вполне по-человечески проматерился и покатился по траве, с каждым оборотом принимая облик бледного Дерябы.

Оборотень остановился, привстал на колени, и, протянув в сторону Звяги кулак, зло просипел:

– Ах ты, грязная псина! Я тебя первого упырю скормлю! Нарочно его попрошу, чтобы он сразу тебя не убивал, а еще из живого кровь выпил!

У Звяги отвисла челюсть. Он бросил обшаривать землю в поисках самоцветов и заторопился к воротам. Уже и Курдюм

сообразил, чем пахнет дело, а боярин Видоша все еще ломал ветхую скрыню, в которую обратился кованый сундучок, и бормотал:

– Где же рублики? Ведь казна целого княжества была у меня в руках!

Звяга схватил барина за рукав и потащил за собой. Курдюм обогнал их и первым вломился в ворота, отчаянно вереща:

– Сгинь, нечистая сила!

Стоило всем троем приблизиться к выходу со двора, как в воротах возникла фигура благообразного старца с седой бородой. Все так же радушно улыбаясь, он раскинул в стороны руки, перегородил проход и запричитал:

– Куда же вы, гости? Али не приглянулись вам наши лесные дары?

– Уйди! – заголосил Курдюм, накатываясь прямо на него.

Однако старец и не думал сторониться. Стоило мельнику уткнуться лбом в его брюхо, как синий халат звездочета свалился, обнажив жесткую шкуру с колючей шерстью. Седая бородка скрутилась в козлиную прядь, на голове показались рога, а крючковатый нос превратился в тупой, как у борова, пятачок. Словно плеть, хлестнул по земле голый хвост с пышной кисточкой на конце, а из-под нижней губы выпросталась пара огромных клыков.

– Батюшки! Да это бес! – дошло наконец до Курдюма.

Звяга издал растерянный хрип, подхватил Видослава в

охапку и помчался обратно, однако там уже тянул к его горлу оленьи перчатки оборотень, по тонким губам которого скользила злая усмешка.

– Государи небесные! Упасите! – взвопил полупридушенный Видослав.

– Шипуня, тяни! – прогремел хриплый голос Вахлака.

Повинуясь команде, русалка со всей мочи дернула за веревку, привязанную к тающему на ветру шатру. Дворец окончательно развеялся в туманном мареве, оставив лишь сеть из пеньки, натянутую вместо крыши на четырех грубых столбах. Сеть упала на головы Курдюма и псаря с голосащим боярином. Все трое отчаянно забарахтались, пытаясь выбраться, но запутались еще больше.

– Сиводур, не пускай их! – с азартом прокричал бес.

Тотчас грязная горка поблизости ожила и восстала, сбрасывая с себя дерн и листья, которыми она была присыпана. Под толстым слоем грязи обнаружился великан, огромная лапа которого заграбастала вторую сеть, расстеленную перед воротами. В нее попала свора гончих, которые от лая перешли на жалобный визг.

Сиводур прицепил обе сетки к толстому суку дерева, по которому прыгала, будто белка, Шипуня. Беспомощные охотники повисли над землей, истошно вопя и ругаясь.

– Попались! – торжествовала русалка, потирая ладошки.

– Я же вам говорил! – безнадежно выпалил Горихвост, отворачиваясь.

У него уже сил не осталось смотреть на то, как издевается нечисть над теми, кто шел, чтобы спасти его.

Однако долго печалиться ему не позволили. Из глубины пещеры выступил Дый, оглядел сетку с подвешенными людьми, и позвал:

– Государыня Мара, изволь возвратиться! Те, кто нам помешал, обезврежены. А жертва все еще ждет!

Мара приблизилась к Горихвосту и произнесла:

– Вот ты и мой. Теперь тебя никто не спасет.

Какое холодное дыхание у Мары! Один вдох – и твоя душа вылетает из тела и прямо в воздухе замерзает. Мара прячет ее в кошель, что висит у нее на поясе, и завязывает на шнурок. После забирается в сани, и вожак рвется с места. Мелькают под полозьями земли и страны, одна темнее другой, пока не пронесется мимо край света. А дальше, за краем – вотчина зимней царицы, где властвует вечный мороз. Там скованы льдом души тех, кто попал в ее рабство. Ни жизни, ни смерти, одно вечное забытье.

Колдунья оперлась обеими руками о ствол, прижав вурдалака, и склонилась к его лицу. Горихвост сморщился и попробовал отвертеться, но заснеженные губы царицы оказались прямо перед его куцей бородкой.

– Боги, где бы вы ни были, помогите! – прошептал он.

И в этот же миг над поляной поплыло раскатистое пение заколдованного рога. Волна гулкового звука ударила в уши и перевернула душу. У Горихвоста как будто вскипела кровь.

Мара испуганно отшатнулась.

– Труби еще! Распугай их всех к едрене фене! – орал в сетке Курдюм, подвешенный к Миростволу.

Рядом с ним, едва барахтаясь от тесноты, боярин Видослав прижимал к губам волшебный рог Рокотун. Звяга изо всех сил оттягивал сеть на себя, чтобы дать хозяину хоть немного простора. Все трое были плотно прижаты друг к другу, но еще находили силы, чтобы сопротивляться. В соседней сетке разразилась лаем кишащая масса рыжих собачьих тел.

– Я знаю: нечисть лишь одного боится! – не унимался Курдюм. – А ну, поддадим огоньку! Подпалим логово – зверье само разбежится!

Он просунул сквозь ячейки просмоленную паклю и принялся щелкать огнивом. Снопы искр посыпались из его ладоней. Несколько неудачных попыток – и пакля наконец запылала. Курдюм швырнул ее в кучу сухой листвы и заорал:

– Получите, нечистые! Мы всю вашу поганую чащу в сплошное огнище превратим!

Языки пламени с жадностью бросились пожирать мелкий хворост и жухлую траву. Огненные завитки поползли по краям желтых листьев. Стоило ветру поворошить листву – и огонь вспыхивал в полную силу, начинал гудеть и трещать, словно запугивая всех, кто вставал у него на пути.

Оборотень Деряба со страху превратился в стог сена. Огонь тут же подполз к его подножию, лизнул нижние со-

ломинки и начал бодро карабкаться вверх, словно радуясь редкой удаче. Из сена повалил сизый дым. Стог человеческим голосом заверещал, опал на землю и снова стал бледным юношей в богатом кафтане, только на этот раз кафтан с шапкой горели, а из-под стоячего воротника вырывались дымные струйки. Не переставая визжать, Деряба заметался по полю. Длинные рукава его бестолково болтались.

Русалка Шипуня свесилась с древесного сука, пытаясь помочь ему, но пламя лизнуло ее длинные волосы, и она взвизгнула, как резаное поросся. Совершив в воздухе невероятный кульбит, она нырнула в ручей, вытекающий из-под корней Мироствола. Мгновенье ее не было видно, затем вода в ручье вспенилась, русалка вынырнула, схватила Дерябу за шиворот и потащила на дно.

Великан Сиводур наступил толстой лапой в огонь, глухо ухнул, развернулся и бросился прочь. Чащи, вставшей у него на пути, не поздоровилось: волот влетел в нее на полном ходу и начал прокладывать путь, выламывая древние сосны и затаптывая кусты. Через минуту за его спиной образовалась целая просека, а еще через пару мгновений Сиводур скрылся из виду.

Дольше других продержался Вахлак. Он попытался бороться с пожаром, но понял, что силы неравны, хлопнул крыльями и взмыл в воздух. Пламя лизнуло ворсистую кисточку на его хвосте, отчего над поляной поплыл едкий запах паленой курицы. Бес обругал на чем свет «Огненного Сварожи-

ча», очевидно, считая его виноватым в беде, и поднялся выше. Некоторое время он еще носился над поляной, высматривая, чем помочь, но потом сдался и полетел прочь – туда, где воздух оставался прохладным и чистым.

Все это происходило под победоносный гул рога, в который Видослав дул, не переставая, чтобы окончательно вспугнуть нечисть. В руках Звяги мелькнул стальной нож – псарь ловко разрезал ячейки сети, и все трое пленников свалились на черные проплешины, оставшиеся после уползающего огня. Пока Курдюм охал и потирал бока, Звяга разрезал соседнюю ловушку, в которой копошились собаки, и рыжая лавина снова хлынула на поляну, суется и оглашая лес лаем.

Кучи опавших листьев вспыхивали одна за другой. Огонь подкрадывался все ближе и ближе к Древу миров, пока не охватил его алым кольцом. Полыхнул толстый корень, отгораживая привязанного Горихвоста Мары с ее снежными псами. Из темноты подземелья выскочила Ярогнева. Искры пламени отразились в ее расширенных глазах.

– Батюшка! Прячься! Огонь всех попалит! – закричала она.

Дый обвел взглядом стену огня и неуверенно предложил Маре:

– Государыня, не изволишь ли сойти в преисподнюю? Лиходей нас укроет, стоит мне попросить.

– Ты совсем сдурел в лесной глуши? – Мара посмотрела на Дыя так, будто тот предложил ей сунуть голову в пасть

бармаглота. – Я тысячу лет просидела у Лиходея в плену. И ты хочешь, чтоб я добровольно к нему вернулась?

Всего несколько уверенных движений понадобилось ей, чтобы впрячь в сани песцов. Холеные пальцы ударили вожак по холке, тот потянул упряжь, и сани взмыли ввысь. Воспарив над землей, Мара грозно окликнула Дыя:

– Видать, ты нарочно все это придумал, чтобы заманить меня в пекло. Посулил жертву, да обманул. Хотел поймать меня на живца?

– Что ты! – растерялся царь леса. – Как могла ты такое подумать? Я не враг ни тебе, ни князю тьмы. Мне до ваших распрей нет дела.

– Языком-то молоть ты горазд, да поступки твои сами за себя говорят, – не согласилась царица. – Докажи, что не пытался меня обвести. Иначе я из тебя самого душу высосу. Вот выйдет из тебя украшенья моему ледяному дворцу!

Над спинами песцов расправились крылья, что до сих пор были тщательно скрыты под гладкой шерсткой. Вожак рванул сани и понес их по небу, увозя хозяйку в северный край. Тяжелые снежные тучи полетели за ней, открывая синее небо и сияющее дневное солнце. Дый посмотрел вслед, покачнулся, охнул и оперся на Ярогневу.

Огонь смел тонкий покров листвы и покатился к опушке. Курдюм проскочил мимо сплетения корней и добрался до Горихвоста.

– Погоди-ка, не ерепенься, – бормотал он, рассекая верев-

ку ножом, выхваченным у Звяги. – Еще чуть-чуть, и мы отсюда сбежим.

Толстая пенька начала наконец поддаваться. Ее края лопнули, оставляя лишь тонкую ниточку посередине, на которой еще удерживалась перевязь. Горихвост поднапрягся, дернулся и попытался порвать ее. Жилы на его лбу вздулись, черная шерсть на загривке заблестела от пота. Нить с треском лопнула, путы начали опадать. Держась подальше от полыхающего корня, к ним подбежали боярин со Звягой.

– Перестань дуть в свой рог! – выпутываясь, взмолился Горихвост. – Он мне всю душу выворачивает наизнанку.

– Был у нас один пленник, теперь будет четверо! – раздался над их головами суровый окрик.

Горихвост оторвал взгляд от небес и увидел Лесного царя, что приближался к нему со стороны пещеры. За ним поспевала Ярогнева, на поясе которой болтался его собственный меч. Едва Видослав увидел их, как изменился в лице.

– Друзья мои, нам пора отступать, – тихо проговорил он.

– Ну нет! – неожиданно взорвался Курдюм. – Взгляни-ка, Горюня: у этой девки твой тесачок. Давай его отобьем!

Ярогнева приблизилась к Горихвосту, положила ладони на тлеющий корень и уставилась на него.

– Что ж ты не бьешься? – насмешливо прозвенела она. – Твой дружок так и рвется в драку.

Горихвост заглянул в ее глаза – голубые, яркие, с лихой искоркой удалого безумия, какого он не встречал больше ни

у кого, даже у самой отъявленной чертовщины. И отступил на шаг назад. Девушка засмеялась.

Пожар обжег темные тучи, оставшиеся после бегства Мары. Они загустели и пролились на землю холодным дождем. Липкие капли прибили языки пламени, еще продолжающие вылизывать кучи опавших листьев. Огонь зашипел от ярости, но дождь оказался сильнее, и пламя начало гаснуть, оставляя после себя струи пахучего дыма.

– Дочь моя, – вымолвил Лесной царь, – Мара не даст нам покоя. Чью-то душу она заберет. Если не выдать ей вурдалака, то она вернется за мной.

– Да, батюшка, – покорно ответила Ярогнева. – Я его приведу.

Она ловко вскочила на корень. Меч с зеленым камнем в рукояти скользнул ей из ножен в ладонь и лег, как влитой.

– Горюня, линияем! – встряхнул мельник Горихвоста.

– Чтобы я испугался какой-то малолетки? – заупирался вурдалак.

– Это кто малолетка? – обиделась девушка. – Ах ты, змеиный язык!

Она замахнулась мечом и рванулась вперед. Боярин Видослав отскочил, и, не дожидаясь, пока дева приблизится, заголосил:

– Дёру!

Не церемонясь, Звяга заехал Горихвосту кулаком по затылку, отчего в голове зазвенело, как внутри колокола, по

которому двинули билом. Было больно, зато мысли сразу прочистились. Горихвост развернулся и припустил за товарищами, которые уже улепетывали со всех ног.

– Дочка, не дай им уйти! – кричал сзади злой царь.

– Не беспокойся, батюшка, я жертву не упущу, – откликнулась Ярогнева.

Но беглецы и не думали ждать. Все четверо скрылись в едком дыму, от которого щипало глаза.

– Я их не вижу! – с досадой проговорила царевна.

– Хорохор! – выкрикнул Дый.

Черный ворон спикировал с Древа.

– Я так и знал, что тебя не испугают ни град, ни пожар, – ласково потрепал его перья царь. – Лети за бегунами и дай знать, как увидишь их.

Ворон каркнул, встряхнул крыльями и взмыл ввысь.

– Следуй за ним, – приказал дочери Дый. – Птица укажет тебе путь к Горихвосту. Помни, дочь: один из нас отдаст душу Маре – либо он, либо я.

Ярогнева забежала в клубы непроглядного дыма, но тут же запуталась и потеряла направление. Она попыталась продвигаться на ощупь, но споткнулась о корень и растянулась.

– Я тебе покажу малолетку! – выкрикнула она в пустоту. – Мне почти восемнадцать. Ну, волчья морда, попадись только мне! Шкуру спущу!

Глава 5. Лесная охотница

Горихвост улепетывал со всей мочи – так, что лес трещал, потому что бежать приходилось напролом. Ему казалось, что он продвигается слишком медленно, и что в любой миг с неба нагрянет неистовый бес, или тропа вдруг искривится под умелыми чарами лешего и выведет обратно, прямо в руки царя, или еще какое черное колдовство наведут на него братья-нечистики, которые в этом деле большие знатоки.

Грудная клетка вздымалась от хриплого дыхания, а легкие ходили ходуном, как кузнечные меха. Боярину Видославу Рославичу и псарю приходилось еще хуже – эти были непривычны к бегу по чащам, а Курдюм и вовсе застрял где-то сзади.

Горихвост выскочил на опушку и ухватился руками за сук, чтобы не свалиться от изнеможения. Лопоухие гончие путались под сапогами, как будто и без них не нашлось бы, обо что споткнуться. Ободрав дорожную ферязь о колючки, из чащи вылез боярин. За ним появился Звяга, кожух которого насквозь промок от пота. Но, несмотря на усталость, псарь тут же принялся пересчитывать собак.

– Курдюм где? – едва выплевывая слова, прохрипел Горихвост.

– Отстал, – махнул рукой в сторону леса боярин.

– Надо вернуться.

– Брось. Вернемся – сгинем.

– Он за мной воротился. А я его брошу? Не по-нашенски это, – возразил Горихвост и полез в кусты.

Подлесок проглотил его с головой, но стоило ему поскользнуться на россыпи бледных поганок и со смачным чвоком плюхнуться в грязь, как из гущи колючего малинника ему навстречу выкатился толстый мельник, точно так же скользнул по траве и грохнулся следом. Оба беглеца – худой и высокий Горихвост и маленький круглый мельник – столкнулись лбами, отчего по лесу пролетел такой звук, будто полное ведро со стуком поставили на край колодца.

– Батюшки-святые! Спаси-сохрани! – со страху заверещал Курдюм.

– Лихо-мареву! Как обухом по рогам! – взвыл Горихвост.

– Чего ты бодаешься? – обиженно выкрикнул мельник.

– Это я бодаюсь? Мне нечем! Всю башку обдолбали! – сквозь брызнувшие слезы простонал вурдалак.

Они посмотрели друг на друга и разом расхохотались. Курдюм обнял лесного верзилу и вымолвил:

– Горюня, как я рад, что ты цел!

– А я уж и не чаял тебя увидеть. Думал, чаща тебя проглотила.

– Э, нет, брат! Я лесу не по зубам.

– Не говори! Хоть ты с виду и жирненький, как Еропкино поросся.

Они снова расхохотались. На опушку оба выбрались, обнимая друг друга за плечи.

Звяга хмуро взглянул на них и неодобрительно буркнул:

– Вот дружки: волк и боров!

– Молчи, пес! – бросил в ответ Горихвост. – Свору на поводке держишь, а вот язык за зубами держать не умеешь!

– Эй, холопчики, вы чего лаяться вздумали? – прикрикнул на них Видослав. – Мы же только что вместе ушли от опаски.

– Пес и волк по-другому не могут. Знать, природа такая, – примирительно молвил Курдюм, обнимая обоих.

– Как там погоня? – не успев отдышаться, забеспокоился боярин. – Нечисть от нас просто так не отстанет.

– Угомонись! Я лесную братию знаю. Ни бес, ни леший за лесную опушку не сунутся, – успокоил его Горихвост. – Разве что ворон сюда залетит, ну ему-то мы перышки быстро оциплем.

– И все же давайте убираться подобра-поздорову, – расстроился Видослав. – Звяга, пригляди за тропой: не идет ли кто по нашему следу?

– Погоди, барин, не до того мне! – недовольно ответил псарь. – Не видишь что ли: выжлица ополоумела. Не даётся мне в руки.

– Ну и брось ее, после сама прибежит.

– Что ты! Как можно? Я ее со щенячьего возраста помню. Вдруг дикие твари ее затерзают? Помоги-ка лучше ее пой-

мать. Да береги пальцы: в сильном расстройстве она и хозяйка тятнет.

Боярин нехотя поплелся за псарем и сделал вид, что помогает ему ловить суку. Однако выжлица и в самом деле была не в себе: она не давалась, визжала и носилась между опушкой и конопляником, беспокоя всю свору. Наконец, она нырнула в заросли конопли и скрылась из виду. Боярин и псарь углубились за ней.

Горихвост перевел наконец дух, хлопнул по плечу Курдюма и вымолвил:

– Пусть бегут. Но как вышло, что судьба вас так вовремя принесла?

– Эх, кабы надеяться на судьбу, то висела бы сейчас твоя шкура на Древе миров, и клевало бы ее вороньё! – расплылся в улыбке мельник. – Как слинял ты с мельницы в сильном подпитии, так и заговорила во мне самая бесполезная вещь на свете – совесть. Ну, думаю: раз волка на подвиги потянуло, то лучше бы овцам не бляеть. А в деревне у мужиков на тебя зуб. Как бы шкурку с тебя не спустили! Дождался я утра и пошел посмотреть, не случилось ли беды. Вижу: деревня с рассвета не спит, вся переполошилась. Селяне рассказывают, что полночи за вурдалаком гонялись, да призрак Прежнего барина в лес его уволок. Эх, думаю, быть огорченьицу! Кинулся в ноги воеводе Видославу Рославичу, так мол и так, говорю, ты теперь на селе главный начальник, так изволь, мол, распорядиться – спаси от лютой судьбы Горихвоста. Те-

бе доброе дело зачтется.

– Разве не князь на селе главный?

– Князь-то что? Он только и думает, как бы в столицу вернуться и снова на свой золоченый престол сесть. А боярин Видоша сельцо наше прикупил себе в вотчинку – видать, задумал тут корни пустить. Он и есть настоящий хозяин. Ты разве не знал?

– Откуда? Кому в лесу интересны деревенские сплетни?

– И то верно. В лесу жить – по-волчьи выть, – согласился Курдюм.

– Борзуха! К ноге! – послышался из зарослей голос, охрипший от крика.

– Зачем нам вообще выходить? Может, выгодней в зарослях отсидеться? – последовал тут же рассудительный голос боярина.

Из конопляника появился Звяга с выжлицей, посаженной на поводок. Лопухая гончая беспокоилась и вырывалась, так что псарю стоило сил ее сдерживать. Боярин высунул из кустов испуганное лицо, огляделся и сделал маленький, очень-очень осторожный шагочок на опушку.

Горихвост задрал голову. Над верхушками сосен кружил Хорохор, расправив черные крылья и склонив хищный клюв. Увидев людей, он победоносно каркнул и начал снижаться.

– Выследил нас, злодейский пособник! – попытался прикрыться кустом Видоша.

Лапы молоденькой елочки у опушки дрогнули, и из-за них

показалось юное личико с гладкой кожей. Пара глубоких голубых глаз уставилась на беглецов. Золотисто-пшеничные волосы, заплетенные в две косы, всколыхнулись от беззвучного хохота. Серебряный обруч с лазоревым яхонтом перекосялся, скрывая морщинки, побежавшие по гладкому лбу. Ладонь с золотым кольцом на мизинце поправила драгоценную запону багряного корзна, на спине которого колыхался вышитый сокол, несущий в когтях ветку дуба.

Хорохор резко спикировал с высоты и уселся на еловую лапу вровень с пушистым воротом из куньего меха. Однако стоило ему заметить запону с желтым прозрачным камнем, в глубине которого мерцала темная прожилка, похожая на змеиный зрачок, как он испуганно каркнул и перелетел повыше.

– Не бойся, Змеиный глаз кого попало не ворожит, – раздался звонкий голосок охотницы.

– Я нашел их, царевна. Но они уже выбрались из владений твоего батюшки, – прогряял ворон, опасливо косясь на запону.

– Тебе-то что беспокоиться? У птиц нет границы. Да и я хожу, где хочу, – беспечно ответила Ярогнева.

Стоило ей отодвинуть куст и показаться на опушке, как Видослав Рославич испуганно заголосил:

– А вот и погоня! Дождались! Эх, говорил же я вам!

Ярогнева достала из-за спины лук и тул со стрелами. Ее движения не оставляли сомнений: охотница собиралась

стрелять. На расстоянии в два десятка шагов спрятаться от ее стрел было негде. Да и что это были за стрелы! У людей таких точно не сыщешь. У каждой из них наконечник пылал пламенем, как огненный цветок. Казалось, что стоит тронуть такую стрелу – и обожжешься. Но Ярогнева уверенными движениями вытащила одну из них из тула и положила на тетиву.

– Стрельнет – насквозь прожжет, – заворожено прошептал Курдюм, наблюдая за тем, как распускается пламенеющий цветок в руках у царевны.

Решив, что выжидать опаснее, чем поторапливаться, он отчаянно бросился к ней. Полотняная шапочка мельника едва доходила охотнице до носика, однако толстяк так вцепился в ее тоненькую фигурку, что лук со стрелой выпали из ее рук. Царевна потянулась к поясу и выхватила из ножен меч.

– Знаешь, что это? – грозно спросила она Курдюма. – Это меч Душебор. Он забирает души таких остолопов, как ты.

– Мы еще посмотрим, кто из нас остолоп, – возразил Курдюм и вцепился ей в пояс.

Ворон на ветке беспокойно заграял.

– Оскорбить меня хочешь? – выкрикнула возмущенно царевна.

В самом деле: сорвать с девы пояс, да еще при народе, у вятичей считалось таким оскорблением, что родня обиженной вряд ли простила бы посягателя. Однако в этот миг изображения девичей чести, похоже, беспокоили Курдюма мень-

ше всего.

– Отдай меч! – с неожиданной дерзостью рявкнул он.

– Зачем он тебе? У тебя руки кривые, – возразила царица.

– Все равно он не твой. Ты его у вурдалака стащила.

– Тебе-то что? Выискался заступник.

Ярогнева направила острие Курдюму в брюхо, легонько ткнула и осведомилась:

– А если насквозь продырявить – что из тебя потечет: кровушка или пиво?

Мельник опешил и отскочил назад. Глазки его забегали, он решил сменить тактику и вкрадчиво предложил:

– Тогда, может, продашь его? Взгляни на рукоять. В ней камень зеленый, он к твоим глазам не идет.

– К моим глазам все идет, – заверила царица.

На миг она все же смутилась, и непроизвольно поправила легкий венец с синим сапфиром, перекосившийся на ее пшеничных волосах. Пока мельник неловко топтался, не решаясь приблизиться, она подобрала лук и взяла стрелу, наконечник которой рассыпал сноп искр. Оглядев всех четырех мужчин, она остановила взгляд на парадной ферязи Видослава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.